

№ 1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мустафа ЧЕМЕНЛИ. <i>Трехлетний пленник. Повесть.</i>	3
Варис ЕЛЧИЕВ. <i>Метаморфозы. Повесть.</i>	68

ПОЭЗИЯ

Елизавета КАСУМОВА. <i>Стихи.</i>	61
Татьяна ХАРИТОНОВА. <i>Стихи для детей.</i>	130

ПУБЛИЦИСТИКА

Ширин МАНАФОВ. <i>Как война создает новое качество.</i>	45
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Беспредел.</i>	65
Ляман БАГИРОВА. <i>Свобода быть собой.</i>	126

2019

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 21.12. 2018г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НPKТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НPKТ ММС

МУСТАФА ЧЕМЕНЛИ

ТРЕХЛЕТНИЙ ПЛЕННИК

Повесть¹

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

*Каждый младенец рождается не иначе,
как в своем естественном состоянии,
уже потом его родители делают из него иудея,
христианина или огнепоклонника.*

Пророк Мохаммед

Вечером, с наступлением сумерек, пуля, выпущенная с оккупированной территории армянским солдатом, угодила в ногу восьмидесятипятилетней учительницы Гаратель, пробив голень и пройдя навывлет. К счастью, кость была не задета, ибо сращение кости в ее возрасте было бы почти невозможным. Село Гарагашлы, расположенное в пятистах метрах от врага, неоднократно подвергалось обстрелу, но несмотря на это никто не собирался покидать село.

Хорошо, что в селе Гарагашлы был свой фельдшер, Сусанбар-ханым, большая часть жизни которой прошла в стенах местной больницы, и если бы не она, многие жители давно уже погибли бы от потери крови. Сусанбар-ханым знала больше, чем дипломированные врачи, и если бы она не подросла вовремя, Гаратель-муаллима скоро бы покинула этот бранный мир. Фельдшер, кое-как приостановив кровотечение из простреленной голени, вколола женщине обезболивающее. Закончив перевязку, она вытерла пот со лба, а затем, обратившись к старшему сыну Гаратель-муаллимы Шакиру, который, насупившись, сидел в сторонке, затягиваясь сигаретой, поручила ему немедленно доставить мать в больницу и сделать рентген ноги.

– Немедленно вези ее, слышишь, не то могут возникнуть осложнения. Кто знает, а вдруг пуля была отравленной...

– Будь спокойна, Сусанбар-ханым, сейчас же отвезу. Не знаю даже, как тебя отблагодарить, – произнес Шакир, глядя в благообразное лицо Сусанбар-ханым.

– Никаких благодарностей, оказать помощь – мой долг.

И действительно Сусанбар-ханым была из тех людей, кто добросовестно выполняют свой врачебный долг. Именно поэтому она снискала к себе искреннее уважение и любовь односельчан. Ее жизненным девизом было делать добро всем без исключения: и тем, кто был при деньгах, и тем, у кого их не было.

Шакир, обругав армян, кое-как усадил восьмидесятипятилетнюю мать в «Жигули», при этом не удержавшись от колкости:

– Эх, муаллима, – он всегда так обращался к матери, – почему вы не поступаете так, как армянские женщины.

Побледневшая от потери крови и боли Гаратель-муаллима хорошо знала, куда клонит ее сын. Боль пронизывала все тело, стучала в висках, и она, стиснув зубы, тер-

¹ Журнальный вариант.

пела ее из последних сил. И тем не менее, уставившись потемневшими от боли глазами на сына, она спросила:

– В каком смысле?

– Не научили своих детей, подобно армянским женщинам, быть жестокими.

– Что поделаешь, Аллах создал нас такими сердобольными и милосердными.

– А ты знаешь, муаллима, кто стрелял в тебя в этот сумеречный час, кто ранил тебя в ногу? – спросил Шакир, поудобнее устроивая мать на заднем сиденье машины.

– Э, откуда мне знать, какой бешеный негодяй это сделал, – с трудом превозмогая боль, ответила Гаратель.

– А я вот знаю, кто это был.

– Ну и кто же? – заинтересованно спросила Гаратель-муаллима.

– Тот самый трехлетний Сергей, которого еще в 92-ом году взял в плен покойный Теймур.

– Э, не пори чепуху.

– А ты знаешь, муаллима, сколько лет будет тому змеенышу, которого ты пригрела у себя на груди, убаюкивая его по ночам и укладывая рядом с собой в постель.

– И сколько же?

– Двадцать пять.

– Он не станет стрелять в меня.

– Выстрелит, еще как выстрелит.

От горькой истины, высказанной сыном, ей стало как-то не по себе.

– Э, прекрати!

– Что, разве я не прав? Ему как раз пришло время служить в армии. Двадцать два года уже длится режим прекращения огня, но стрельба все не прекращается. Даст Бог, родится у тебя еще один внук, назовешь его Атешкес (Прекращение огня)... Вырастим и отправим его в ООН...

– Шакир, ради Бога, заклинаю тебя всеми святыми, заведи машину, давай поедем, а все разговоры про Сергея и упреки в наш адрес оставь на потом. Пока не наступила ночь, надо успеть заехать в больницу и вернуться назад.

Перестав пререкаться, Шакир, надавав газу, выехал со двора, оставив позади себя столб пыли.

Шакир жил в городе Мингячевир. Неделю назад он приехал в родное село, чтобы проведать мать. Когда-то, много лет назад, окончив среднюю школу, Шакир подал документы на физико-математический факультет университета. Но ему не повезло: он не прошел по конкурсу и вернулся обратно в село. В то время односельчане с укоризной смотрели на тех, кто срезался на вступительных экзаменах или же не прошел по конкурсу.

– Надо же, – говорили они, – и учительский сын срезался, и сын тракториста...

Шакир старался не отвечать им, хотя ему было что сказать, на что посетовать. Старшие любят осуждать молодых, думал он. Как говорится, в чужом глазу соринку видят, а в своем бревна не замечают. Да разве у сельской молодежи было время заниматься учебой и читать книги? Целыми днями они присматривали за отарами овец, собирали хлопок, косили траву или же собирали солому...

Вот и думайте сами, как молодежи селения Гарагашлы не срезаться на экзаменах, пройти по конкурсу...

Но в селе Гарагашлы никакие отговорки не принимались, людей интересовали только результаты. А результат каждый год был один и тот же.

И вот, чтобы избавиться от пересудов, Шакир однажды заявил матери Гаратель и отцу, шоферу Гасиду киши, что больше не желает жить в селе и хочет уехать в город Мингячевир, к дяде Сафару. Мол, устроится там работать на фабрику и на следующий год вновь попытает счастья. И родители не стали ему в этом препятствовать.

Дядя Шакира давно уже жил в Мингячевире. Он был секретарем парткома на хлопчатобумажной фабрике и пользовался там уважением и авторитетом. В детстве мать Шакира несколько раз возила его в Мингячевир к своему брату. А когда он повзрослел, стал подростком, мать, собрав в корзину разных гостинцев, сажала Шакира в автобус и отправляла одного к дяде в гости. Дядя всегда встречал племянника приветливо, водил его по всем достопримечательным местам города, покупал ему обновки. Но жена дяди, армянка Аня, при виде Шакира менялась в лице и недовольно хмурила брови. А Шакир, хотя и был обижен тем, с каким недовольным видом встречала его эта белолицая дородная женщина, по возвращении в село не рассказывал об этом родным, щадил дядю, дабы тот не упал в глазах родни.

Дядя Сафар жил на улице Социалистическая Болгария (в народе эта улица называлась Сос-Болгария) в трехкомнатной квартире на третьем этаже пятиэтажного здания с балконом, выходящим в сторону кинотеатра «Бахар». Кроме квартиры, у него была и небольшая дача с участком земли в пять-шесть соток у подножья Боздага.

Шакир постучал в дверь дяди Сафара в час наступления сумерек, когда последние лучи предзакатного солнца еще продолжали играть на стеклянных окнах домов. Дверь открыл ему не любимый и ласковый дядя, а его жена Аня ханым.

– Проходите, – нехотя промолвила она. Хотя ее недружелюбный тон и неприветливое обхождение сильно задела Шакира, он, находясь в безвыходном положении, был вынужден пройти внутрь. Оставив чемодан в коридоре, он протянул ей гостинцы, при виде которых на полном мясистой лице и толстых губах Ани ханым заиграла улыбка. В этот миг Шакир почувствовал внутри себя неприятный холодок.

– Твой дядя на даче, вскоре вернется, – сообщила Аня ханым Шакиру.

Пройдя в комнату, Шакир уселся на диван перед телевизором. К счастью, по телевизору шла его любимая передача «*Muğam aḫṣamı*» («Вечер мугама»).

Дядя Сафар почему-то запаздывал. Из кухни доносилось фырканье Ани ханым и звон посуды. Он вспомнил, как когда-то мать, Гаратель-муаллима, не давала дяде Сафару благословения на брак с армянской девушкой.

– Э, брат, быстро же ты забыл, как они изгнали нас из наших же родных мест? Может, ты не помнишь, в то время тебе было одиннадцать, а мне восемнадцать лет. Но я ничего не забыла. Все помню... В тот день они вплотную приставили машину к нашим дверям, как будто, останься мы там на день дольше, Армении бы не стало. Усадив нас в машину с открытым кузовом, они прогнали нас с родных земель.

– Дорогая моя сестра, – спросил брат, сощуриив глаза, – так в каком же году произошло это событие?

– В 1948 году.

– Но ведь тогда Аня, на которой я собираюсь жениться, только-только начинала ползать. Аня на одиннадцать лет моложе меня, слышишь, сестра, на одиннадцать лет. Какое она имеет отношение к тем событиям?

– Правду говоришь, никакого отношения не имеет, но у нее есть родня. Запомни, долго они не будут вести себя смиренно. Наступит день, когда ваши с Аней будущие

дети еще больше пострадают от этого. Если неумные армянские главари вновь начнут сеять семена раздора между двумя нашими народами, то ваши дети окажутся между двух огней, их не примет ни та, ни другая сторона. Бедные, ни в чем не повинные дети будут притеснены с обеих сторон и запуганы. Понимаешь, они обречены жить в постоянном страхе...

Сафар не внял словам сестры. Видя сложность ситуации, он, собрав своих сверстников, друзей и знакомых, решил сыграть «комсомольскую свадьбу» не в селе, а в городе. В действительности же осуждать их было не за что. Насильно разлучать любящие сердца – не богоугодное дело. И в самом деле, Сафар и Аня по-настоящему любили друг друга, и Гаратель пришлось примириться с выбором брата. Проходили друг за другом дни, месяцы, годы, и хотя они жили в согласии, и никто не вбивал клин между ними, Сафар и Аня не могли иметь детей. Но им даже не приходила в голову мысль разойтись. Они никогда бы не нарушили клятву, которую дали друг другу.

... Прошли годы, а в квартире Сафара так и не раздался детский смех. Хотя они с Аней и продолжали любить друг друга, однако разъедающая их душу печаль с годами оставила отпечаток на их лицах. Сафар выглядел подавленным и поникшим, да и Аня замкнулась в себе, стала сторониться людей. В их доме уже не было места тем людям, которые в былые времена могли подолгу засиживаться у них. Здесь третий был лишний. Они свыклись со своим одиночеством и вели тихую, размеренную жизнь. Аня хлопотала на кухне, стряпала еду, а Сафар, вернувшись с работы, ужинал, а по ночам они занимались любовью. Так однообразно проходили дни за днями.

Когда дядя Сафар с Аней узнали, что Шакир решил устроиться на работу и приехал к ним на постоянное место жительства, на их лицах появилась тень недовольства.

– Говоришь, работать приехал? – спросил Сафар у своего кучерявого племянника, застенчиво сидевшего на диване с тревогой на лице.

– Да, дядя, – ответил Шакир, вступивший в пору безоглядной юности. – Работать хочу. После того, как я не прошел по конкурсу в институт, мне уже нечего делать в селе.

Лицо Сафара омрачилось.

– Странный мы все же народ, честное слово. Как будто все должны быть учеными. Никто и не думает о том, чтобы стать нормальным человеком, лишь бы диплом иметь... Ну что ж, не волнуйся, милый, найдем тебе работу на фабрике. Потом поговорю кое с кем в военкомате, закончишь за их счет и водительские курсы.

От неожиданного предложения Шакиру стало как-то не по себе.

– Дядя, я не хочу быть шофером, хватит и того, что отец мой всю свою жизнь проработал шофером. В этом году основательно подготовлюсь и на следующий год вновь попытаю счастья. А до того времени не хочу оставаться без работы. Мне стаж нужен.

– Дай Бог. Но будет лучше, если ты, прежде чем исполнишь задуманное, взвесишь все его положительные и отрицательные стороны. А вдруг, не дай Бог, ты вновь не пройдешь по конкурсу, и что тогда, наложишь на себя руки? Придет время, и тебя призовут в армию. Знаешь, что наших отправляют в стройбат, вот и будешь с киркой и лопатой в руках с утра до ночи копать землю, строить мосты... А если ты станешь шофером, то хотя бы избавишься от черной, тяжелой работы.

Шакир, молча выслушав доводы дяди, в душе все же с ним не согласился.

Наутро Сафар, отправляясь на работу, взял с собой Шакира. Войдя в свой кабинет, Сафар, бросив на стол черную папку, неожиданно снял с головы племянника фуражку. Затем, погладив Шакира по кучерявой голове, сказал:

– Баджы оглу, это тебе не деревня, а город, здесь все ходят с непокрытой головой. Наденешь ее только зимой, когда выпадет снег.

Шакир, лицо которого стало багово-красным, ничего не ответил. Затем вместе с дядей они вошли в кабинет директора фабрики. Директор, развалившись в кресле, шумно поприветствовал Сафара. В это миг Шакиру показалось, что директор просто лицемерно притворяется перед дядей, так как тот является секретарем парткома. Вскочив с места, директор с распростертыми объятиями двинулся навстречу Сафару, словно виделся с ним не каждый день. Затем, вернувшись на место, спросил:

– Сафар-муаллим, а кто этот юноша?

– Племянник, сын сестры.

Услышав, что речь идет о нем, Шакир почтительно поднялся с места.

– Ай, машаллах, ай, молодец! Bravo! Садись, сынок, садись. Добро пожаловать.

– Спасибо! – ответил Шакир, усаживаясь на место.

– Сафар-муаллим, – сказал директор, обращаясь к Сафару. – Как я понял, ты хочешь устроить племянника на работу?

– Так и есть. В этом году он сдавал экзамены в вуз, но не прошел по конкурсу. Хочу, чтобы немного поработал, набрал, как говорится, стаж.

– Да, было бы неплохо. Ладно, какую же работу ему дать?

– У него нет опыта, дай приказ, пусть для начала в прядильном цехе смазывает станки. А когда окончит водительские курсы, станет работать водителем на фабрике.

Директор не стал возражать и спросил:

– Не нуждается ли твой племянник в общежитии?

– Спасибо, пока нет, – ответил дядя.

Слово «пока», произнесенное дядей, кольнуло Шакира в самое сердце. То есть, что значит – «пока»?

На следующий день дядя вновь взял его с собой на фабрику. Написав от имени племянника заявление о приеме на работу, он дал ему подписать бумагу, а затем, оформив приказ в отделе кадров, отнес копию начальнику прядильного цеха. Начальник цеха также принял его дядю с уважением.

– Добро пожаловать, Сафар-муаллим, чем могу служить?

– Спасибо, – ответил дядя, положив на стол начальника цеха копию приказа. – Этот юноша – наш человек, с этого дня он будет работать у тебя, присматривай за ним.

– Будь спокоен, Сафар-муаллим, все будет сделано!

Оставив Шакира у начальника цеха, дядя ушел. Начальник, порывшись в шкаф, стоявшем в углу комнаты, вытащил оттуда новый комбинезон и протянул ему.

– Вот бери, переоденься, а то испачкаешься, не стесняйся, сейчас приду.

Начальник цеха умышленно вышел из комнаты, чтобы парень смог переодеться. Через десять-пятнадцать минут он вернулся:

– Ну вот, теперь ты стал настоящим рабочим. Забирай одежду, пошли.

Начальник отвел его в специальное помещение и указал на один из выстроившихся в ряд шкафов.

– Вот твой шкаф. Будешь переодеваться здесь, – затем, протянув парню наполненную маслом железную чашу с длинным носиком, повел его к прядильным машинам, скручивающим хлопковые волокна. – Вот, смотри, с этого дня в твои обязанности входит смазывание этих станков. А дальше видно будет.

Так начался первый рабочий день Шакира. Первое время он жил у дяди. Именно с этого времени хмурое выражение не сходило с лица Ани. Порой, когда по вечерам

Сафар с Аней переходили с азербайджанского на русский язык, Шакир понимал, что речь идет о нем. В такие минуты лицо дяди становится багрово-красным, на висках проступали вены, и слегка дрожали руки. И вот однажды вечером Шакир сообщил дяде о желании перебраться в общежитие.

– Зачем? – в голосе дяди Шакир не почувствовал решительности.

Сафар понимал, что перед ним стоит уже не желторотый сопливый мальчик, а зрелый юноша, который прекрасно все понимает.

Шакир же, чтобы не задеть самолюбия дяди, не высказал ему правды о том, что вот, мол, дядюшка, нет у тебя никакого авторитета в собственном доме. Бразды правления, увы, находятся не в твоих руках.

– Мне скучно у вас, – ответил он. – Хочу жить со своими сверстниками.

– Ну что ж, – страдальческим голосом произнес дядя. – Раз тебе так хочется, так тому и быть, поговорю с комендантом общежития, поселишься там.

На следующий день Сафар поговорил с комендантом мужского общежития, и Шакир поселился там в сорок первой комнате на третьем этаже. Сосед его по комнате Рагим был родом из Агдаша. Он тоже работал на фабрике и был старше Шакира лет на пять. Он уже успел отслужить в армии, окончить техникум. Это был тихий, молчаливый человек, вечно погруженный в свои думы. Как-то раз он признался Шакиру, что отец дал ему имя в честь любимого поэта Мамеда Рагима. Рагим также был увлечен поэзией, и сам писал стихи. В подтверждение своих слов он вытащил из-под кровати чемодан синего цвета и извлек оттуда целую охапку газет.

– На, можешь прочитать, если пожелаешь, – сказал он, протягивая ему газеты.

Хотя Шакир не очень-то дружил с поэзией, но ради соседа прочитал все его стихи. С каждым новым стихотворением Рагим все больше возвышался в его глазах. Шакир, как мог, стал расхваливать его стихи, и лицо Рагима, внимательно слушавшего каждое его слово, осветилось радостью. Он был счастлив. Именно тогда Шакир осознал, что достаточно одного доброго слова, чтобы сделать человека счастливым.

Каждую субботу Рагим отправлялся в литературный кружок, организованный редакцией городской газеты, где с превеликим удовольствием читал свои стихи.

У Рагима было много книг, и как только выдавалось свободное время, он полностью погружался в чтение. Чтобы не скучать, Шакир волей-неволей также приобщился к чтению книг. Рагим не пил спиртного, не встречался с девушками, но много курил. На тумбочке у изголовья его кровати всегда лежала коробка сигарет «Казбек» с изображением всадника.

В то время на фабрике работало немало русских девушек. Занятых на фабрике азербайджанок можно было пересчитать по пальцам. Русские девушки, а изредка и татарки, прибывшие в этот небольшой городок из различных регионов России, казалось, появились здесь не по своей воле, а в результате спланированной пропаганды или кампании. Они тут же обеспечивались работой и местом в общежитии...

Это были времена, когда молодежь из азербайджанских сел устремлялась в города, оставляя деревни на попечение стариков. Время от времени газеты писали об опустевших, брошенных на произвол судьбы селах, о молодежи, покидающей деревни. Но ведь одними газетными статьями делу не поможешь. Сельская молодежь уезжала в города лишь по той причине, что в своих деревнях не могла реализовать свои мечты. Молодые люди мечтали о том, чтобы, получив высшее образование, стать достойными людьми, или же, устроившись на работу на фабрики и заводы, обзавестись городским жильем, приобщиться к культурной жизни.

Городская жизнь подобна громадному морю; многих из тех, кто, покинув родные очаги, бросался в объятия города, можно было бы сравнить с вечно устремляющимися к берегу морскими волнами. Хотя повседневные дела и заботы о семье отвлекали их, в душах у них всегда жила мечта когда-нибудь вернуться в родную деревню, насладиться покоем, отдыхая у родника, на берегу реки, под сенью деревьев. Но, увы, им никогда не удавалось вырваться из города, такого заманчивого и притягательного. Будучи в селе, они скучали по городу, а находясь в городе – по деревне. Вот так, разрываясь между городом и селом, они проживали свой век и перед смертью завещали похоронить себя на родной земле, рядом со своими родными. Эти чувства были чужды Шакиру. Он пока еще не понимал, что, живя в деревне, являлся частью природы, а теперь, находясь в городе, стал лишь мельчайшей частичкой громадной людской массы. В этом небольшом молодежном городе, расположенном на обоих берегах реки Куры, он ощущал себя свободным человеком, и ему нравилось проводить время со своими сверстниками. Вечерами они всей гурьбой крутились вокруг женского общежития, бесцеремонно заглядывали в окна, выбирая себе девушек для времяпрепровождения. И Шакир был одним из этих ребят. Но его сосед по комнате Рагим продолжал вести замкнутый, отшельнический образ жизни. В минуты усталости и душевного утомления он просто-напросто отправлялся на берег Куры и, усевшись под тополем, часами созерцал медленное течение реки, а порою, сбросив с себя верхнюю одежду, прыгал с моста головой вниз в реку, чтобы искупаться.

Однажды Шакир спросил у Рагима, почему тот ведет себя так отчужденно. «Ведь ты молод, полон сил, а ведешь себя как какой-то немощный старик...»

Рагим, окончивший после армии педагогический техникум и знакомый больше с книжными персонажами, чем с живыми людьми, вынул из пачки папиросу и поднес ее ко рту. Неспешно, как повидавший жизнь человек, он зажег ее, втянул дым в легкие, а затем, выпустив через ноздри, спросил Шакира:

– Ну хорошо, скажи мне, какие у тебя планы, ты женишься на этой русской девушке, с которой гуляешь?

– Нет, – решительно ответил Шакир.

– Почему?

– Я женюсь на своей односельчанке.

– А сможешь ли ты потом смело смотреть в глаза той девушке из вашего села, когда будешь признаваться ей в своих чувствах?

Лицо Шакира покрылось краской.

– Э, да я не собираюсь рассказывать ей о своем прошлом.

– Ну да, не расскажешь, но в один прекрасный день все может раскрыться.

– Э, Рагим, ради Бога, не читай мне мораль.

– Я не мулла, чтобы читать проповедь, но кое-что смыслом в жизни. Что ты будешь делать, если в один прекрасный день девушка, с которой ты гуляешь, окажется беременной?

– Э, что ты несешь? – лицо Шакира покрылось краской.

По лицу Рагима пробежала насмешливая улыбка:

– Я просто предупреждаю тебя о том, какая беда может поджидать тебя в будущем, Шакир Садыгов. По закону ты должен будешь или жениться на той девушке, с которой гулял, или же пять лет отсидеть в тюрьме. Вот и выбирай из двух зол...

Этот разговор словно раскрыл Шакиру глаза.

– Верно говоришь, брат, – произнес он.

При посредничестве Сафара Шакир был направлен за счет военного комиссариата на водительские курсы. Сафар был очень доволен этим и даже, приезжая в деревню к сестре Гаратель, с гордостью заявлял, что в случае, если Шакир не поступит в институт, то во время службы в армии хотя бы не станет таскать камни, заниматься черной работой, а будет водить машину командира, кататься, как сыр в масле.

И действительно, все произошло так, как предсказывал Сафар. Окончив водительские курсы, Шакир в августе отправился в Баку сдавать экзамены на физико-математический факультет университета. Но и на этот раз, не найдя своей фамилии в списке поступивших, он сильно расстроился.

– До каких пор эти бездушные экзаменаторы будут мешать мне «пройти по курсу», – жаловался Шакир. Ведь неизвестно, останется ли у него еще желание поступить в университет после службы в армии...

В начале ноября 1966 года Шакиру пришла повестка. 11-го числа он должен был прибыть в военкомат. Уволившись с работы, он на неделю поехал в село к родителям и твердо предупредил их, чтобы те не приезжали в город провожать его в армию. Гасид киши и Гаратель-муаллима дали слово, что не приедут, и поручили его милости Аллаха, пусть, мол, с честью отслужит и счастливо возвратится домой..

В назначенный час Шакир явился в военкомат вместе с дядей Сафаром. Аня, не желая оставаться дома одна, также присоединилась к ним. Шакир словно сейчас заметил, как поседели и поредели волосы на голове у дяди, да и голова Ани уже была тронута сединой. С горечью в душе он подумал о дяде, жизнь которого прошла в пустых ожиданиях, о его бездетности. Вскоре появился комиссар и произнес краткую речь. После его выступления призывники устремились в выстроенные в ряд автобусы. Перед тем, как сесть в автобус, Шакир оказался в крепких объятиях дяди Сафара. Аня также обняла его, расцеловала и даже расплакалась.

Наконец автобусы, посигналив, тронулись в путь...

В Баку – на станцию Баладжары – они прибыли вечером и им определили прибывших из России старшин. Так как призывники, прибывшие из различных районов республики, собирались в Баладжарах, здесь яблоку упасть было негде. Призывникам сказали, что эту ночь они проведут в городе, отправятся к месту назначения только завтра, и если у кого-то есть здесь родственники, они могут переночевать у них, с условием, что явятся в пункт назначения к девяти часам утра...

Шакиру некуда было идти и он, присоединившись к таким же ребятам, как и он сам, отправился на поиски жилья. Оказалось, что в Баладжарах было полным-полно людей, сдающих квартиры на одну ночь и таким образом зарабатывающих себе на жизнь. Кое-как решив вопрос с ночлегом, утром они вновь прошли медицинское обследование. Но и на этот раз их не отправили к месту назначения и таким образом им пришлось еще на десять дней остаться в Баладжарах.

На одиннадцатый день поступил приказ о сборе. Тысячи призывников собрались у трибуны, где выступал военный комиссар. После своей краткой речи он передал слово секретарю Центрального Комитета партии товарищу Шихали Гурбанову, известному писателю и общественному деятелю. Раздался шквал аплодисментов. И теперь Шихали Гурбанов, имя которого с почтением произносил Рагим, стоял перед ними, выступая с трибуны. Это был видный мужчина среднего роста с зачесанными

назад волосами, который говорил на чистейшем родном языке. Призывая новобранцев честно исполнить свой долг, он также просил их не забывать о своем родном языке, о родине, родителях, родных и близких. Каждое слово, произнесенное писателем, глубоко проникло в душу Шакира...

Гневная речь главврача вернула Шакира в перевязочную больницы, в поселок, заменивший на время находящийся под оккупацией районный центр.

– Эх, честное слово, у них с головой не все в порядке, – жаловался врач на армян. – Через каждые пятьдесят-сто лет они начинают выкидывать такие фокусы. Совсем Бога не боятся. Благодаря русским они пришли на наши исконные земли из Ирана и Турана и построили здесь свое государство, а теперь ведут себя так, будто это мы поселились на их землях. – Возмущенно хлопнув себя по колену, врач поднялся: – Видимо, ты родилась под счастливой звездой, Гаратель-ханым... Не бойся, рана заживет, но первое время старайся долго не находиться на ногах.

Шакир, не переставая ворчать и браниться, привез мать домой. Остановив машину у голубых железных ворот с пулевыми отметинами, он засигналил. Как только раздался сигнал машины, его племянник Туркер тут же распахнул перед ними ворота. Появление Туркера еще больше разбередило старые, еще не зажившие раны Шакира, который и без того был взвинчен до предела. Его брат, отец Туркера Теймур, погиб в боях за Гарванд за день до объявления режима прекращения огня. Тогда Туркеру было всего пять лет. Окруженный любовью и заботой деда Гасида, бабушки Гаратель, матери Гюльтекин и дяди Шакира, мальчик вырос без отца. И все это по вине армян, одержимых идеей создания государства «от моря до моря». Шакира до глубины души возмущали события, происходившие на его глазах. При слове «атешкес» – «прекращение огня» – этот шестидесятишестилетний мужчина вспыхивал, как спичка:

– Скажите, что это за «атешкес» такой, когда за эти двадцать два года было убито столько наших солдат и гражданского населения. Эти армяне – вероломные люди, да разве они станут соблюдать режим прекращения огня? – выплескивал он все свое негодование в адрес Минской группы ОБСЕ, ООН, мировых государств.

У Шакира было свое представление о родине, о войне, о боевых действиях. Он был против необдуманного подхода, против невзвешенных шагов в любом деле. С тех пор, как помнил себя, он всегда искал справедливости. Его ровесники, знакомые с его характером, часто подтрунивали над ним: «Э, Шакир, ты все еще ищешь справедливости?» Шакир же, приглаживая свои густые брови, философски отвечал: «Справедливость должна быть в поступках людей, в их делах, разве найдешь ее у таких несправедливых людей, как вы? Если бы у тех, кто правит миром, было хоть немного справедливости, то Гарабах не находился бы сейчас под оккупацией врага. Где искать эту справедливость, если те, кто правит миром, выступают заодно с теми, кто копирует наши права?.. Эх, не тяните меня за язык, в этом мире сам черт ничего не разберет...»

Шакир остановил машину во дворе, под тутовым деревом.

– Как ты, бабушка, – спросил Туркер, спешно распахивая заднюю дверцу машины.

– Хорошо, мой родной, все хорошо... Помогите мне выбраться отсюда. Ох, ох...

– Сейчас, – Туркер, в мгновение ока схватив Гаратель в охапку, понес ее на крыльцо и уложил на специально приготовленную для нее кровать.

Такая забота со стороны внука сильно растрогала Гаратель-муаллиму:

– Пусть все твои беды и невзгоды станут моими, родной мой, что ты делаешь, так и грыжу себе можешь заработать.

– Э, бабушка, разве перенося кого-то с таким весом, как у тебя, можно заработать грыжу? – чуть выпятив грудь, произнес Туркер, гордясь своей спортивной фигурой.

– Упокой, Господи, душу Теймура, твоего отца, как ты похож на него...

Каждый раз при упоминании имени Теймура воцарялась тишина. Отец Теймура, покойный Гасид киши, когда речь заходила о сыне, с затаенной болью в душе говорил: «Аллах быстрее забирает к себе тех, кого сильно любит. Теймур стал шехидом за день до режима прекращения огня, так как был любимым созданием Аллаха...» При этих словах у него перехватывало дыхание. Стараясь сохранить мужское достоинство, он позволял себе изливать горе, плача навзрыд в душе. Его сдавленные рыдания слышала только жена Гаратель, то и дело утиравшая краем своей косынки слезы на глазах. Затем, указывая на игравшего во дворе Туркера, говорила:

– Мы должны благодарить Бога, Гасид, что у него хотя бы остался сын.

Гасид киши кивком головы соглашался со словами жены... Но так и не смирился с утратой сына, он через несколько лет умер.

Теймур был одним из тех добровольцев, которые с самого начала этих событий участвовали в боях за Гарабах, там он потерял немало своих однополчан. Но война есть война, и у нее свои беспощадные законы. О каких высоких гуманных ценностях можно было говорить там, где повсюду царила смерть и люди убивали друг друга...

Из села Нахчыванлы армяне непрерывно обстреливали позиции, на которых находился Теймур вместе с остальными бойцами-добровольцами. Однажды командир батальона сказал им, что пора бы им взять селение Нахчыванлы, а то эти армянские «дыга» совсем уже обнаглели. Командир был человеком решительным, с твердым характером, и никогда не изменял своему слову. Добровольцы хорошо знали, что этот бой не обойдется без потерь, потому что село было расположено высоко в горах. По приказу командира солдаты начали готовиться к бою. Спустя день командир сообщил им, что нападение на Нахчыванлы назначено на завтра, на 12 часов ночи. Затем он сел в свой УАЗ-ик и куда-то уехал, вернувшись лишь на следующий день к 2 часам дня. В половине 3-го неожиданно послышались удары железного плуга, подвешенного на ветке дубового дерева во дворе штаба. Бойцы-добровольцы вмиг заполнили площадь.

Хотя большинство из них составляли местные жители, но было среди них немало и тех, кто прибыл сюда из различных уголков страны. Командир всегда наказывал своим землякам вести себя с ними предельно осторожно. Среди них находились и бывшие заключенные, отсидевшие тюремный срок, и те, кто, бросив свои дела в России, поспешили на зов родины...

Собравшиеся на площади бойцы ждали новых указаний. Наконец командир, выйдя из возведенной кое-как глинобитной хижины, называемой штабом, предстал перед ними. Обратившись к добровольцам, командир сказал:

– Братья, сегодня в 3 часа дня мы должны перейти в наступление и взять село Нахчыванлы...

Среди собравшихся раздался гул:

– Мы же собирались начать наступление в 12 часов ночи. Что же случилось?

Командир изменил время наступления умышленно. Во-первых, он остерегался, что среди добровольцев могут находиться те, кто «работает» на врага. Ведь человек

непредсказуем, от него можно ожидать чего угодно. Во-вторых, атакуют врага в основном ночью, и неприятель меньше всего ожидает нападения в дневное время. Командир не остался безучастным к реакции бойцов:

– Друзья, вы правы, но я решил начать атаку днем. Наверняка враг не ожидает нашего нападения среди бела дня. – Чуть помедлив, он продолжил: – Как вы знаете, ни один бой не обходится без потерь. Но я никогда не упрекну в трусости тех, кто не пожелают идти в бой; они могут спокойно вернуться в свои семьи!

Никто из бойцов не проронил ни слова. Теймур сделал шаг вперед и громко сказал:

– Командир, мы здесь именно для того, чтобы защитить свои семьи.

– Прекрасно, тогда вперед!

Вскоре они уже находились на подступах к селу Нахчыванлы и забрасывали селение снарядами. Со стороны неприятеля не было никакой реакции. Командир рассчитал все в точности. Внезапное нападение не дало возможности врагу быстро среагировать и перейти в контрнаступление. Бородачи – так в народе называли армянских боевиков, задав стрелкача, покинули деревню. Жители села также бежали. Видимо, их пугало, что азербайджанцы будут мстить им, учинят над ними те же зверства, какие армяне совершили над ходжалинцами.

Командир еще некоторое время не давал приказа войти в селение. Неприятель своим умышленным бездействием мог ввести их в заблуждение и заманить в ловушку. Отобрав четверых парней, понимающих по-армянски, командир послал их в селение на разведку. Спустя час они вернулись обратно и сообщили, что село покинули все до единого, и тогда командир разрешил бойцам войти в деревню и занять там позиции.

– Будьте бдительны, бородачи обязательно вернуться, – предупредил командир, обращаясь к добровольцам. – То, насколько нам удастся удержать в своих руках логово врага, большей частью зависит от тех, кто находится в тылу.

Добровольцы по двое-трое рассеялись по селу. Если бы даже сообщение лавутчиков об освобожденном селе и было на сто процентов достоверным, ходить по незнакомым улицам, дворам, заходить в дома без каких-либо опасений, ощущения тревоги было невозможно. В каждом из нас в той или иной степени сидит чувство страха. Кто может поручиться, что не будет застигнут пулей врага, скрывающегося где-то в укромном месте внутри дома, в зарослях кустарников, между скалами. Чувство страха в пору затишья бывает намного сильнее, чем во время перестрелки. Во время боя ты находишься лицом к лицу с врагом, а при затишье думаешь о том, какие планы строит неприятель, чтобы уничтожить тебя.

Заметив электрический столб у ограды на обочине дороги, Теймур остановился. На верхушке столба висела электрическая лампочка. Теймур, быстро вскарабкавшись на столб, повесил на него трехцветный флаг Азербайджана. Развеваемый легким ветерком, флаг плавно реял в воздухе. Глядя на развевающийся флаг, Теймур с чувством переполнявшей его гордости подумал: «Однажды поднятое знамя никогда не падет!» Ему вдруг показалось, что слова, сказанные Эмином Расулзаде семьдесят четыре года назад, гулким эхом прокатились в горах.

Стоя под флагом, Теймур стал осматривать окрестности. Глядя на закат солнца и слушая чириканье птиц, скрывающихся в густой листве деревьев, он невольно подумал: «Вся эта красота никак не сочетается с грохотом орудий».

Наконец, вдоволь насмотревшись на всю эту красоту, он медленно спустился вниз. И в этот момент ему вдруг послышался детский плач. Он прислушался. Плач постепенно переходил в душераздирающий вопль. Казалось, будто ребенка кто-то ис-

тязает. Теймуру стало не по себе. Это могла быть ловушка, но не броситься на помощь было бы для него непрослительным, ничем не оправданным шагом. Пронзительный детский плач не давал покоя, сносил голову. Вмиг перебравшись через ограду, он оказался в соседнем дворе. Этот дом с железной кровлей был похож на дома в азербайджанских селах. Осматривая двор, Теймур вдруг подумал, что культура и быт людей, живущих в одном регионе, формируются под влиянием одного народа на другой.

Детский плач доносился из открытого окна. Из предосторожности Теймур снял автомат с плеча. Держа палец на курке, он с силой толкнул дверь. С треском распахнувшись, дверь ударила о боковую стену. Тюлевые занавески были задернуты, и поэтому в помещении стоял полумрак. Теймур на миг замер посреди комнаты. Впервые в жизни он без разрешения вторгся в чужой дом. Плач ребенка доносился из другой комнаты. На кровати лежал полуголый ребенок с мокрым от слез лицом. Ему было от силы года три, как и его сыну Туркеру. Армянский ребенок был таким же черноглазым и черноволосым, но с плоской головой и пухлыми щеками. То ли от страха, то ли при виде неожиданно появившегося человека ребенок перестал плакать. Когда Теймур шагнул в его сторону, тот вновь начал истошно реветь.

– Не плачь, малыш, не плачь! – чувство сострадания к ребенку взяло верх.

Перекинув автомат через плечо, он взял малыша на руки. Родители ребенка бежали, оставив его спящим на кровати. Осуждать и упрекать его родителей он был не вправе, на войне все происходит в один миг, порой даже не бывает возможности о чем-то подумать, принять какое-либо решение. Теймур невольно окинул взором комнату. У него даже не возникло мысли что-либо забрать из дома, честность и порядочность были для него превыше всего. Но в нем зыграло чисто человеческое любопытство. На стене висел настоящий гарабахский ковер с вытканными по кайме изображениями джейранов. В самом центре ковра висела увеличенная фотография двух молодых людей. Несомненно, молодые люди, смотревшие на него с фотографии, и были хозяевами этого дома, родителями плачущего у него на руках ребенка. На фотографии молодой человек выглядел на три-четыре года старше него. Это был безбородый мужчина с длинными бакенбардами, крупным носом, тонкими усами и каштановыми волосами. Приникшая к нему молодая изящная женщина счастливо улыбалась, она была лет на шесть-семь моложе мужа.

Сорвав с кровати простыню, Теймур завернул в нее ребенка. На обратном пути он увидел кровать, постель была не прибрана, и по измятому постельному белью с пятном на простыне он понял, что совсем недавно здесь занимались любовью.

Теймур тяжело вздохнул. «Странное дело, – подумал он. – Если человек пришел в этот мир, чтобы любить и получать наслаждение, то почему люди уничтожают друг друга. Разве можно получать удовольствие от совершаемых злодеяний и жестокости? Ведь таким образом постепенно в человеке будет уничтожено все человеческое... Если так будет продолжаться, то наступит конец света...»

Прижав ребенка к груди, как родного, Теймур вышел из комнаты. Мальчик, чувствуя, что находится в чужих руках, продолжал надрывно плакать, жалобно ныть и всхлипывать. Стенания ребенка разрывали его сердце. Бедный малыш страдал по вине взрослых. Теймур не знал, что делать. Как объяснить такому маленькому существу суть происходящих событий? Теймур постарался утихомирить мальчика:

– Тихо, малыш, тихо! Что мне теперь делать с тобой? Уж лучше бы я не слышал твоего плача, не видел тебя, брошенного на произвол судьбы... М-да... Если бы твой отец попался мне на глаза, то, наверняка, я убил бы его или же он меня. Пока у тебя

молоко на губах не обсохло, и ты чист и безгрешен. Но придет день, ты вырастешь, и твои родители, учителя отравят твой чистый мозг, настроив тебя против турок и азербайджанцев. Они будут лить грязь и охаивать нас, рассказывать небылицы про «геноцид»... И тебе даже будет невдомек спросить у них, какое же зло причинили мы, армяне, этим туркам, что они устроили «резню»? Бедняжка, ты будешь носить в себе столько злобы и ненависти! Вспомнишь ли ты тогда, гонимый жаждой мести, меня, лелеющего тебя у себя на груди, как родного сына... Не знаю, может, я ошибаюсь, может, я не прав, и ты вырастешь и станешь нормальным человеком. Как бы я хотел знать, кто твой отец, чем он занимается... Какие злодеяния он совершал против нас... Может, твой отец является одним из тех, кто учинил ходжалинский геноцид? Если руки твоего отца обагрены кровью безвинных людей, то очень плохо, малыш, очень плохо... Что сказать, лишь одному Аллаху известна вся правда... Если в один прекрасный день ваши не положат конец этой бессмысленной вражде, то в этом мире не будет покоя ни вам, ни нам... Но я хочу, чтобы ты был счастлив и нашел своих родителей... Доставлял людям не горе, а радость...

В его памяти вновь воскресли ходжалинские события. В тот день вместе со своими товарищами он бросился спасать жителей Ходжалы. Когда бойцы вошли в лес, то сначала никого не увидели. Они специально стали громко кричать, чтобы те, кто спрятались в лесу от вражеской пули, не боялись выходить из укрытия.

– Эй, кто там? Не бойтесь, это свои, – кричали они.

Через некоторое время из-за деревьев стали появляться женщины и дети. Многие из них были босые. У несчастных людей, в панике вскочивших со своих постелей и выбежавших на улицу от внезапного грохота орудий, были обморожены ноги. На них было страшно смотреть. Теймур забрал у одной из измученных женщин ее пятилетнего сына. Ноги ребенка были обморожены. Теймур укутал мальчика своим бушлатом, чтобы как-то согреть его. Усадив ребенка вместе с матерью в машину, он затем отправил их в Агдам, чтобы успеть еще помочь и другим несчастным, которые двигались в сторону Агдама... С трудом оторвавшись от воспоминаний о тех трагических днях, которые на всю жизнь впечатались в его память, он готов был бросить вражеского ребенка на землю, растоптать его ногами, выместив на нем всю боль, пережитую в те зловещие дни. Но, опомнившись, он, со словами «Проклятие!», еще сильнее прижал всхлипывающего ребенка к груди.

– Не плачь, малыш, благодари Бога, что я не такой жестокий, как твои сородичи... И откуда ты взялся на мою голову? Сделал меня таким жалким и слабодушным. Будь ты моим ровесником, я бы, не раздумывая, всадил тебе пулю в голову. Что теперь мне делать с тобой, малыш? Если оставить тебя здесь одного на дороге, то ты точно пропадешь... Вот проклятие, и почему ты встретился на моем пути... Интересно, если бы то, что произошло с тобой, не дай Бог, случилось бы с моим сыном Туркером, то как бы поступил твой отец? Он заботился бы о моем сыне, как я о тебе?..

Рассыпавшиеся по всему селу добровольцы, заглянув во все щели и внимательно обследовав все заросли и укромные места, вновь собрались в одном месте. На всякий случай командир принял меры безопасности, установив несколько постов и назначив людей в караул. Собравшись вместе, некоторые из молодых людей стали рассказывать о своих подвигах. Теймур был последним, кто присоединился к ним. При виде ребенка на руках у Теймура отряд загудел, словно пчелиный рой:

– Что это, ты не нашел никого другого, чтобы взять в плен?

– Был бы кто, сами бы поймали, – ответил Теймур.

– Э, и что теперь ты будешь делать с этим мальчиком? – поинтересовался Деллек Ганбар, указывая на заснувшего на руках Теймура ребенка. «Деллек» (т.е. плут, пройдоха) – так называли Ганбара однополчане.

– Честное слово, и сам не знаю, – виновато ответил Теймур, словно держа ответ перед судом. – Даже не знаю, что сказать, как быть... Когда мы начали атаку, родители бросили бедного малыша и бежали.

– Ты еще заплачь, – передразнивая Теймура, с гримасой на лице произнес Деллек Ганбар. – Ты забыл, наверное, что это детеныш тех извергов, которые посреди ночи, пока люди спали, сровняли Ходжалы с землей, превратив его в руины, а женщин и детей либо зверски убили, либо угнали в плен.

– Но в чем виноват этот ребенок?

– Не виноват, так иди и расти его, этого змееныша! Пусть вырастет, а потом присоединится к прибывшим из Сирии бородачам-головорезам и уничтожит нас!

Однополчане молча наблюдали за их словесной перепалкой. Теймура сильно задело такое отношение со стороны однополчан к его гуманному поступку. Выступив вперед, он протянул ребенка Ганбару:

– Вот, бери его, иди и отрежь голову этому младенцу!

– Э, ты что, я не головорез какой-то... Э, я...

– В таком случае, что ты выносишь мне мозг? При всем моем желании мы не сможем стать жестокими.

В это время к ним присоединился командир батальона, который, взобравшись на скалу, до этого наблюдал в подзорную трубу за окрестностями. При виде уснувшего на руках Теймура армянского ребенка он на миг потерял дар речи.

– Где ты подобрал этого бедняжку? – в недоумении спросил он.

– Когда я вешал наш флаг на столб, то услышал детский плач. Вошел в дом и увидел, как он, один-одинешенек, брошенный всеми, плачет, заливаясь слезами.

– Хорошо сделал, что забрал ребенка, – произнес командир. – Мы не воюем с женщинами и детьми. Наверное, вы слышали, как наш друг Фред Асиф, каждый раз отдавая приказ открыть огонь, молил бога: О, Аллах, пусть брошенный мною снаряд не сразит ни женщин, ни детей...

Деллек Ганбар вновь не выдержал:

– Командир, вот из-за нашей мягкосердечности и происходят с нами все эти беды. Честное слово, то, как они обошлись с нами, причинив столько горя, не вытерпел бы сам Аллах, но мы терпим...

– Правду говоришь, Ганбар, но каждый поступает соответственно своей натуре. Каждый народ отличается своими особенностями, менталитетом. Нельзя называть тот или другой народ плохим. Но существуют палачи, которые держат невежественный, темный народ в страхе, превращая его в орудие для осуществления своих коварных планов. Так происходило во все времена.

Ребенок, прижимаясь к груди Теймура, открыл глаза. Ничего не поняв спросонья, он вяло посмотрел по сторонам. Не увидев родных лиц, он вдруг надул бледные губки, а затем начал плакать. Известный своей неотесанностью и грубостью Сары Аваз (все его звали просто Сары) зло набросился на Теймура:

– Эй, Теймур, не знаю, откуда ты притащил этого щенка, но, братец, здесь ведь не детский сад...

– Командир, что мне теперь делать с этим безвинным ребенком? – жалобно заговорил Теймур. – Бросить его в их проклятом логове на верную смерть?

– Ни в коем случае! – решительно сказал командир. – Не к лицу нам подобное бесчестье. Садись в мой УАЗ-ик, отвезешь ребенка к себе домой, а дальше видно будет. Может, кто-то из них выйдет с нашими на связь, и тогда вернем им ребенка.

– Командир, честно говоря, не знаю, как к этому отнесется моя мать, – удрученно ответил Теймур. – Когда-то, в 1948 году мерзавец Микоян хитростью и обманом добился от Сталина, чтобы армяне депортировали азербайджанцев, в том числе и семью моей матери из Даралаяза, исконных земель наших предков, и отправили их в Азербайджан. Всю жизнь она, не переставая, рассказывала нам про это переселение. Ее душа так и не смирилась с этим. Тогда моей матери было всего восемнадцать лет...

– Не беспокойся, – сказал командир, стараясь успокоить его. – Твоя мать учительница, образованная женщина, она поймет тебя. Ты сам подумай, не можем же мы пожертвовать столькими людьми из-за этого ребенка. Я тебя хорошо знаю, если, не дай Бог, мы потеряем бойцов, ты не простишь себе этого.

– Так и есть, командир, – согласился Теймур.

– Ну, тогда, вперед, Бог вам в помощь, – с этими словами командир подозвал своего водителя: – Фотограф!

Шафа, известный по прозвищу Фотограф, еще с детства занимался фотографированием. Когда началась война с армянами, он, заперев на замок свою небольшую будку на рынке и прихватив фотоаппарат, присоединился к добровольцам. Вместе с оружием он всегда носил с собой фотоаппарат и часто фотографировал своих боевых товарищей, утверждая при этом, что фотоснимки – это единственное, что остается от человека в этом брэнном мире. Возможно, он был прав, так как на надгробных плитах многих павших бойцов были запечатлены именно снятые им фотографии.

Фотограф, который в данный момент, сидя на корточках, чертил прутиком на земле различные фигуры, тут же вскочил с места и выступил вперед.

– Слушаю, командир.

– Шафа, отвези Теймура в его село. Пристроите ребенка и обратно.

– Командир, разреши вначале сфотографировать Теймура с ребенком.

– Зачем? На что тебе?

– Отправлю в ООН, пусть видят, как наши люди ... – произнеся эти слова, он приготовил фотоаппарат, направив его в сторону Теймура: – Эй, не стой так хмуро, чуть-чуть улыбнись... И ребенка держи прямо... Вот так. Все, ваши снимки готовы, отпечатаю две штуки, одну отдам тебе, а другую отправлю в ООН. Что, не веришь?

– Верю, Шафа, поехали, – улыбнулся Теймур и с ребенком на руках быстро влез в машину...

Гаратель-муаллима, давно уже вышедшая на пенсию, встретила сына вовсе не так грозно, как он думал. Правда, при виде Теймура, входившего в ворота с ребенком на руках, она несколько опешила и на миг застыла на месте. Но, увидев следовавшего за ним фотографа Шафу, тотчас же спустилась с крыльца.

– Добро пожаловать! – гостеприимно поприветствовала она его и пригласила сесть на широкую тахту под тутовым деревом во дворе. После этого, повернувшись к Теймуру, с тревогой ожидавшему в сторонке, она забрала у него ребенка и спросила:

– Чей это ребенок?

Примостившись на краешке тахты, Теймур рассказал матери обо всем случившемся. Рассказывая, он не сводил глаз с матери, ожидая бури: «Да разве тебе неизвестно, что их предки изгнали нас с родных земель? И почему мы должны проявлять человечность? Что потерял в моем доме детеныш наших заклятых врагов, постоянно попрекающих нас тем, что мы являемся тюрками? Я спрашиваю у тебя...»

Но все случилось совсем не так, как он ожидал: забрав ребенка, сидевшего на руках Теймура, она спросила по-армянски его имя:

– Сергей, – ответил мальчик, поджав свои бледные губки.

Чтобы успокоить ребенка, Гаратель-муаллима стала ласкать его.

– Какое красивое имя. Какой хорошенький мальчик. А как зовут твою маму?

– Сирануш, – при этих словах мальчик расплакался.

Гаратель-муаллиме с большим трудом удалось его успокоить. Что еще можно было узнать у этого трехгодовалого ребенка? Чтобы ребенок вновь не расплакался, Гаратель-муаллима не стала спрашивать у него имя отца.

Гюльтекин принесла кое-что из одежды Туркера и надела на Сергея.

Не успели они приступить к чаепитию, как послышался сигнал машины.

– Это отец, – сообщила Гаратель-муаллима.

– Сейчас разыграется буря, – отпив глоток чая, воскликнул Теймур.

– Никакой бури не будет, – решительно отрезала Гаратель-муаллима. – Везде, во всем мире ребенок – это святое, какой бы национальности он не был, он чист и безгрешен, как ангел.

Гасид киши, открыв малую створку ворот, вошел во двор. Вначале он поздоровался с Шафой, затем поцеловал в лоб своего сына Теймура, которого не видел уже целый месяц, и только потом заметил мальчика, играющего с его внуком Туркером.

– Шафа, это твой? – спросил он.

– Нет. Это пленник.

– Какой еще пленник? Какой из ребенка пленник?!

Теймуру пришлось еще раз во всех подробностях рассказать отцу о происшедшем. Рассказывая, он со страхом подумал, что, если задержится в селе хоть на неделю, то ему придется бесконечно рассказывать обо всем этом каждому в отдельности.

Вдруг неожиданно Гасид киши разразился хохотом:

– А давай-ка мы этим двоим, – указал он на играющих детишек, – сделаем обрезание. Сменим мальчику имя, и он будет расти, как мусульманин.

В этот момент в проеме калитки показались сначала костыли, а затем сосед Салех, потерявший левую ногу в боях за Гюлаблы. Его тут же усадили. Поздоровавшись с Теймуром и Шафой и справившись об их самочувствии, Салех обратил взор на копошащихся в земле под тутовым деревом ребятишек.

– Ай, сосед, – произнес он, обращаясь к Гасиду киши, – можно поменять имя, обрезать крайнюю плоть, но изменить армянскую кровь, текущую в его жилах, вам не удастся. Некоторые наши высокопоставленные лица, женатые на армянках, тайком сделали обрезание своим пожилым тестям, поменяли паспорта, дали им мусульманские имена, но изменить их сущность они не смогли.

Все смутились. Ну да, это еще цветочки, ягодки впереди, – пронеслось в голове Гаратель-муаллимы. – Сейчас в селе начнется такой ажиотаж, что все, кому не лень, хлынут к нам во двор. И за то, что они приютили этого армянского мальчика, им придется держать ответ. Каждый придет со своим горем, с болью в истерзанной душе... Но, как бы то ни было, нельзя терять человечность.

И поэтому она, обращаясь к Салеху, спокойно сказала:

– Салех, ты прекрасно знаешь, что мы также немало натерпелись от этих армян. В 1948-ом году нас изгнали с наших же исконных земель. Вначале нас погнали в Сабарабадскую степь, а затем вместе с несколькими семьями – в Гарабах, в наше селение Гарагашлы. Только беженцу доподлинно известно, что значит влачить горькую жизнь беженца, строить заново, с нуля, свою жизнь. Но ответь, что мы можем сказать этому крохотному созданию, разлученному со своими родителями? Безвинное дитя...

Не то от волнения, не то из-за чего-то другого, Салех заерзал на месте, и культя его ампутированной ноги задрожала.

– Гаратель-муаллима, – сдавленным голосом сказал он. – В этом селе вы всех научили грамоте. Проявлять к вам уважение – наш долг. Но вся беда в том, что армяне думают совсем иначе, не так, как мы. У них даже писатели и поэты настраивают свой народ против нас, с гордостью пишут, как, взявшись за оружие, они истребляли женщин, детей, совершали злодеяния. Я не могу понять, откуда у нашего народа столько сострадания и жалости?

– От наших великодушных и мужественных предков.

– Гаратель-муаллима, но чистые помыслы очень часто обходятся нам дорого, выходят боком, и противная сторона пользуется нашей порядочностью...

– Правду говоришь, но...

– Муаллима, ты меня прости, я прерву тебя. Знаешь, что написал наш учитель истории Гара-муаллим?

– Статью?

– Нет, пару четверостиший.

– Ну, боль за Гарабах сделала многих поэтами.

– Правду говоришь. Так вот, Гара-муаллим написал эти строки словно про этого армянского мальчика.

*Прицелился, но дрогнула рука,
Дитя врага смотрело на меня.
И я не выстрелил, грех на душу не взял.
Убить не смог ребенка-чужака.
Вернувшись же домой, застал такое:
Убитый сын лежал передо мною.
А вместо дома – было пепелище.
И мысль забила у меня в мозгу:
В жестокости я уступлю врагу.*

Все взгляды одновременно устремились на Сергея.

– Очень трогательно, – произнесла Гаратель-муаллима. – Однажды в школе я ставила инсценировку «Добро и Зло» по мотивам поэмы Низами Гянджеви. Но как я ни пыталась, никто из ребят не хотел выступать в роли Зла. Тогда я поняла, что никто не приходит в этот мир со злой душой, таким его делают окружающая среда, люди с дурными помыслами, шовинисты, человеконенавистники...

– Это так, – кивнул головой Салех. – Вы правы. Будь они прокляты.

– Аминь, – промолвил Гасид киши.

Подошла Гюльтекин и сменила скатерть на столе.

Салех заторопился уходить, ухватившись за костыль, но его не отпустили...

После обеда Гюльтекин сказала Теймуру, что нагрела воду, чтобы они с Шафой смогли искупаться и переодеться во все чистое.

По настоянию Теймура первым искупался Шафа и, переодевшись в предложенную ему одежду, сел отдыхать под тутовым деревом. Затем купаться отправился Теймур. Гюльтекин последовала за ним в небольшую сельскую баньку и, натянув на руку банную рукавицу – кису́, стала тереть ею спину мужа.

– Ты весь в грязи, – промолвила она.

– Еще бы, если круглосуточно находишься в окопе.

– Дай Бог, чтобы все закончилось благополучно.

– Аминь.

– И сбрей, пожалуйста, бороду, – проведя рукой по жесткой бороде мужа, еле слышным голосом сказала она.

От этих произнесенных почти шепотом слов у Теймура взыграла в жилах кровь.

– Хорошо, – также шепотом ответил он.

Гюльтекин тихонько вышла наружу.

Протерев висевшее на стене запотевшее зеркальце, Теймур приступил к бритью бороды, ставшей после купания более податливой. Вот уже месяц, как он не занимался с женой любовью...

Теймур еще задолго до службы в армии, когда только-только начинал пробиваться пушок над губой, видел свое счастье не где-то там далеко, а совсем рядом, за изгородью, в образе соседской девочки Гюльтекин, которая была на четыре года младше него. Накануне проводов в армию он неожиданно столкнулся лицом к лицу с этой смуглолицей девушкой со сросшимися бровями и длинными, извивающимися по спине косами, и кровь ударила ему в голову.

– Гюльтекин, – произнес он трепетным голосом. – Когда будет время, поможешь моей матери?

– Хорошо, – голос Гюльтекин дрожал.

– Даст Бог, встретимся уже через два года.

– Дай Бог! Счастливого пути, возвращайся целым и невредимым, – ответила девушка.

– Спасибо!

Так они и расстались, и за все время армейской службы он ни на минуту не забывал о ней. После его возвращения из армии они поженились.

... Переночевав в доме, рано утром Теймур и Шафа тронулись в путь, в Нахчы-ванлы. Выходя за ворота, Теймур поручил матери и Гюльтекин присматривать за Сергеем, затем сел в машину. Гюльтекин на прощание плеснула им вслед воду.

...Пожалуй, в селе не осталось никого, кто бы не навестил раненую в ногу Гаратель-муаллиму, утешая ее и желая скорейшего выздоровления. Шакир, как старший сын в семье, вынужден был всех приветствовать, справляться об их самочувствии. Односельчане, видевшие Шакира не так часто, спрашивали его о жите-бытье, интересовались положением его дел.

– Ну, как живешь, Шакир, работаешь или нет?

– Слава Богу, работаю.

Затем задавали самый неприятный для него вопрос:

– А работа приносит доход?
– Нет, лишних денег не бывает, одна чистая зарплата.
– Э, а как же ты сводишь концы с концами?
– Слава Богу, не голодаем.
– Не в обиду будь сказано, но в наше время жить на голую зарплату без дополнительных доходов очень тяжело.

– Верно говоришь, честным людям во все времена жить было трудно. Что касается наживы, то для этого надо запустить лапу в карман государства. А это, как известно, преступление и в конце концов кончается тюрьмой. Мне же не хочется видеть свою жену у тюремных ворот.

После такого ответа односельчане переводили разговор на другую тему.

Когда все гости разошлись по домам, Шакир, пройдя в свою бывшую детскую комнату, лег на приготовленную для него постель у окна. И только теперь, лежа на кровати, он почувствовал, как сильно устал.

Прохладный ветерок, дующий с горного хребта Муровдаг, проникал через окно в комнату. Было уже далеко за полночь, и все погрузилось в сон. Затихли и птицы, прикорнув на ветках деревьев. Не спалось лишь одному Шакиру. Размышления о прошлом, настоящем и будущем вновь вернули его во времена армейской службы. После мучительных трехмесячных учений призывников распределили по разным воинским частям. Шакир тогда попал в военно-воздушные силы. Девяти солдатам, умеющим водить машину, в том числе и ему, дали снегоочистительные машины. Когда впервые их привели на аэродром, он был поражен огромным количеством самолетов. Тысячи самолетов-истребителей были выстроены в ряд в полной боевой готовности. Если бы все эти истребители одновременно поднялись в воздух, то закрыли бы собой все небо. В обязанности солдат-водителей входило бесперебойное очищение поля от снега. А снег шел, не переставая. Без карты на этом огромном аэродроме передвигаться было бы невозможно, и поэтому им раздали карты. Порой солдаты, очищающие снег по ночам, теряли друг друга из виду. Хотя этот огромный аэродром освещался бесчисленным количеством фонарей, сама ночь наводила тоску, повергая в уныние. Находиться один на один с самолетами в эти морозные зимние ночи было делом нелегким. Шакир, находясь вдали от родины, скучал по матери и отцу и считал дни, когда окончится срок службы. Так проходили томительно-однообразные дни.

Как только выдавалось свободное время, Шакир ходил на дискотеку, где, наступая на ноги бедным девушкам, наконец-то научился танцевать. Держась за тонкие талии девушек, Шакир легко, словно птица, порхал по танцплощадке. В те же дни, когда невозможно было отлучаться из воинской части, он вспоминал родное селение, отчий дом, родных и близких, товарищей по работе, а также Рагима. Они с ним переписывались, но он чувствовал, что от того Рагима, которого он знал в жизни, в письмах не осталось и следа. Однако умом он прекрасно понимал, почему в своих письмах Рагим остерегается излагать свои мысли и чувства. Обычно его письма бывали короткими и немногословными, но Шакир жадно зачитывался сухими, скупыми на слова письмами...

Шакир был демобилизован из армии в ноябре шестьдесят восьмого. Он спешил в родное село, словно лодка на всех парусах. Внезапное появление Шакира обрадовало родителей.

Нагулявшись вволю с друзьями, он через месяц вернулся в Мингячевир, чтобы заняться делом. Первым делом он навестил дядю Сафара. Встретив его тепло и приветливо, дядя Сафар и его жена Аня устроили праздничный ужин. Дядя, усадив своего возмужавшего племянника во главе стола, поднял тост за его здоровье. Расспросив племянника о службе в армии, дядя под конец ужина перешел к существу дела:

– Шакир, дорогой, что собираешься делать, каковы твои дальнейшие планы?

– Работать буду, – решительно ответил Шакир.

– Где?

– Если ты не против, я хотел бы работать на фабрике машинистом.

– Решим это дело, – с уверенностью сказал Сафар, который, будучи секретарем парткомом, все еще имел большое влияние на фабрике. – А ты не передумал поступать в вуз? – спросил он.

– Нет.

– Давай-ка на следующий год подай свои документы на факультет швейного производства в политехнический институт. Знаешь, страна нуждается в этой отрасли. И работу здесь найти будет легче.

– Хорошая идея, – согласился Шакир с дядей. – Подготовлюсь и подам на следующий год документы в политехнический. Даю тебе слово, что в будущем году я стану студентом.

Наутро они уже были в приемной директора фабрики. Директор, широко раскинув руки, шагнул навстречу Сафару и поприветствовал его. Затем, вернувшись на свое место, вопросительным взглядом уставившись на него, спросил:

– Чем могу служить, Сафар муаллим?

– Не в службу, а в дружбу. Вот, мой племянник два года служил в армии водителем, дай ему машину, пусть работает.

– Завтра же приказ будет готов, – ответил директор. – Нам как раз нужны такие молодые кадры.

Попрощавшись с ним, они вышли из кабинета.

– Дядя... – Шакир наконец решился задать дяде вопрос, который не давал ему покоя. – Дядя, тебе не кажется, что этот директор боится тебя?

– Не меня, он просто боится лишиться партбилета.

– Но почему, в чем он провинился?

– По ночам он вывозит и тайком продает целые тюки бязи... Разве этого мало?..

– Дядя, а как вы терпите такое воровство?

– Приходится терпеть. Бог знает, какие силы за ним стоят. Он такой пройдоха, со всеми поддерживает добрые отношения, ни с кем не конфликтует.

На этом разговор был окончен. На следующий день он получил приказ о приеме на работу.

Шакир решил встретиться с Рагимом. В одном из писем тот сообщил ему, что теперь преподает в школе, к тому же получил двухкомнатную квартиру и женился.

Два года они не виделись с Рагимом, и после работы Шакир отправился в школу. Он нашел его в учительской. Они поздоровались, расспросили друг друга о житье-бытье. Это был тот же самый Рагим. Его пронизывающий взгляд из-под очков словно заглядывал в душу. Что он искал там – этого никто, кроме него, не знал.

– Поздравляю, слышал, ты женился.

– Спасибо большое. Семья – это большое счастье, но при одном условии.

– И что же это за условие? – не преминул спросить Шакир.

– Сможешь ли ты всю свою жизнь общаться с женщиной, на которой женился, или же через год у тебя не найдется ни одного слова, чтобы перемолвиться с ней. Порою так хочется излить кому-то душу, найти понимание...

Шакир не понял, на что намекал Рагим, но спросить об этом не решился.

– Дай Бог, – сказал Рагим, – чтобы ты нашел свою вторую половинку.

– Братец, ты хочешь сказать, что тебе не повезло с женой? – не выдержал Шакир.

Рагим, отрешенно уставившись куда-то вдаль, ничего не ответил.

Неожиданный крик петуха вернул Шакира в настоящее. Он поглядел на часы, стрелки показывали три часа. Через некоторое время он глубоко заснул, а когда проснулся, было уже девять часов утра. Наскоро одевшись и умывшись, он отправился к матери, в душе ругая себя за то, что не проведал ее ночью.

Увидев мать, которая лежала на кровати, уставив глаза в потолок, он весело спросил:

– Муаллима, как дела, боль тебя не мучает?

– Терпимо. Видишь, да, что со мной стряслось в мои-то годы. Хорошо, что твой отец не увидел меня в таком состоянии.

– Ой, муаллима, и что бы сделал твой Гачаг Наби?

– Честное слово, он разнес бы всех в пух и прах.

– Хочешь сказать, что твой муж был таким смельчаком?

– Эх, если бы ты знал, каким храбрецом был твой отец! События в Гарабахе выбили его из колеи... После потери такого сына, как Теймур, его сердце не выдержало, а я вот оказалась живучей.

– Жизнь нам дана Богом, муаллима, не богохульствуй.

– Не богохульствую, сынок, дай Бог здоровья всем, кто остался в живых. Видимо, кому-то приходится жить с этой болью. А кому еще, как не несчастной матери. Шакир умышленно сменил тему разговора:

– Муаллима, ты начала про отца, а потом свернула в другую сторону.

– Если бы не ввели режим о прекращении огня, Аллах знает, сколько армян уложил бы твой отец на месте.

– Муаллима, кажется, уж очень сильно вы любили друг друга...

– А как же.

– Ну, скажи, насколько сильно любил тебя отец?

– Он бы отдал за меня жизнь.

– Теперь понятно, почему ты, учительница с высшим образованием, вышла замуж за простого водителя.

– Ошибаешься, я выходила замуж не за простого водителя, а за настоящего мужчину. Быть настоящим мужчиной – не значит быть ученым. На что мне эти недостойные, раболепные люди, занимающие высокие посты.

Шакир нежно погладил разметававшиеся по подушке седые волосы матери.

– Мама, ни в городе, ни у нас в селе я не встречал седовласых женщин. Все они прихорашиваются, стараются выглядеть моложе своих лет.

– Нет, я не одна такая, – Гаратель-муаллима приподнялась на кровати. – Матери павших героев-шехидов, как и я, не окрашивают свои волосы в черный цвет.

– Не то, что в черный, сейчас стало модным окрашивать волосы в желтый цвет.

– Не шути так. Вот бедняжка Гюльтекин не красит свои волосы даже хной.

– Бедная девушка, из-за Туркера она похоронила себя в четырех стенах, – со вздохом промолвил Шакир.

– Честное слово, сынок, уж я с ней говорила об этом. Мол, дочка, пока ты будешь жить в доме покойного мужа, тебя никто не возьмет замуж. Сама, говорю, буду растить Туркера, а ты устраивай личную жизнь, пока не поздно, создай семью. Но она ни в какую. После Теймура, говорит, я ни за кого не выйду замуж, буду растить сына.

На глаза Шакира навернулись слезы:

– Честное слово, мать, у тебя большое сердце.

– Люди должны понимать друг друга, Шакир. Нельзя ради собственных интересов ломать чужие жизни. Я не имею права губить жизнь невестки, оправдываясь тем, что мой сын стал шехидом. Конечно, мне было бы тяжело видеть ее рядом с другим мужчиной, но мы обязаны мириться с горькой реальностью. И поэтому я хотела, чтобы она вышла замуж, создала новую семью. Но Гюльтекин не вняла моим увещаниям... Разве найдутся в мире такие самоотверженные женщины? А у нас их тысячи. Те бедствия, которые принесла война, нельзя сопоставлять только с павшими шехидами, разрушенными и опустошенными городами. Горе терпят и выносят и живые. Тяжкое бремя, которое носим мы у себя в душе, не выдержит ни одна техника.

– Так и есть, – кивнул головой Шакир. – Не каждому народу по плечу вынести такое горе. Милостью божьей наступит день, и мы избавимся от этого бремени.

В это время в комнату с большим подносом вошла Гюльтекин. Поставив поднос на маленький столик, она пододвинула его к ним.

– Уже полдень, а вы еще не ели, – сказала она.

Взгляд Шакира невольно остановился на тронутых сединой волосах невестки. Вздохнув, он подвинул к себе стакан с чаем.

– Спасибо, сестрица, – поблагодарил он. – Дай Бог тебе много счастливых дней в жизни.

– Не стоит, Шакир-гардаш, – промолвила Гюльтекин и, обратившись к свекрови, спросила: – Тетя, что приготовить мне на обед?

– Шакир любит хингал...

– Вот и хорошо, приготовлю хингал, – с этими словами Гюльтекин вышла.

– Дай Бог счастья моей невестке, это ангел, настоящий ангел... – с глубоким вздохом произнесла Гаратель-муаллима.

– Что поделаешь, – промолвил Шакир. – Такова наша участь. Слава Богу, хотя бы у брата сын подрастает – Туркер.

Теймур вместе с Шафой вернулись в село Нахчыванлы, к боевым товарищам, Он сильно переживал за трехлетнего Сергея. Хотя он был уверен в том, что родители и Гюльтекин позаботятся о мальчике, все же не мог оставаться равнодушным к его дальнейшей судьбе. А с вражеской стороны пока не было никаких вестей.

В селе Нахчыванлы добровольцы не могли оставаться дольше месяца, и поэтому они вынуждены были отступить на прежние позиции, так как из тыла своевременно не поступала помощь, не подвозилась провизия.

Спустя день-два Теймур попросил командира дать ему разрешение заехать домой. Уж очень ему хотелось посмотреть, что делает там маленький пленник. Командир не возражал, и Теймур, сдав свой автомат, отправился в селение Гарагашлы.

В родное село он добрался лишь к вечеру, когда смеркалось. Было безлюдно, все разошлось по домам. Пройдя через калитку во двор, он прислонился к стволу тутового дерева. Свет сюда не падал, и, скрытый в полумраке, он с удовольствием наблюдал за собравшимися за вечерней трапезой родными, слушая их разговоры.

Они сидели на крыльце. Гюльтекин кормила сидевших рядом друг с другом Сергея и Туркера. В этот момент Теймур отметил про себя, что Гюльтекин не делает различий между детьми, не делит их на родного и чужого. Так, прислонившись к тутовому дереву, он еще долго наблюдал эту картину.

Наконец Гасид киши, отодвинув от себя пустую тарелку, воздел свои натруженные мозолистые руки к небу:

– О, Аллах, благодарю тебя за эти дары. Мы поели и насытились, дай Бог, чтобы были сыты и все голодные.

– Аминь, – послышался голос Гаратель-муаллимы. – Интересно, где теперь Теймур, как он там, ай, Гасид. Утром я испекла целый таз хлеба, отнеси им. Пусть Аллах покарает всех наших врагов.

– Аминь, матушка, – Теймур в два прыжка взлетел на крыльцо. Гасид киши с несвойственной его возрасту проворностью вскочил на ноги.

– Здравствуй, сынок!

– Здравствуй, отец!

Руки Гаратель-муаллимы обвилились вокруг шеи сына:

– Ты мой дорогой, как хорошо, что ты пришел.

– Я весь в грязи. Пришел сменить одежду.

Зардевшаяся от внезапного появления мужа Гюльтекин пошла топить баню. Туркер бросился к отцу. Теймур, хотя и взял сына на руки, но при старших не стал его целовать. Вдруг он увидел прижавшегося к его ногам Сергея. Теймур также поднял его и усадил на колени.

– Ну как, мать, не капризничает? – спросил он у матери.

– Целую неделю мучил нас. Слава Богу, попривык уже. Вместе с Туркером носится туда-сюда. Но как только вспоминает родителей, его ничем невозможно унять. От его родителей нет вестей?

– Пока нет. Не знаю, что с ними стряслось.

– Иншаллах, найдутся, вернем ребенка, не будем брать грех на душу.

– Есть ли хоть какие-то продвижения? – чуть помолчав, спросил Гасид киши.

– Знаешь, отец, положение очень шаткое. Всюду царит полный хаос. Невозможно разобраться – кто друг, а кто враг. Есть, конечно же, те, кто жертвуют своей жизнью во имя родины, но также немало и тех, кто, сидя в засаде, ждут момента...

– Иначе и быть не может, – вмешалась в разговор Гаратель муаллима. – Не переживай так сильно, сынок, в мире всегда найдутся как доблестные, отважные люди, так и бесчестные, продажные душонки.

– Теймур, смотри, какая у тебя мать, – произнес Гасид киши, с любовью глядя на жену. – Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, видишь, наша мать – ученый человек, на три аршина в землю видит.

– Ладно, Гасид, – с улыбкой ответила Гаратель муаллима. – Не преувеличивай.

– Говорю, как есть.

– Ладно, – Теймур поднялся на ноги. – Позвольте, я пойду искупаюсь.

Гюльтекин как следует растопила баню. Раздевшись, он залез под льющийся из душа шумный поток воды.

Собрав для стирки грязную, пропахшую сыростью и сигаретным дымом одежду Теймура, Гюльтекин в сердцах проворчала:

– Когда же закончится эта война? В каждом селении по кладбищу шехидов. Нет покоя ни днем, ни ночью. Аллах, пожалей моего Теймура, не оставляй сиротой сына!

Обращаясь с мольбой к Всевышнему, Гюльтекин не сдержала слез. Она могла по пальцам сосчитать дни, которые они провели вместе. Несмотря на то, что Гюльтекин была младше Теймура, все детство они провели вместе. Она расцвела так же неожиданно, как и алычовое дерево, распустившееся в одну предвесеннюю ночь. Еще недавно плоская грудь вдруг вызывающе оттопырилась, бедра округлились, жгучие черные глаза стали излучать завораживающий, манящий свет. Чувствуя эти изменения, Гюльтекин постепенно стала отдаляться от соседского мальчика Теймура. Но она никак не могла забыть его, этого парня, едва достигшего половой зрелости. Хотя из дастанов и романов ей было известно кое-что о любви, познать любовь ей пока не посчастливилось. Избегая встреч с Теймуром, она вдруг поняла, что не может не думать о нем. Чувство к нему стало для нее откровением. Любовь пришла, как внезапный порыв ветра. Она налетела неожиданно, заставив трепетать все струны ее души.

Когда Теймур ушел служить в армию, Гюльтекин два года ждала его, будучи еще не помолвленной с ним. Тогда она совсем не переживала за него. Но сейчас она не знала покоя ни днем, ни ночью, находясь в бесконечной тревоге за мужа, не смотрела телевизор, чтобы, не дай Бог, не услышать дурных вестей. Она не делилась с мужем своими переживаниями, чтобы не тревожить его...

Дверь бани распахнулась. Теймур вышел, вытирая на ходу полотенцем голову. От горячей воды его щеки сильно покраснелись. При виде мужа сердце Гюльтекин сильно забилося, и, не удержавшись, она подошла и поцеловала его в распаренное лицо. От неожиданного прикосновения жены у Теймура заиграла кровь, и, забыв обо всем на свете, он прижал ее к груди, втянув в себя терпкий запах ее волос.

– Я так истосковался, так соскучился по тебе, – еле сдерживая горячее дыхание, отрывисто прошептал Теймур.

От этих слов мужа, его обжигающего горячего дыхания Гюльтекин испытала сильное возбуждение и чуть ли не шепотом проговорила:

– Пусть Аллах никогда не разлучит нас. Нет мне жизни без тебя.

– И мне без тебя.

В этот момент раздался страшный грохот. Снаряд системы «Град», пролетев над селением, упал на пашню, взметнув в воздух землю. Все село пришло в движение. Люди стали стекаться на улицы.

Когда Теймур, открыв ворота, хотел выбежать на улицу, Гюльтекин преградила ему дорогу:

– Куда идешь, только что вышел из бани. Ты и так каждый день находишься под обстрелом.

– Ты права. Повезло, что снаряд не попал в село, не то была бы большая беда.

– Сынок, простудишься, иди в дом, – подал голос Гасид киши, который, выйдя на крыльцо, курил сигарету.

Когда Теймур поднимался по ступенькам на крыльцо, Гасид киши с тревогой в голосе спросил у сына, что он думает насчет этого внезапного обстрела, и не ожидается ли нападение на село? Теймур ответил, что никакой атаки не будет, что, мол, просто хотят припугнуть, чтобы люди, бросив все, бежали отсюда.

– Лучше смерть, чем жизнь беженца.

– Отец, никто добровольно не покидает свой родной очаг. Но жизнь – сладкая вещь, никто не хочет умирать.

– Ты прав, – согласился Гасид киши с сыном, затягиваясь сигаретой. – Иногда человек говорит, что взбредет ему на ум.

Войдя в комнату, Теймур лег плашмя на кровать. Лежа в постели, он почувствовал глубокое душевное умиротворение. «Ну почему люди не дают друг другу покоя, не могут жить безмятежно и мирно?»

Услышав детский голос, Теймур приподнялся. Только теперь он увидел играющих в углу комнаты детей. Невольно посмотрев на Сергея, он подумал: «Как знать, может, это твой отец бросил снаряд, а, Сергей?»

Неожиданно Туркер, оторвавшись от Сергея, подбежал к отцу. Усадив сына к себе на живот, Теймур начал подбрасывать его вверх, и в этот момент заметил, с какой тоской смотрит на них Сергей. Ему стало не по себе. Уложив Туркера рядом с собой, он раскрыл объятия Сергею:

– Иди сюда, Сергей, иди.

Но Сергей не спешил бросаться в раскрытые объятия Теймура. Трехлетний ребенок словно понимал, что он в этом доме чужой, и что руки протянуты в его сторону не из любви к нему, а из чувства сострадания. Поднявшись с кровати, Теймур подхватил нерешительно шагнувшего в его сторону ребенка на руки. «Ты же не виноват ни в чем, малыш. Просто ты получаешь наказание за взрослых», – подумал Теймур, поцеловав ребенка в лоб.

Уложив детей рядом с собой, Теймур подложил руки под их головы и начал негромко напевать песню. Услышав голос мужа, Гюльтекин подошла к двери и, затаив дыхание, стала слушать. Почему-то голос его показался ей печальным, и она стала беззвучно подпевать ему.

Голос, звучавший в ее душе, был настолько созвучен с пением Теймура, что она чуть не разрыдалась. Усилием воли женщина пыталась взять себя в руки, но сдерживать слезы ей не удалось.

Стало тихо, Теймур перестал петь. Решив, что дети заснули, она вошла в комнату. На миг задержав шаг, прислонилась к двери. Теймур, приподнявшись на кровати, безмолвно глядел на возлюбленную. Гюльтекин забрала спящих детишек и уложила их в постель, затем потушила свет и стала раздеваться. Теймуру вдруг показалось, что от ее полуголого тела комната чуть озарилась светом... Упоенный ее красотой, он в порыве экстаза вскочил с места и, подхватив любимую на руки, уложил на кровать.

– Шакир, ты из-за меня бросил все свои дела, – произнесла Гаратель.

– Не беспокойся, муаллима, сейчас люди изнывают не от работы, а от безработицы. После советской власти все эти гигантские заводы, фабрики были брошены на произвол судьбы, остались без присмотра. Все было распродано. Годами людигнули спину, работали до седьмого пота, и в итоге остались у разбитого корыта.

– Система стала другой. Тем, кто работал и жил при советской власти, не так легко приспособиться к капиталистической системе. Да ты и сам ведь был одним из тех, кто выступал против советской власти. Разве это не вы кричали «Азадлыг! Азадлыг!» («Свобода! Свобода!») на улицах Баку, Шеки, Ширвана, Мингячевира?.. Вот и стали свободными. Так чего же теперь ты хочешь?

– Работу.

- Слава Аллаху, и работа у тебя есть.
- Муаллима, ты ведь не знаешь, чего я только не натерпелся, пока не нашел себе работу. Как говорится, прошел огонь, воду и медные трубы.
- Э, ты тоже вечно недовольный.
- И чем же я, муаллима, должен быть доволен, вчерашние спекулянты стали бизнесменами, владельцами компаний, а такие, как я, люди с высшим образованием – водителями, сторожами, мусорщиками, камнетесами...
- Успокойся, возьми себя в руки. Не обижайся, сынок, но, видимо, у вас, людей с высшим образованием, нет той хватки, что у них...
- У нас были свои убеждения, мы служили высоким целям, идеям, муаллима.
- Они также были верны своим убеждениям. Помнишь, в советское время существовали так называемые «цеховщики», они занимались подпольным производством и сбытом товаров. Благодаря этим людям мы могли приобрести то, чего не могли купить в магазинах. Но советская власть сажала этих людей в тюрьму.
- Не могли же они допустить создания государства в государстве.
- Если бы им создали условия, появилась бы здоровая конкуренция, и в результате люди жили бы в достатке и изобилии.
- Муаллима, да ты настоящий экономист...
- А как ты думал. Но все это осталось в прошлом. Тебе следует примириться с новыми порядками.
- Поезд ушел, муаллима. Поздно уже. Если бы за сорокалетний трудовой стаж мне дали бы достойную пенсию, то я не стал бы работать. А так нам приходится тянуть лямку из последних сил, пока дух не испустим, а молодые пусть потешаются, глядя на то, как из нас «песок сыплется».
- Сынок, лучше смиришься с тем, что уже произошло. Ведь твой протест никому, кроме тебя самого, не причинит вреда. Не переживай, наберись терпения. Рано или поздно все вернется на круги своя.
- Как говорили наши славные предки: «Терпение и труд все перетрут». Совсем немоготу стало, пойду-ка я, прогуляюсь по саду.
- Шакир уже давно не бывал в отцовском саду, каждый раз приезжая домой ненадолго. Прохаживаясь по саду, он останавливался у каждого дерева. Многие из старых деревьев напоминали ему о детских годах.
- Дядя, о чем ты задумался?
- Это был племянник Туркер.
- Так себе, ничего особенного, – ответил он. – Вспомнил детские годы, которые провел здесь... А ты чем занимаешься? Как твои дела?
- Слава Богу, хорошо.
- Это хорошо, что у тебя нет никаких проблем, ты человек своего времени, это нам сейчас сложно выжить.
- Тьфу, тьфу, не сглазить, а чем ты хуже нас, дядя, какие у тебя могут быть проблемы, слава Богу, выглядишь молодцом.
- Человек, независимо от того, хорош ли он или плох, не может так легко отказать от своего прошлого. Мне невыносимо видеть, как на моих глазах рушатся традиции и обычаи, как обезличиваются нравственные и духовные ценности, как опошляется любовь.
- Мир глобализуется, дядя. Весь мир умещается теперь вот в этом крохотном карманном телефоне, – сказал Туркер, указывая на мобильный телефон.

– Это так, но мне кажется, что мы уж слишком спешим быть похожими на других. Нельзя наспех присваивать себе все то, что свойственно другим. В таком случае мы утратим свою сущность.

Туркер молча слушал дядю и возразить ему на это было нечего. Видимо, именно поэтому Шакир сменил тему разговора.

– Послушай, – сказал он, – ты уже взрослый парень, окончил институт, отслужил в армии, так кого ты ждешь?

– Никого, – расплывчато ответил Туркер, хотя хорошо понимал, на что намекает дядя.

– Не своди все к шутке. Ты хорошо знаешь, о чем я. Разве у тебя нет девушки?

Туркер молчал, отведя глаза в сторону.

– Слушай, Туркер, женился я поздно, в тридцать лет. Мой первенец родился, когда мне уже было тридцать три. Слава Богу, он вырос, стал взрослым юношей. Но к этому времени у меня могли бы быть не только внуки, но и правнуки. Вот, говорю как родной тебе человек, не тяни с женитьбой, женись не позже двадцати шести лет, не то я сам насильно женю тебя. Договорились?

– Ладно, дядя, даст Бог, женюсь не позже двадцати шести.

– Молодец. И свататься я сам пойду.

– А кто еще, кроме тебя, дядя. Вырастил меня ты и, конечно же, сам справишь мне свадьбу, – сказал Туркер, просунув руку в карман Шакира и быстро вынув ее обратно. Шакир с той же проворностью сунул руку в карман и вытащил оттуда купюру в сто манатов.

– Эй, это что такое?! – спросил он у племянника.

– Бери, дядя, это так, мелочь, ты сам столько раз клал мне в карман деньги...

– Дай Бог тебе счастья, сынок, – Шакир отвел в сторону увлажнившиеся глаза.

– Ладно, дядя, позволь мне уйти.

– Иди, сынок, иди.

Туркер ушел так же бесшумно, как и появился, оставив Шакира наедине со своими воспоминаниями.

Гуляя по саду, Шакир мысленно вернулся в 1969 год. В этот год он поступил в политехнический институт. Хотя и поздно, но он добился исполнения своей мечты.

...Вернувшись в село, Шакир поделился радостью со своими родителями. Позвонив дяде Сафару, он потребовал с него магарыч. Пробыв неделю в селе, он уехал в Баку – искать квартиру. Так, в поисках квартиры он добрался до квартала Эрменикенд, места компактного проживания армян. Не в одну дверь ему пришлось постучаться, обойти один за другим приземистые, неказистые домики. Наконец, ближе к заходу солнца, дверь ему открыл мужчина среднего роста, и в этот момент за дверью промелькнула девушка. Весь облик мужчины выдавал в нем типичного армянина, но Шакиру понравилось, что тот ответил ему на азербайджанском языке. Шакир сказал, что ищет квартиру, и тот, указав на второй этаж дома, начал подниматься по лестнице вверх. Шакир поднялся следом за ним. Комната, которую мужчина показал Шакиру, на самом деле представляла собой застекленную веранду. Отсюда можно было обозревать весь двор. То ли под впечатлением от внезапно промелькнувшей тени девушки, то ли из-за царившего в комнате порядка, Шакир снял эту комнату. По утрам ходил на занятия и возвращался после полудня.

Однажды, возвращаясь с занятий, он застал грузную хозяйку дома во дворе. Та сидела на скамейке, и на ее мясистых икрах ног присосались по четыре пиявки. Муж

хозяйки и ее красавица дочь стояли возле нее. Шакир, остановившись, начал рассматривать пиявок, сосущих кровь женщины.

– От чего эти пиявки? – не удержавшись, спросил он.

– От ревматизма, – вместо матери ответила дочь.

– А где вы их достали?

– Из Лянкярана привезли, – ответила девушка, добавив при этом, что в мире существует четыреста видов пиявок, и каждая из них высасывает по два-три грамма крови. В Азербайджане же водится семнадцать видов пиявок. Из них лишь три вида пригодны для использования.

– А как она называется?

– Восточная пиявка.

– А в Армении тоже есть пиявки?

– Да, там есть очень опасная «лошадиная пиявка».

– И чем же она опасна?

– Тем, что, присосавшись к любому животному, например, к лошади, она убивает ее. И поэтому ее называют «лошадиной пиявкой».

– Ой, надо же, до чего опасна эта армянская пиявка, – потрясенно воскликнул Шакир. – Ну хорошо, ханым, а откуда вы все это знаете, пиявковед?

Девушка от души рассмеялась.

– Да, я пиявковед, – перестав смеяться, кокетливо ответила она.

– На самом деле вы пиявковед?

– Шутка, я студентка медицинского института.

– На каком курсе?

– На втором.

– Отлично.

Вздувшиеся от крови пиявки одна за другой скатывались и падали на землю.

Шакир, вновь не удержавшись, задал будущему врачу вопрос:

– А можно повторно использовать этих, уже высосавших кровь, пиявок?

– Нет, ни в коем случае! – категорическим тоном ответила девушка, затем солью посыпала пиявки, отчего они начали лопаться.

...Шакир прожил в Эрменикенде ровно год. Каждый раз, выглядывая во двор, он видел спящую туда-сюда студентку мединститута Сусанну. Шакиру казалось, что эта красавица именно ради него выходит во двор. Часто она неожиданно поднималась на верхний этаж, где находилась кладовая с запасами продуктов. Девушка брала из кладовой фрукты, овощи, орешки, а затем угощала его. В эти минуты зарумянившиеся щеки девушки делали ее еще краше. Нежные, чуть пухлые, похожие на бутон розы губки начинали подрагивать. В такие минуты Шакиру было сложно устоять перед ее красотой. Учеба не лезла в голову. Он чувствовал, что Сусанна постепенно овладевает его сердцем. Кажется, девушка тоже была влюблена в него, ведь не стала бы она по любому поводу подниматься на второй этаж в кладовую, словно нарочно задерживаясь там. Каждый раз, когда она звала его помочь ей, он чуть ли не на крыльях мчался в кладовую, где она представала пред ним с чуть зардевшимися щеками, подрагивающими в ожидании сладкого поцелуя губами...

Сусанна была смелее Шакира, она не скрывала своих чувств. Шакир же, в отличие от нее, был более робким, словно чего-то опасался. Он боялся полюбить ее, потому что народ, к которому принадлежала Сусанна, когда-то изгнал семью его матери с родных земель. Хотя после тех событий прошли многие годы, его мать до сих пор не

могла примириться с этой несправедливостью. Женитьба дяди Сафара на армянке была настоящим ударом для нее. И если бы он так же, как и дядя Сафар, женился на армянке, его мать наверняка слегла бы. Вот почему Шакир не хотел играть искренними чувствами девушки. Он с большим трудом сдерживал себя, чтобы не заключить ее в объятия. Шакир стал осознавать, что соломе с огнем не сдружиться, и что рано или поздно солома воспламенится. И чтобы избежать этого огня, он решил покинуть дом Сусанны. Но ему не хотелось уходить тайком. Это было как-то не по-мужски.

Приняв окончательное решение, Шакир отправился на поиски квартиры на улице Советской, где неуклюжие, приплюснутые домишки ничем не отличались от неказистых домишек в Эрменикенде. Он снял комнатку во дворе дома на Верхне-Нагорной улице, в самом конце узкого переулочка. Единственным украшением дворика были навес, увитый виноградной лозой, и чистая шолларская вода.

Ему было нетрудно расстаться с плоскоголовым приземистым отцом Сусанны и ее матерью, которая то и дело прикладывала пиявки к ногам. Но вот разлучаться с Сусанной ему было очень тяжело. «Как сказать ей, что, мол, я переезжаю в другую квартиру?» – думал он. Но другого выхода не было.

Он вернулся домой поздно. Как назло, дверь ему открыла Сусанна. При виде Шакира хмурое лицо девушки просияло. Поздоровавшись, он поднялся к себе, прилег на кровать и задумался. Он должен был привести убедительные доводы, чтобы объяснить девушке причину своего ухода. Конечно, вольному воля, но так внезапно взять и уйти из дома, где он прожил целый год, тоже было нелегко. Встав с кровати, он начал собирать вещи. Все было готово, оставалось только поймать машину и уехать.

Вдруг он услышал знакомые шаги на лестнице. Это была Сусанна. Она остановилась на последней ступеньке и, прежде чем войти в кладовую, подошла к окну веранды и взглянула на присевшего перед дорогой Шакира.

– Почему ты так расстроен?

– Так, ничего особенного. Ухожу я...

– Куда?

– Переезжаю на Советскую.

– Почему, здесь тебе не понравилось?

– Наоборот, здесь мне было очень хорошо. Но отсюда далеко до института. Я не успеваю.

– Неправду говоришь, Шакир, это просто отговорка, – поджимая красивые губки, сказала она. – Я знаю, почему ты уходишь.

– Ну, скажи...

– Ты бежишь от меня.

– С чего ты взяла, почему я должен бежать от тебя?

– Сам знаешь.

– Нет, не знаю...

– Знаешь, очень даже хорошо знаешь! – на глаза девушки навернулись слезы.

– Но ведь нет ничего такого, что бы было связано с вами.

– Есть, разве твоих родителей в свое время не депортировали из Армении?.. Ты сам мне рассказывал об этом.

– Правда, рассказывал, но ты же не виновата во всех этих событиях?

– Очень часто за грехи предков приходится расплачиваться их детям и внукам.

– Сусанна, у тебя очень чистая душа, – решительно сказал Шакир. – Прошу тебя, не обвиняй себя ни в чем.

– Шакир, давай признаемся, ведь мы равнодушны друг к другу... Молчишь. Ну что ж, насильно мил не будешь. Будь счастлив, Шакир! – С этими словами Сусанна чуть ли не бегом пробежала по ступенькам вниз и исчезла.

... Шакир загрузил в машину постельные принадлежности, книги и тетради. Положив на стол ключи от комнаты, он навсегда покинул этот дом. Уходя, он так и не обернулся. Прильнув к окну, Сусанна со слезами на глазах смотрела ему вслед.

Большинство домов на Советской представляли собой притиснутые друг к другу одноэтажные строения. Единственным плюсом было то, что, взобравшись на плоские, залитые киром крыши, можно было прогуляться чуть ли не по всей Советской. Шакир прожил во дворе Атабабы киши, владельца дома, в однокомнатной каморке с крохотной кухней еще один год. Семья Атабабы киши состояла из него самого, полнотелой, черноглазой жены, сына и дочери.

В семье работал один Атабаба. Дочь, окончившая среднюю школу, сидела дома в ожидании жениха, сын учился в одиннадцатом классе, а жена была домохозяйкой.

Атабаба киши работал маляром. Это был статный, высокий мужчина, по его словам, после возвращения с Отечественной войны он танцевал в ансамбле. И с будущей женой он познакомился именно там, потому что она была певицей в хоре.

Атабаба киши, прихватив свои инструменты, рано утром выходил из дома и возвращался лишь в сумерках. Раз в неделю, сидя под виноградным навесом на крыше дома и пропуская стаканчик-другой спиртного, он любил слушать «Сегях» в исполнении Муталлима Муталлимова. Выпивал он в одиночку, а затем, никому не сказав ни слова, куда-то уходил. На основе своих наблюдений Шакир сделал вывод, что раз в неделю Атабаба киши изменял своей жене, предаваясь любовным утехам. Станным было то, что ворота, всегда закрытые при нем, во время его похода к любовнице не запирались. Покинув дом вечером, он возвращался лишь под утро и, бесшумно пройдя в свою комнату, спал крепким сном до двенадцати часов дня. Шакиру казалось странным, почему хозяйка дома закрывает глаза на наглые походы мужа к любовнице.

Но однажды, когда Атабаба киши в очередной раз отправился в любовнице, жена, разозлившись, заперла ворота на замок. Когда под утро он пришел домой, ворота были заперты. Он начал стучать, но никто не открывал, и ему долгое время пришлось стоять за воротами. Наконец Шакир, услышав стук, открыл ворота, и Атабаба, невнятно пробормотав что-то вроде приветствия, прошел внутрь. Как только Атабаба киши вошел в свой дом, оттуда послышались приглушенные голоса. Шакиру стало ясно, что хозяйка дома, не желая больше терпеть измен мужа, стала грубить ему.

С того дня, как Шакир открыл хозяину дома ворота и впустил его внутрь, отношение Атабабы к нему стало более дружелюбным. Однажды тот, сидя, как обычно, на крыше под навесом, пригласил Шакира разделить с ним трапезу. В тот вечер семья Атабабы киши отправилась в одно из бакинских селений на свадьбу. Атабаба киши принялся хлопотать на кухне, нажарил картошки, приготовил выпивку, добавив в чистый спирт воду, и затем пригласил Шакира отведать скромный ужин под навесом. Шакир поднялся на крышу. Покрытые киром приземистые домишки с виноградными навесами на плоских крышах казались настоящим райским уголком. Со словами «бис-миллах» они выпили для начала по пятьдесят граммов спиртного. После того, как они осушили по второй рюмке, Атабаба киши поинтересовался, есть ли у Шакира невеста. И Шакир, покачав затуманенной от спиртного головой, отвечал, что нет.

– Шакир, не спеши, сто раз отмерь, прежде чем жениться, – сказал Атабаба киши со вздохом. – Жена может как возвеличить, так и принизить мужа, и даже со-старить его раньше времени. – Видно было, что Атабаба киши хочет излить душу. – Двадцать пять лет ношу в себе я эту боль, о которой никому никогда не рассказывал.

– Что это за боль, Атабаба дайы? – спросил Шакир.

– Эта боль связана с моей семьей.

– Но что вас так гложет целых двадцать пять лет?

– Я был обманут.

– Кто вас обманул?

– Моя жена. В тот день, когда, дав обет друг другу, мы поженились, и я привел ее в свой дом, свет божий стал мне не мил. Я женился на девушке, уже потерявшей невинность. За такое дело можно и убить человека, но я человек не злой. Но за то, что она обманула меня, я поколотил ее как следует. Стояла снежная зимняя ночь. Схватив за волосы, я поволок ее прямо во двор. В ту ночь мне хотелось умереть. Мне казалось, что все жители нашего квартала знают о том, что я женился на девушке, потерявшей девственность.

На глаза Атабабы киши навернулись слезы. От неожиданно услышанного признания Шакир замер на месте, не произнося ни слова. Он хорошо понимал, что значит для азербайджанского мужчины невинность девушки, на которой он женат, и поэтому молчал. По словам Атабабы киши, чтобы не опозориться, он не вышвырнул ее на улицу. Но почти всю жизнь был обречен терпеть в душе адские муки, терзаясь от невозможности рассказать кому-либо о своей боли. И хотя его жена подарила ему двоих детей, она безропотно терпела упреки со стороны мужа, заклеянная вечным позором бесчестия. И Атабаба киши, отправляясь каждую субботу к любовнице, таким образом мстил ей.

Чтобы как-то развеяться, Атабаба киши закурил сигарету и, нажав на кнопку маленького магнитофона, который всегда носил с собой, стал слушать, наверное, уже в тысячный раз «Сегях» в исполнении Муталлима Муталлимова. Затем, схватившись за голову, он вдруг заплакал, подрагивая плечами. В ту ночь Атабаба киши не пошел, как обычно, к своей любовнице. Молча, не проронив ни слова, он прошел в свою комнату. Шакир не стал тревожить его, оставив один на один со своим горем.

Шакир тоже ушел к себе в комнату и прилег на кровать. Ему показалось, что Атабаба киши, уединившись в своей комнате, плачет навзрыд, как маленький ребенок. И хотя Шакиру очень хотелось, чтобы его скорее сморил сон, ему так и не удалось заснуть. Перед глазами предстали образы обманутой когда-то каким-то негодяем хозяйки дома, горько рыдающей на снегу в первую брачную ночь, и молодого Атабабы, желавшего себе смерти от пережитого позора.

... В следующие три дня Шакир ни разу не сталкивался с Атабабой киши. Ему стало ясно, что тот избегает встречи с ним из-за тайны, которую поведал ему, и теперь боялся, что семейная тайна станет достоянием всех.

Только на четвертый день Шакир столкнулся с Атабабой киши лицом к лицу. Они поздоровались. Атабаба киши отводил от него глаза, краска прилила к его лицу. Шакир, на лице которого при встрече с Атабабой киши появлялась улыбка, на этот раз принял серьезный вид. Он повел себя так, будто ни о чем не ведал, ничего не слышал. Конечно, жить после этого в одном дворе, как ни в чем не бывало, было бы очень сложно. И поэтому Шакиру пришлось покинуть одноэтажный, с виноградным навесом домик Атабабы киши.

Оставшиеся годы учебы он провел в тесных, маленьких комнатухах в различных частях города, а также в институтском общежитии. Окончив институт, получил направление на фабрику, где когда-то работал водителем. За короткий срок он стал начальником прядильного цеха, куда в свое время впервые устроился на работу. Дядя Сафар, который все еще работал секретарем парткома на фабрике, очень гордился племянником. Через некоторое время старого директора сняли с работы, назначив на его место человека, который запомнился всем кадровыми перестановками. Многие были сняты с занимаемых должностей, а на их место назначены свои люди. Шакира, как молодого специалиста, не тронули. Зато на очередных выборах его дядя Сафар уже не был избран секретарем партийной организации. Он был сильно возмущен подобным неуважением и, уволившись с работы, ушел работать на кабельный завод.

Новоиспеченный директор фабрики выделил Шакиру, как молодому специалисту, двухкомнатную квартиру на правом берегу Куры. Вручая ему ордер от квартиры, директор не преминул дать ему наставление – мол, «молодой человек, женись, пока не поздно, обзаводись детьми...» Шакир, вняв его наставлениям, начал перебирать в памяти всех знакомых ему девушек и остановился, наконец, на девушке, которую иногда встречал в квартале, где жил его дядя. Имени этой девушки он не знал, но она привлекла его внимание своей светлой кожей, тонким станом, каштановыми волосами и тронутыми улыбкой губами. Но так как ему было неизвестно, кто она и чем занимается, он в свободное от работы время часто наведывался в этот квартал. По воле судьбы, ему удавалось, хоть и не каждый день, встречаться с той девушкой, но из-за робости он все не мог решиться подойти и заговорить с ней. В один прекрасный день он последовал за ней, чтобы узнать, куда та идет и где работает.

Следуя за девушкой, Шакир добрался до городской поликлиники. Зайдя внутрь, он начал обходить один за другим кабинеты, как вдруг у кабинета терапевта неожиданно столкнулся с преследуемой им девушкой в белом халате. Ему показалось, что девушка, наспех накинув на себя халат, специально вышла ему навстречу. Может, она давала понять ему, что, мол, хватит играть с ней в кошки-мышки.

Узнав, в каком кабинете работает девушка, Шакир решил притвориться больным и обратиться к врачу. В один из дней он, сделав страдальческое лицо, отправился на прием в поликлинику. При виде Шакира девушка серьезным тоном спросила, где у него болит и на что он жалуется. На что тот ответил, что у него ломит все тело, не давая ему спать по ночам.

– Снимите рубашку, посмотрим, – сказала девушка-врач.

Она послушала пульс и внимательно прослушала сердце и легкие.

– Да-а, положение очень тяжелое, – с озабоченным видом сказала она. – Где вы так простудились?

– Я и сам не знаю, где, – страдальческим голосом ответил Шакир.

– Ладно, одевайтесь.

Шакир быстренько натянул на себя рубашку.

– Хорошо, доктор, пропишите мне какое-нибудь лекарство, может, полегчает.

– Ничего не буду прописывать!

– Почему?

– Да потому что ваша болезнь неизлечима.

– О, доктор, что вы говорите...

– То, что слышали, – произнесла она, отвернув лицо в сторону. – Меня ждут пациенты, вы свободны.

– Я завтра вновь приду.

– Как хотите.

Шакир почувствовал, как девушка еле сдерживается, чтобы не расхохотаться.

... В конце концов все эти похождения закончились свадьбой.

Побродив по саду еще некоторое время со своими воспоминаниями, Шакир вернулся к матери.

– Ну как ты, рана не болит?

– Слава Богу, сынок, в порядке.

– Давай-ка я отвезу тебя к врачу, пусть снимут повязку и осмотрят рану.

– Э-э, куда я не поеду, позовешь Сусанбар, придет и осмотрит.

– Ладно.

– Шакир, не знаю, может, какая беда стряслась с беднягой Сафаром, что-то часто я стала вспоминать его.

– Интересно, а вспоминает ли дядя Сафар тебя? – несколько недовольно произнес Шакир. – С тех пор, как он уехал, ни разу не написал и не позвонил тебе.

– Не осуждай его, если бы между двумя народами не посеяли раздор, он бы не уехал в Россию вслед за женой. Бедняга не в том возрасте, чтобы жить на чужбине.

В этот момент Шакир невольно подумал, что, если бы он женился на Сусанне, то и ему также пришлось бы покинуть свою страну, не выдержав осуждающих, холодных взглядов людей. Он хорошо помнил, что пережил его дядя, оказавшись между молотом и наковальней. Когда начались митинги, дядя каждый день ходил туда. Он был одним из тех, кто, слившись с толпой, скандировали «Azadlıq» («Свобода»). Но по подергивающимся щекам дяди, по его побледневшему лицу было видно, что высказываемые некоторыми ораторами с трибуны в адрес армян нелицеприятные слова не очень-то были ему по душе. Ведь после митингов он возвращался домой, к своей Ане... И поэтому однажды, обратившись к дяде, Шакир в мягкой форме сказал:

– Дядя, может тебе не стоит ходить на митинги?

Слова племянника сильно заделали Сафара:

– Почему, разве я не азербайджанец?

– Не обижайся, дядя, я не то хотел сказать. Просто на митинге каждый, кому не лень, дает волю языку, не хочу, чтобы ты нервничал.

– Такова моя участь, Шакир, от судьбы не убежишь. Не скрою от тебя, бедная Аня сильно страдает. На днях говорит: давай разведемся, мол, не хочу, чтобы ты из-за меня страдал. Я сказал ей, что этого не будет, я никогда не разведусь с тобой, не нарушу своего обета... Злоба и ненависть застлали глаза людям с обеих сторон, никто не хочет слышать друг друга. Ведь нельзя всех поголовно людей считать плохими.

– Конечно, дядя, нельзя всех мерить одной меркой. Что плохого сделал ваш сосед, портной Вазген или этот Володя с отрезанной рукой, проживающий в доме напротив? Но, видишь, какая неразбериха получилась.

– Иншаллах, так будет продолжаться не вечно, времена переменчивы, как говорится, короток век трудного дня.

– Конечно, дядя, не может же человек вечно жить в напряжении.

Но волнения не утихали, люди не успокаивались. Шакир вместе с Рагимом, присоединившись к митингующим, каждый день вместе с толпой выкрикивали: «Азадлыг!». В один из дней Рагим принес с собой трехцветный флаг.

– Шакир, – сказал он, – этот флаг достался мне в память от моего прадеда.
– А кем был твой прадед?
– Мой прадед был мусаватистом. Это флаг Азербайджанской Демократической Республики. Сегодня я поднимусь на трибуну и подниму его.
– Может, еще рано? Тебя же арестуют.
– Пусть арестуют, если не сделаю это сегодня, то завтра будет поздно. Семьдесят лет наша семья берегла этот флаг как зеницу ока.

Шакир ничего не ответил, решив дождаться, чем все это закончится.

Люди толпами стекались на центральную площадь города. Должностные лица города не присоединялись к многолюдной толпе, предпочитая наблюдать за ходом событий со стороны. В отличие от простого народа, выступившего с акцией протеста, этим людям было что терять. Вот почему они вели себя так осторожно.

Ближе к полудню на площади собрались сотни тысяч людей. Все ожидали начала митинга. Наконец под торжествующие звуки увертюры к опере «Кероглу» митинг открылся. Ораторы один за другим подходили к микрофону. Среди выступающих были те, чья речь была основана на достоверных фактах, взятых из архивных материалов и книг, но также и те, кто нес всякий вздор.

Расталкивая толпу, Рагим приближался к трибуне. Шакир шел следом за ним. Наконец они поднялись на трибуну, и Рагим попросил слова.

– Слово для выступления предоставляется учителю Рагиму Агдашлы! – раздался голос ведущего.

Под бурные аплодисменты толпы Рагим приблизился к микрофону.

– О, мой славный, доблестный народ! – голос Рагима дрогнул и Шакиру показалось, что Рагим больше не сможет говорить. Но после минутного молчания он продолжил: – Вы ничего не ждете от Москвы, от тех, кто сидит в Кремле. Разве те, кто в свое время поселил армян на территориях Иреванского и Гарабахского ханств, не являются предками нынешних власть предержащих мужей в Кремле?! Разве это не ленинское правительство, переименовав Ханкенди в Степанакерт, предоставило поселившимся там армянам областную автономию, разве не оно, свергнув Азербайджанскую Демократическую Республику, расстреляло тысячи наших офицеров? От кого же мы сейчас ждем милосердия? Семьдесят лет тому назад, в день провозглашения Азербайджанской Демократической Республики, Мамед Эмин Расулзаде, указывая на трехцветный флаг, сказал: «Знамя, поднятое однажды, никогда не падет!»

После этих слов в толпе раздался шквал аплодисментов. Когда, наконец, овации стихли, Рагим продолжил:

– И вот теперь я принес этот флаг сюда! – вынув флаг из-за пазухи, Рагим стал размахивать им над головой. – Мамед Эмин был прав: «Знамя, поднятое однажды, никогда не падет!»

В это время несколько лиц в гражданской одежде, стремительно поднявшись на трибуну, набросились на Рагима. Площадь забурилась: Ar olsun! Ar olsun! (Стыд и позор! Стыд и позор!) Шакир, одним прыжком оказавшись возле Рагима, выхватил флаг из его рук и бросил изо всех сил в самую гущу толпы. Флаг был подхвачен на лету. После этого ни у кого не хватило бы духу отнять флаг у митингующих: тот, кто решился бы на это, оказался бы растерзанным разъяренной толпой. Кто-то из толпы, тут же привязав флаг к трости, поднял его в воздух. Множество рук одновременно потянулось к трехцветному флагу. В этот момент вновь прозвучала увертюра из оперы «Кероглу», и на площади воцарилась мертвая тишина. Когда прозвучали последние

аккорды, толпа начала неистово скандировать: «Азадлыг! Азадлыг!»

В тот день Рагима и Шакира, осмелившихся поднять на площади национальный флаг Азербайджанской Демократической Республики, отвели в милицейский участок. Рагим был задержан на 30 суток, а Шакир – на 15.

... Митинги и забастовки все продолжались и завершились, в конце концов, трагедией 20 января 1990 года. Так и должно было случиться, ведь обрести свободу без жертв было бы невозможно. «Славная советская армия» по приказу сверху вывела из строя единственную в стране телевизионную станцию, и люди лишились возможности слушать официальные сообщения. Но, несмотря на это, наутро после той кровавой ночи люди не стали прятаться в домах, как этого ожидали в Кремле, и вновь хлынули на улицы. Улицы столицы были загромождены искореженными, помятыми машинами, по которым проехали танки. И хотя еще ночью успели убрать трупы, однако избавиться от крови, замести следы своих зверств им не хватило времени, а может, они даже не пытались сделать это, чтобы поселить среди населения страх. Начиная от сада Сабира и до самой площади перед Центральным Комитетом партии были выстроены танки. Из вооруженных автоматами русских солдат была выстроена живая стена. Той же ночью на стенах домов появились написанные углем слова: «Горбачев – палач азербайджанского народа!» Наклеенные на стенах плакаты с изображением Горбачева были перечеркнуты крест-накрест красным цветом, словно из его головы с родимым пятном сочилась кровь. Все это было совершено в течение одной ночи, когда на улицы столицы были введены войска, подвергнувшие город шквальному огню, и был объявлен комендантский час.

Во всех городах, районных центрах Азербайджана проходили акции протеста. Из-за холода разжигались костры. В этих кострах сжигались не только партийные билеты, но также и прошлое этих людей, их последние надежды и вера, которую они до вчерашнего дня лелеяли и хранили в душе. После той кровавой ночи людей, не веривших в распад СССР, стало очень мало. Вместе с тем были и те, кто не расставался со своим партийным билетом и питал надежду на то, что будет положен конец беспорядкам. Одним из тех, кто не бросил партийный билет в костер, был секретарь парткома Сафар. Честно говоря, винить его за это было нельзя. Человеку, годами проводившему политику партии, казалось недостойным делом отказываться от своих убеждений, поворачиваться спиной к своему прошлому, плевать на все ценности.

Конечно, Сафару причинял душевную боль не только бесславный конец коммунистической партии, его также терзало, растравляя душу, изгнание азербайджанцев с родных земель. Всем азербайджанским мужчинам, женатым на армянках, их детям суждено было вести себя крайне осмотрительно. Люди выискивали свидетельства, факты, изобличающие армян, и затем открыто выплескивали свое недовольство с трибуны. Здесь уже никто не брал в расчет тонкие нюансы, не считался с существованием смешанных браков, таких, как у секретаря парткома Сафара.

После этих событий многие армяне, продав свои квартиры за бесценок, уехали из страны. Среди тех, кто уехал, была и жена Сафара Аня. Оставаясь верным партии, он не выдержал разлуки со своей любимой, продал дом и уехал вслед за ней в Россию. С этого дня бедная Гаратель не получила от единственного брата ни единой весточки. Недаром говорят: пришла беда, отворяй ворота.

С тех пор, как Теймур привел в свой дом Сергея, прошло два месяца. От родителей ребенка все еще не было никаких вестей. Теймура это сильно беспокоило. Сохранить, растить вражеского ребенка там, где люди, защищая свою землю, ежедневно погибают, становятся беженцами, было нелегким делом. Люди ожесточились сердцами, были полны негодования и гнева. После неслыханных по жестокости зверств, учиненных врагом, в особенности после ходжалинских событий, проявлять гуманность казалось, по крайней мере, странным делом. Некоторые люди смотрели на Теймура, как на зачумленного. Как назло, от родителей Сергея не было никаких вестей. Кто знает, может, те, кто разжигал эту войну, пугали родителей ребенка тем, что если они последуют за сыном, то не вернуться обратно. Все попытки установить связь с противной стороной не давали никаких результатов. Беспокойство Теймура росло с каждым днем. Порой ему хотелось взять Сергея и отправиться в Нахчыванлы. Однажды он рассказал о своем намерении командиру. На что тот ответил, что ни в коем случае этого делать нельзя. Мол, могут устроить ловушку. Так что нужно набраться терпения.

– Есть, командир, – согласился Теймур.

После этого разговора прошла неделя. Стоял солнечный день. Теймур, вздыхая, смотрел в сторону окутанных туманом Шушинских гор. В воображении ожили дни, когда они устраивали гулянки на Джыдыр дюзю, пировали у Исы булага: «Ах, Шуша, знала бы ты, как мне больно видеть тебя под пятой врага, сломленной и поруганной». Он вновь окинул взором горы, находившиеся в руках врага, поглядел в сторону селения Ходжалы, жители которого были зверски убиты или угнаны в плен армянскими палачами, а избежавшие этой участи беженцы рассыпались по всей стране. В этот момент он увидел, как кто-то вдалеке направляется в сторону штаба. Из-за дальнего расстояния разобрать, мужчина это или женщина, было трудно, но ясно был виден белый флаг, развевающийся над его головой. По белому флагу было понятно, что этот человек пришел со стороны врага. Он направлялся в штаб либо сдаваться, либо вести переговоры. В любом случае, тот, кто решился на этот шаг, подвергал себя большому риску. В эту минуту его могли пристрелить как свои, так и противная сторона. И поэтому Теймур дал знак товарищам, чтобы те не открывали огонь. В голове тут же промелькнула мысль: «Может, это пришли за Сергеем?»

Теймур не отводил глаз от незнакомца, считая почти каждый его шаг...

Это была женщина, одетая во все черное. Теймур уже не сомневался, что это мать Сергея. Невольно он двинулся в сторону измученной женщины.

– Кто вы?

– Мать...

– Я вижу, что женщина, но как вы оказались здесь?

– Я вышла в дорогу под утро... Из-за своего ребенка... Мы его потеряли, когда ваши атаковали Нахчыванлы... Не знаем, жив ли он или мертв. Когда ваши отступили, мы вернулись в селение. Мы думали, что моего ребенка убили и выбросили.

– Сирануш ханым, мы детей не убиваем...

– Откуда знаете мое имя?

– Ваш сын Сергей сказал.

При имени сына женщина покачнулась, и если бы Теймур вовремя не подхватил ее, она бы рухнула на землю.

Все, кто находился в штабе, уже были осведомлены о неожиданном появлении матери трехлетнего пленника. Вокруг молодой женщины, которая ради своего ре-

бенка, пренебрегая опасностью, переступила через свой страх, столпилось около пятнадцати бойцов. Среди них были и добрые, отзывчивые люди, и жестокие, похотливые бабники, и аморальные типы. Но, удивительное дело, никто из них не проронил ни слова, не нанес ей оскорбления. Все молчали, и никто не собирался обижать молодую женщину, проявившую ради своего ребенка такую самоотверженность. Но все же Деллек Ганбар, не выдержав, спросил:

– Ахчи, ведь жили же мы душа в душу, почему же эти ваши дыга никак не успокоятся?

На лбу женщины выступили капельки пота. От страха лицо ее стало мертвенно бледным. Вопрос, заданный Деллек Ганбаром, был справедливым, и поэтому Теймур, при всем своем желании, не мог помешать ему.

– Ну что мне сказать вам. Подлые люди разожгли этот костер, да еще подлили масла в огонь. И ни у кого из нас не хватило сил потушить его.

– Ответь, ты тоже участвовала в митингах, которые проходили в этом проклятом Степанакерте?

– Нет! – решительным тоном ответила женщина. – Я туда не ходила.

– Как же так, почему не ходила?

– Мне там делать нечего.

– А как же муж, он участвовал?

– Да.

– Он тоже атаковал Ходжалы?

– Не знаю.

Деллек Ганбар по-настоящему вошел в роль судьи:

– Очень зря, надо было знать. Схватила бы его за горло и спросила, скольких ходжалинских детей лишил он жизни? Сколько домов предал огню? Преследовал тех, кто бежал, скрываясь в лесу?

Женщина, зажав уши, разрыдалась:

– Но ведь во всем этом нет моей вины!..

– Твоей нет, а мужа есть? Этот шкурник, небось, сам прячется, где-то за камнями, а к нам подослал тебя. Ну, где же он?

– Он не мог прийти...

– Почему?

– Он калека, брат! Врачи отрезали ему вчера правую ногу.

– Значит, воевал и потому стал калекой. Не надо было воевать.

– Разве его оставили бы в живых, откажись он воевать?! Разнесли бы наш дом в пух и прах.

Теймuru показалось, что женщина пришла в замешательство, забыв о цели своего прихода сюда. И поэтому он, обращаясь к Ганбару, произнес:

– Ну, довольно, Ганбар, мы же не с женщинами воюем.

– Да, мы не воюем с женщинами, но ведь тех, кто воюет с нами, родили и вырастили женщины, эти женщины. Ведь это они кормили их своей грудью.

– Ты прав, брат, но не будем судить эту женщину за тех мужчин.

В глазах Ганбара словно сверкнула молния:

– Ну ладно, больше не будем мучить мать твоего Сергея. Отдай ей сына, пусть заберет его. Когда он вырастет, то, взяв в руки автомат, будет стрелять в нас.

– Нет, никогда! – запротестовала женщина. – Умоляю вас, верните мне моего ребенка, и я уйду. Я не оставлю его здесь, среди этих бандитов, и уеду в Россию.

В это время Шафа, вынув из кармана фотокарточку, протянул ее женщине. Взяв в руки фотографию и увидев на ней изображение своего сына, женщина издала душераздирающий вопль:

– Сынок, родненький мой!

Затем, вновь взглянув на снимок, она поняла, кто является спасителем ее сына. Шагнув вперед, она опустилась перед Теймуром на колени:

– Братец, не отрывай ребенка от матери, умоляю, верни мне Сергея.

– Встаньте, встаньте, – произнес Теймур, подхватив женщину за руку. – Я давно уже дожидаюсь вас.

– Да благословит вас Бог. Где только я его не искала, в чьи только двери не стучалась, облазила все подвалы, исходила вдоль и поперек все кладбища... Мне и в голову не могло прийти, что кто-то из ваших спасет его и заберет с собой...

В этот момент в памяти Теймура вдруг воскресли страшные картины зверств, учиненные армянами.

– Сирануш ханым, – он невольно повысил тон голоса, – ваши армяне причинили нам столько страданий, что и не выразить словами. Так что лучше помолчите.

– Слушаюсь, но, молю, верни мое дитя, – испуганно упрашивала женщина.

– Но кто вам сказал, что я не верну Сергея его родителям. Разве я убийца?

– Я не то хотела сказать... – произнесла она, уже не сдерживая слез.

– Не плачьте, мальчик у нас, поедem в село и заберем его.

Услышав слово «село», Сирануш обрадовалась, но в то же время ее обуял животный страх. Если Теймур не обманывает ее, то она, наконец, увидится со своей кровинушкой. Но ее также могут обмануть, отвести в незнакомое место и обесчестить. Если захотят, даже могут убить. Кто станет искать ее и кого за это накажут?...

Видя то, как женщина переживает, Теймур постарался успокоить ее.

– Вы моя гостя, – сказал он, – не берите в голову ничего дурного.

Он попросил Шафу отвезти их в село. Тот не стал возражать. Командир в это время находился в столице и просить разрешения ему не понадобилось.

Открыв дверцу УАЗика, он указал женщине на заднее место, а сам уселся на переднем сиденье. Машина, выехав со двора штаба, направилась в сторону села.

Теймур хорошо понимал, что в эту минуту чувствовала побледневшая, как смерть, Сирануш, каким страхом и паникой она охвачена. Но он не собирался утешать и успокаивать ее, решив: пусть думает, что хочет, в конце все станет ясно.

... В селе пока никто не ведал о приезде Теймура и Сирануш. Теймур, чтобы не привлекать внимания, решил не оставлять машину командира за воротами. И поэтому, быстро выскочив из машины, он распахнул ворота, чтобы Шафа въехал во двор. Закрыв ворота, он поднялся на крыльцо, но в доме никого не оказалось. Он заглянул во все комнаты. Было тихо. «Интересно, куда же они могли уйти?» – подумал он.

Сидевшая в машине Сирануш, забившись в угол, сильно заволновалась. «Вот и пришел твой конец, – пронеслось в ее голове. – Значит, вся эта забота, внимание были лишь ловушкой... О боже, в какую беду я попала!»

Спустившись с крыльца, Теймур заглянул в сад, откуда доносились голоса. Потом он подошел к машине и открыл дверцу.

– Почему не выходите из машины, ханым? Выходите, – обратился он к женщине, которая, забившись в угол машины, сидела с расширенными от страха глазами.

– Спасибо, – еле выговорила она.

У нее не было сил двигаться. Видя ее состояние, Теймур протянул ей руку. Ей ничего не оставалось, как, ухватившись за его сильную руку, выйти из машины.

– Наши все там, в саду, пойдете.

«А Сергей где?» – чуть не вырвалось у Сирануш. В эту минуту ее волновал лишь только ее сын, Сергей, которого она не видела уже целых два месяца. В голову лезли всякие тревожные мысли. «Бог знает, как он выглядит. Наверное, недоедает, и от него остались лишь кожа и кости. Бедненький мой...»

Теймур шел впереди, указывая ей дорогу. От фруктовых деревьев с пригнувшимися под тяжестью плодов ветвями невозможно было оторвать глаз. Невестка и свекровь, собиравшие в огороде помидоры и огурцы, а также мальчишки Туркер и Сергей, занятые укладыванием собранных овощей в корзину, не заметили их прихода.

– Бог в помощь!..

Гаратель-муаллима и Гюльтекин одновременно подняли головы и увидели Теймура. Но кто эта женщина в черном? Неужто мать Сергея?

В окружении чужих людей женщина стояла, застыв в оцепенении. Обнять эту красивую армянку Гаратель-муаллима не смогла, и она просто пожала ей руку. Затем, обращаясь к невестке, велела:

– Гюльтекин, приведи детей.

Сирануш было стыдно смотреть в глаза человеку, который, изо дня в день сражаясь с ее соплеменниками и «захватив в плен» ее трехлетнего сына, не причинил ему ни малейшего вреда. Ведь это армяне произвели первый выстрел, нарушив тем самым мир и спокойствие в стране. Как говорится: рубят сук, на котором сидят. И конца этой войне не было видно. Хотя встретили они ее приветливо, свято соблюдая законы гостеприимства, явно было видно, что они пришли в замешательство.

Гюльтекин привела детей, и Сергей с округлившимися глазами вдруг замер на месте, а затем, с криком «майриг» (мама), кинулся к матери.

– Сыночек мой, родненький!

Прижав трехлетнего сына к груди, Сирануш, не сдержавшись, разрыдалась. И хотя малыш находился в ее объятиях, она все еще не могла в это поверить. Утирая слезы, Сирануш, не переставая, гладила сына по голове. При виде чистенького, опрятно одетого, ухоженного сына, за которым смотрели, как за родным ребенком, она была растрогана благородством этих людей.

Выйдя из сада, они вошли во двор. Гюльтекин, пройдя в дом, вынесла оттуда чистое полотенце:

– Вы с дороги, умойтесь, – сказала она Сирануш, указывая в сторону бани.

– Спасибо, не хочу. Да сохранит вас Бог.

– Идите, идите. Жарко ведь, умойтесь, чтобы освежиться. И усталость пройдет.

Сирануш готова была извиниться перед этими людьми за свои недавние мысли.

Гюльтекин чуть ли не силком затащила Сирануш в баню. Затем вернулась и расстелила скатерть. Расставляя на столе посуду, она неожиданно обратилась к мужу:

– Теймур, помнишь, как ты говорил: враг тебя – кирпичом, а ты его – калачом, может, тогда человеком станет.

Теймур кивнул с довольной улыбкой. Затем обратил внимание на мать, которая то и дело сновала туда-сюда, хлопоча на кухне. Он опасался, как бы она, вдоволь натерпевшись от армян, не преподала урок Сирануш, выплеснув на нее всю накопившуюся в душе боль. Когда Гаратель-муаллима проходила мимо, он взял ее за руку:

– Ана...
– Что, Теймур, похоже, ты что-то хочешь сказать.
– Ана, эта женщина ни в чем не виновата.
– Знаю.
– Не говорите ей ничего, какой смысл обвинять ее?
– Будь спокоен, я и не собираюсь ей что-то говорить, она наша гостья. Виноваты те, кто сбил их с пути. Если даже мы не сможем наказать их, Аллах покарает их как следует.

– Иншаллах.

... Все сидели за одним столом. Сирануш была сильно смущена проявленной заботой. В ожидании вопросов она через силу, с трудом проглатывала каждый кусок. Но никто не задавал ей вопросов, не осуждал и не обвинял ее ни в чем. После обеда Сирануш попросила Теймура доставить ее туда, откуда она пришла.

– Оставайтесь на ночь, утром отправлю, – ответил Теймур.

– Нет, нет, спасибо, меня там ждут.

– Ладно, сейчас поедем.

– Сирануш ханым, не теряйте фотографию, что я вам дал, – произнес до сих пор молчавший Шафа. – Когда Сергей вырастет, покажете ему, пусть помнит своего спасителя.

– Обязательно. Мы никогда не забудем брата Теймура. Не поминайте нас лихом. Простите нас, ради Бога.

– На здоровье! – произнесла Гаратель-муаллима и, подозвав к себе Сергея, поцеловала его. – Будем скучать без тебя, Сергей. Не забывай нас.

Гюльтекин передала Сирануш сумку, куда собрала одежду Сергея.

– Гюльтекин, – обратилась Гаратель-муаллима к невестке, – собери в дорогу еды, и воду тоже, ребенок может проголодаться.

Сирануш не знала, что сказать, как выразить свою благодарность. Она была сражена милосердием врага, в двери которого постучалась...

Солнце клонилось к закату. Все столпились вокруг машины. Сирануш, попрощавшись, хотела было усадить Сергея в машину, но тот, вырвавшись из рук матери, побежал к Туркеру. Взяв того за руку, он хотел забрать его с собой. От увиденного у людей на глазах навернулись слезы.

Шафа сел за руль. Когда они выезжали за ворота, навстречу им вышел сосед Салех. Шафа притормозил машину, через окно они поздоровались. Опираясь о козыль, Салех посмотрел на сидевших на заднем сиденье машины Сирануш и Сергея.

– Наконец-то мать воссоединилась со своим ребенком, – произнес он и умолк. Его так и подмывало спросить: – Ахчик, интересно, если бы Туркер оказался в руках у ваших бандитов, то они вернули бы мальчика его родителям? – Но он не стал задавать этого вопроса. – Счастливого пути, – только произнес он, пропуская машину.

... Распрощавшись у штаба с Шафой, Теймур отправился провожать Сирануш вместе с ребенком до самой линии соприкосновения. Перебросив автомат через плечо, Теймур взял Сергея на руки. Уже начинало смеркаться. Теймур был полностью уверен в том, что муж Сирануш, притаившись где-то за скалой, дожидается их.

У одного из ежевичных кустов Теймур приостановил шаг, идти дальше было опасно. Сорвав черные, как смоль, ягоды ежевики, он отдал их Сергею.

– Вкусно?

– Да.

Затем Теймур протянул Сирануш ручной фонарь, который прихватил из дома.

– Возьмите, в дороге пригодится, – сказал он. – Счастливого вам пути.

Забрав у Теймура фонарь, женщина поцеловала его:

– Всю оставшуюся жизнь я буду молиться за вас, – произнесла она с благодарностью. – Придет время, закончится война, и мы встретимся.

– Дай Бог, – Теймур еще раз прижал к груди Сергея. Сергей, чувствуя, что настал час разлуки, обвил своими слабыми ручонками шею Теймура. – Идите, уже поздно, – произнес Теймур, передав Сергея матери.

Прижав Сергея к груди, Сирануш перешла линию соприкосновения. Теймур смотрел вслед удалявшейся женщине с ребенком до тех пор, пока их силуэты не растворились в темноте.

С воссоединением Сергея с родителями бои не утихали. Ни один день не проходил без потерь среди бойцов-шехидов, и поэтому могилы рылись заранее. Недолго им приходилось дожидаться своих хозяев. Земля, щедро распахнув свою грудь, поглощала молодых парней. Последнее, что связывало лежавшего в могиле шехида с этим бранным миром, была лишь полоска солнечного света, падавшая на бездыханное тело героя. Затем земля закрывала собой и этот последний лучик света. Боевые товарищи, стоя у могилы, погружались в молчание. Затем, открыв залповый огонь, расходились. На следующий день все повторялось.

По мере того, как села переходили в руки врага, люди, покидая свои дома и земли, становились беженцами, влача бесславное, жалкое существование под осуждающими взглядами окружающих... Невозможно было поверить в то, что люди, которые еще недавно жили в своих селах безмятежно и счастливо, в один день потеряв все, могли стать беженцами.

...Стояла весна девяносто четвертого. Земля облачилась в зеленое одеяние, ярко-желтые цветы перекасти-поля на зеленом лугу радовали глаз. Кругом были слышны гомон, щебетание птиц, вьющих себе гнезда. Только души людей были скованы ледяным холодом.

На праздник Новруз Теймур заехал домой. Мать Гаратель-муаллима строго-на-строго наказала ему, чтобы, где бы он ни был, в день праздника обязательно должен был находиться со своей семьей, не то еще целых семь лет будет разлучен с родными.

Теймур, повинувшись наказу матери, в праздничный вечер приехал домой. Он от души веселился. Посадив на шею Туркера, прыгал через костер, произнося при этом: «Все дурное, болезни и неудачи оставляю здесь». Позвонив в Мингячевир, он поговорил с Шакиром и поздравил его с праздником. Ему и в голову не могло прийти, что это была последняя ночь, которую он провел с семьей. Больше никогда он не увидит ни отца, ни мать, ни любимую жену Гюльтекин, ни свою кровинушку – Туркера...

Наутро он вернулся на фронт и спустя пятнадцать дней уже участвовал в тяжелых боях, идущих за селение Сума-Гюллидже. Кровь лилась рекой.

В тот день им не повезло. Деллек Ганбар, отец троих детей, был тяжело ранен. Подозвав к себе Теймура, он сообщил ему, что не выживет, и поскольку село его было захвачено врагом, завещал похоронить его в селе Гарагашлы. Машина скорой помощи не успела доставить его в больницу. Он по дороге скончался. Теймур вместе с

боевыми товарищами привезли и похоронили его в своем селе. Умирая, Деллек Ганбар завещал им, что, как только их село освободится от оккупации, пусть перезахоронят его там, на земле, где покоятся его предки.

Было начало мая. Враг начал наступление на село Гарванд. Весь день не прекращалась стрельба. Ближе к закату меткий выстрел вражеского снайпера сразил Теймура. Раздирающая изнутри невыносимая боль пронзила все тело. Кровь из раны залила ботинок. В последний раз он окинул взором окрестности, и затем все погрузилось во тьму. Потеряв равновесие, он упал ничком, обхватив землю руками.

– Туркер! – произнес Теймур в последний раз, а затем отошел в мир иной.

Боевые товарищи вынесли его с поля боя. Пустая могила, вырытая рядом с могилой Деллек Ганбара, ожидала его. Больше всего причиняло боль то, что это произошло за день до заключения соглашения о прекращении огня, всего за один день.

... Когда обмывали тело Теймура, из кармана его пиджака выпала фотография. Это был снеймок, сделанный Шафой. Одну из этих фотографий он отправил в ООН, другую забрала Сирануш, еще одна осталась у Теймура.

Эту фотографию, где были запечатлены Теймур с Сергеем, Шафа передал Гюльтекин на память.

После полудня Шакир привел Сусанбар-ханым, чтобы поменять повязку на ране Гаратель-муаллимы. Сусанбар-ханым обработала спиртом кожу вокруг раны и вновь перевязала рану бинтом.

– Тьфу-тьфу, все в порядке, – сказала она. – Даст Бог, этой осенью спляшешь «Терекеме» на свадьбе Туркера.

– Дай-то Бог.

Шакир взглянул на наручные часы. В это время по телевизору шли новости. Вот уже двадцать два года он ждал радостных вестей по Гарабагу, но каждый раз у него портилось настроение. Взяв в руки пульт, он, как всегда, включил телевизор, не забыв при этом обратиться к Богу со словами: «Ya Allah». На экране показалось знакомое лицо ведущей. Шакир в очередной раз стал молить Бога в надежде услышать радостную весть. Но и на этот раз ведущая не оправдала его ожиданий:

– Сегодня армяне тридцать два раза нарушили режим прекращения огня. Погибших и раненых нет. Наши вооруженные силы заставили врага замолчать.

Шакир, как обычно, вышел из себя:

– Плевать на такое прекращение огня! Терпеть не могу этих разговоров про прекращение огня... Сусанбар-ханым, ты же помнишь, ведь день за день до объявления соглашения о прекращении огня Теймур стал шехидом.

– Да, как не помнить, – сказала она. – Царство ему небесное.

– Да упокоит Аллах его душу. В то время мы решили: пусть наш Теймур будет последним шехидом. Но все вышло не так, как мы думали, – воскликнул он, а затем обернулся к матери: – Муаллима, как ты думаешь, может, и Сергей тоже находится среди тех, кто нарушает соглашение о прекращении огня?!

– Честное слово, не знаю, что и сказать, – после долгого молчания печально произнесла она. – Лишь одному Аллаху известна истина...

ШИРИН МАНАФОВ

Как война создает новое качество

«Человек есть эволюция, осознающая саму себя»

Тейяр де Шарден

Прежде слово бывшему главному хирургу Минобороны, доктору медицинских наук Фамилю Бабаеву: «Несмотря на сложности становления военной медицины, во время Гарабахской войны более 78 процентов раненых стараниями медиков удалось вернуть в боевой строй. Для сравнения, во время Второй Мировой войны этот процент составил 72,3».

На открытии 2-й конференции военных медиков 6 ноября 1994 года тогдашний министр обороны генерал-лейтенант М.Мамедов отметил заслуги военной медслужбы, которую приходилось создавать буквально на марше. О том, как это происходило, об одном из тех, кто внес большой вклад в формирование на марше военной медицины, и пойдет рассказ.

Кандидат медицинских наук, замглавврача по лечебной части НИИ нейрохирургии Микаил Меджидов с первых дней формирования нашего первого военно-полевого госпиталя в Агдаме прибыл на фронт и включился в создание госпиталя.

«Наша задача была создать госпиталь – очаг стабильности в хаосе и неразберихе первого этапа, когда в регионе вся власть была в руках полевых командиров. Их действия были не согласованными, воевали хорошо, но действовали разрозненно», – вспоминал М.Меджидов.

«Надо четко различать два периода формирования военной медицины, – отметил Ф.Бабаев, один из близких друзей Микаила. – Первый период – с 1991 по 1992 годы. Второй: 1993-1994 годы. Статистика отмечает значительное улучшение качества хирургической помощи на втором этапе, что далось ценой огромных усилий таких профессионалов, как Микаил Меджидов».

Костяк военной медслужбы был сформирован из выпускников Ленинградской военно-медицинской академии. Но костяк – всего три десятка врачей, а в Агдамском госпитале собралось много гражданских медиков, они понятия не имели, с какими проблемами им придется столкнуться. На конференции 1994 года главный травматолог Минобороны М.Масимов отметил, что по характеру ранений можно констатировать: Карабахская война, как и все локальные войны конца XX века, – минная война с большим числом сочетанных ранений.

Невозможно себе представить, что сыновья ветерана Второй мировой войны полковника Рашида Меджидова, о котором хвалебно отзывался в своей книге воспоминаний маршал Г.К. Жуков, не пошли бы на войну в Гарабахе добровольцами. Старший был командиром спецназа, второй – ведущим нейрохирургом Агдамского госпиталя. В ночь на 20 января 1990 года он на вертолете доставил прооперированного им раненого в Баку и из вертолета наблюдал ввод войск в город. На боевой пост заступил в декабре 1991 года, когда санавиацией был доставлен в Лачин, где прооперировал тринадцатилетнего Ровшана Мамедова с ранением в череп из охотничьего ружья. Тогда никто не мог предположить, что охотничьи ружья так быстро будут заменены на тяжелую артиллерию и танки.

С этого момента началось интенсивное изучение опыта военно-полевой хирургии как Второй мировой войны, так и войн во Вьетнаме и Афганистане. Знаниями и опытом Ми-

каил Меджидов щедро делился с молодыми, пришедшими с «гражданки» врачами. Меджидов – один из немногих профессионалов, благодаря которым Агдамский госпиталь стал центром, матрицей, как сейчас говорят, благодаря которой достижения, опыт распространялся во все фронтовые госпитали и медроты.

На войну Микаил, или Мика, как его звали друзья, пошел по двум причинам: долг перед родиной и отцом, закончившим войну в Берлине, где после войны он долгие годы служил заместителем военного коменданта. Но была и третья: в 90-е годы тогдашний президент республики А.Муталибов публично заявлял: «Азербайджанцы – нация пацифистов». Фраза поражала своей беззубостью, беспомощностью, трусостью. Чтобы ее опровергнуть, надо идти воевать.

Я – врач, значит, пацифист и, значит, мой долг – быть на войне, – решил Мика и добровольцем отправился работать нейрохирургом в Агдамский госпиталь.

В 1976 году он проходил клиническую ординатуру в Ленинграде, в 1985 году защитил диссертацию в ведущем НИИ нейрохирургии СССР – институте им. Н.Н. Бурденко, где овладел методом стереотаксической нейрохирургии. Изучал достижения советской военной медицины в период Второй Мировой войны, особенно внимательно – афганский опыт, поскольку родной брат Владислав – «афганец». Опыт этот был важен всем врачам госпиталя, ведь надо было быть в курсе самых современных технологий в медицине. Например, в 67-ой городской больнице Москвы в 1980-е годы находилась кафедра травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии 1 Московского мединститута им. И.М. Сеченова, где под руководством член-корр. АМН СССР профессора Г.Юмашева была освоена новая методика операций на спинном мозге. В 1979-1982 года здесь было проведено 600 операций на позвоночнике при повреждениях и даже полном разрыве спинного мозга. Не только в советской, но и в мировой практике такая методика – достижение. Конечно, ученый и практик с таким багажом и объемом знаний резко ускорил формирование военного госпиталя и врачей, внес огромную лепту в формирование Агдамского госпиталя как ведущего медучреждения фронта.

Агдамский медпоезд сыграл громадную роль в совершенствовании организации медрот и госпиталей. Микаил считал необходимым закрепление ведущих клиник и медицинских кафедр за медротами. Не наезды гастролеров на неделю, а постоянное пребывание врачей ведущих клиник Баку на фронте. Чтобы каждый отчет о проведенных операциях стал развернутым анализом ошибок, мозговым штурмом с участием как лучших хирургов в ходе операций, так и всех звеньев медслужбы фронта. Включая профессиональный разбор операций и претензии врачей к командованию батальонов агдамского фронта. Этот подход имел конкретные последствия: больше уделялось внимания подготовке санитаров, росту качества работы медрот и скорейшей доставке раненых в тыловые госпитали. А также способствовал профессиональному росту врачей и организаторов медслужбы.

Агдамский госпиталь. Первый этап

Он был развернут 27 февраля 1992 года. Это был госпиталь на колесах, размещался в поезде. С семи утра до семи вечера в тот день шла расконсервация железнодорожного состава, прибывшего на станцию Агдам. А уже через два часа, в девять вечера, армяне начали обстрел госпиталя. Рядом с госпиталем разорвалось пять ракет «Кристалл», еще две ракеты – рядом с агдамской больницей, свет там потух и всех больных переправили в госпиталь. Так что с первого дня госпиталь вступил в бой. С 27 февраля по 11 марта через медпоезд прошло более 600 раненых, из них через операционный блок – 330 солдат. Формирование на марше. Что имелось в виду? За один лишь день, 12 марта 1992 года, когда армяне захватили село Сырхавенд, поступило более ста раненых.

Начальник Агдамского военно-полевого госпиталя майор Гурбан Гурбанов, у которого за плечами Афган, рассказывал тогда: «За два года службы в Афгане только однажды

мы имели такое число раненых в один день – при взятии Золотой долины. Я много видел в Афгане жестокости, зверства. Но то, что творили с ранеными и пленными так называемые бойцы самообороны Арцаха, даже меня и моего друга, главного хирурга госпиталя Кази Магомедова, тоже афганца, повергло в шок. Кроме бойцов, в госпиталь поступило тогда много беженцев, из них 90 детей, многие из которых были ослеплены зажженными сигаретами. Ранения, в основном, даже у детей, пулевые, как правило, из снайперского оружия. Позднее стало много поступать раненых, подорвавшихся на минах еще советского производства – минными полями окружали наши села. В тот период до того, как более 200 солдат и офицеров дислоцированного в Степанакерте 366-го полка не влились в нашу армию, применение мин советского производства почти не отмечалось».

Задача – создать на марше военно-полевой госпиталь на высоком профессиональном уровне, одно из ключевых подразделений, из которых и должна состоять регулярная армия, – столкнулась с реальностями 1992 года: не было единого командования, полевые командиры и их отряды – это вольница, у каждого своя тактика, бойцы подчинялись лишь своим командирам. В этой обстановке безусловный лидер – командир регулярной армии майор Ширин Мирзоев – оказал госпиталю большую поддержку, т.к. только наличие госпиталя позволяло решать задачи наступательного характера.

Врачи – гражданские, руководство госпиталя – военврачи, прошедшие Афган. Их требования к гражданским врачам часто были непонятны, казались чрезмерными, военная категоричность порой парализовывала волю, все стояло на диктатуре подавления, возражения не принимались.

«В такой обстановке, – сказал Михаил врачам, – надо грамотно построить работу хирургии и реанимации, чтобы сократить подавляющую диктатуру крика». Ему и друзьям хирургам того легендарного состава госпиталя получилось это сделать и увлечь командование чистым администрированием. Это был заговор профессионалов, и он удался. В 1992 году в атмосфере ежедневных боев кричали и приказывали все подряд: начальство госпиталя, командированные из центра, полевые командиры, привозившие раненых в госпиталь, исполкомовцы. Михаил нашел отличный ход, чтобы крикуны не мешали и не пресинговали врачей и младший медперсонал. Для ускорения формирования госпиталя как военной части он предложил командованию госпиталя сосредоточиться на нейтрализации приказов и криков со стороны. «Госпиталь это крепость, и вы ее охрана, – так звучало его предложение, – у медсестер руки дрожат от воплей разъяренных вооруженных людей».

Эта схема заработала, стало легче дышать всем, и врачам, и младшему медперсоналу. Михаил бережно сохранил добрые воспоминания о первом составе медсанпоезда. Это хирурги Эльдар Алиев, Азер Сулейманов, Мурад Махмудов, Ниджат Мамедов, Эльдар Сираджев, Алик Курбанов, кандидат медицинских наук Зохраб Шамхалов, старшая операционная медсестра Мелика Ахмедова. Предложение Михаила очень помогло молодым хирургам справиться с нагрузками военного времени и быстро, на марше, в атмосфере хаоса и растерянности сформировать очаг стабильности, одну из немногих в тот период воинских частей, из которых должна состоять профессиональная армия.

Потребность в госпитале именно как очаге стабильности была громадной. Стабильность была в дефиците. В той обстановке никто не в состоянии был осмыслить близость угрозы, хотя она всего в получасе езды, и создать единый командный центр обороны. В агдамском кипящем котле, переполненном стрессами, невротами, паникой, отчаянием, вызванными в 1991-1992 годах отсутствием единого командования, серией побед и серией поражений, неумением организовать оборону азербайджанских сел даже вблизи Агдама, было всего три-четыре точки опоры, очага стабильности, дисциплины, организации. Одним из них стал военно-полевой госпиталь.

При госпитале имелись тогда две автоперевязочные машины, в которых хирург и фельдшеры осуществляли первую врачебную помощь вблизи боя. Мечтой командира каж-

дой медроты и госпиталя было иметь свои бронетранспортеры для вывоза раненых с поля боя. Госпиталь развернулся 27 февраля, а уже 5 марта его посетила группа турецких парламентариев. К тому времени из более чем 300 проведенных операций всего два смертных случая. Командир Гурбан Гурбанов рассказал гостям, что 26 февраля армяне уничтожили десятки турок-месхетинцев.

Еще один штрих того очень сложного периода войны.

Госпиталь в Агдаме развернулся в конце февраля 1992 года, позднее открыт был госпиталь в Тертере. В ноябре 1992 года там был создан координационный центр, в его ведении было, в частности, медицинское обеспечение войск. В состав центра входили тогдашний министр культуры Полад Бюльбюлю оглу, другие министры, главы районов. В период жарких боев, когда наши войска взяли Агдере (Мардакерт) и дошли до Сарсангского водохранилища, ситуация с медицинским обеспечением была такова, что пришлось создавать этот самый центр координации. При остром дефиците многих необходимых препаратов на первом этапе войны нужно было поддержание оптимизма, боевого настроения врачей для обеспечения хирургической помощи в полном объеме. С этой важной задачей отлично справился Микаил. Одновременно он оказывал консультации хирургам агдамской гражданской больницы – там тоже было жарко. До открытия госпиталя именно агдамская больница приняла удар на себя.

Даже несмотря на открытие военного госпиталя, в тот период в смену в хирургическом отделении больницы принимали до 25 раненых, гражданских и военных. Поступали со всего Гарабаха, из Кельбаджара, Лачина, Гадрута... Ведущий анестезиолог больницы Мехман Бабаев, как и многие другие врачи, позднее перейдет на службу в госпиталь. Одна только запись: «23 августа 1991 года из села Косалар доставили 18 раненых, из них 6 женщин, 2 детей в возрасте 4 и 8 лет. Доставлены врачом из отряда Гатыр Мамеда Арифом Эминовым». Другая запись от 14 ноября 1991 года: «Доставлены солдаты Сергей Крутиков из в/ч 3655, Александр Мауч из ОМОН из Баку, Александр Зыков 1957 г. рождения, из УВД НКАО, ранее Василий Осокин из в/ч 3641». Это происходило оттого, что больница в Степанакерте не принимала раненых русских солдат, защищавших азербайджанские села. Восемнадцатого августа 1991 года поступили две женщины из Гадрутского района: армяне на их глазах отрезали их мужьям уши и носы, затем расстреляли, женщин избили, через три дня обменяли на своих боевиков.

По статистике агдамской больницы можно судить о нарастании военной активности в Гарабахе. В 1988 году поступило 62 раненых, 1989-м – 46, в 1990-м – 95, в 1991-м только на 4 ноября – 96. Эти данные мне в 1991 году представил зав. хирургическим отделением Фархад Бахтияров.

В 1991 году был убит 49-летний опытный хирург Исрафил, убит родственником человека, умершего на операционном столе. Идут бои, каждый хирург на вес золота, и у кого-то поднялась рука на врача, хотя причина смерти неясна, даже вскрытия не было.

Эта трагедия потрясла всех врачей Агдама. Население не признает законов военного времени – на войне убийство врача равно убийству десятков солдат, которых он мог спасти. Теперь проблема номер один – реформирование лечебного учреждения в военную часть. Роль ведущих врачей первого состава, в частности, Микаила Меджидова, в этом процессе трудно переоценить. Трагедия дала ускорение созданию госпиталя, все сложные операции будут теперь проводиться в госпитале. Нельзя оперировать под угрозой смерти, под дулом автомата. Но в феврале 1992 года врачи госпиталя еще не знали, что десятки раз они будут подвергаться атакам вооруженных людей, потерявших на операционном столе друзей. Нужна защита от врывающихся в медроты и госпитали вооруженных людей. Охрана еще не всё, эту защиту надо было выработать в самих врачах, ликвидировать у них страх, иначе они не осмелятся идти на риск во время операции. А рисковать надо было каждую минуту – при дефиците времени, оборудования и лекарств. При-

существование в госпитале одного из ведущих в СССР нейрохирургов М.Меджидова помогало врачам преодолевать страх перед риском и приводило к отличным результатам – росту качества операций. С каждой удачной сложной операцией врачи приобретали ценный опыт и уверенность в своих силах. Заслуга Михаила в том, что он был гарантом, рядом с которым можно идти на риск, он поможет, подстрахует. Когда многие из врачей только лишь познавали азы военной медицины в феврале 1992 года, Михаил, как один из ведущих нейрохирургов, активно работавших на санавиации, уже сделал с 1988 года в экстремальных условиях десятки операций во всех районах, где велись боевые действия. Жаль, об этом нет фильма, не поставлен спектакль о том, как наставник, лидер в боевых условиях создает из провинциальных врачей асов военной хирургии. Без него неопытные врачи не посмели бы провести нестандартные, сложные операции, и не были бы спасены сотни жизней на минной войне, когда требуются врачи высокой квалификации по целому ряду направлений хирургии. Вместе с Михаилом травматологи решались на операции на головном мозге, позвоночнике, полостные операции и отлично справлялись. Михаил создавал средства защиты врачей от слишком уж жестокого, потребительского к ним отношения военных и населения. Все думали, что в Баку полно хирургов, не понравится – заменим. Оказалось, единицы врачей способны к обучению на марше и готовы принять жестокие требования войны к медикам. Нужны незаменимые, они есть, важно вселить оптимизм, веру в себя, и процесс формирования незаменимых быстрее происходил рядом с такими профессионалами, как Михаил.

Сотни спасенных жизней и сотни вернувшихся в бой бойцов дали стране 12 хирургов Агдамского госпиталя: Фикрет Гасымов, Зиряддин Абасов, Фамиль Бабаев, Муталлим Гасанов, Садиг Азизов, Мехман Бабаев, Эльхан Алескеров, Саид Мехтиев, Эльдар Гасымов, командир госпиталя Алы Гурбанлы.

Из этой темы вытекает гораздо более актуальная – именно с врачей, госпиталей начался процесс перевода ментальности населения на военные рельсы. Было поставлено жесткое требование к каждому: на театре боевых действий нет гражданских, здесь все военные. Этот закон должен действовать и сейчас. Иначе может произойти то, что наблюдалось на первом этапе активных боевых действий повсеместно. Офицеры не могли создать из новобранцев боевую группу, способную решать задачи наступательного боя. У офицеров не было опыта, школы, понимания сложности процесса формирования бойца-профессионала.

«С удовольствием вспоминаю военные годы, – говорил позже Михаил. – Война – дело азартное, веселое, мужское. Работали на пределе возможностей, не день и не два, а неделями. Значит, умеем работать так, как надо на войне, не расслабляясь. Зато сдружился с прекрасными, сильными людьми. Другие просто не выдерживали и уходили. Люди на войне раскрываются до самого дна».

Здоровье коллектива

«Главная задача госпиталя, – утверждал Михаил, – здоровье коллектива. Персонал госпиталя работает и живет в состоянии постоянного стресса. Кровь, трагедии, смерть раненых на операционном столе. Гипернагрузки во время потока – одновременного поступления большого числа раненых – вели к бессоннице, депрессии, частым нервным срывам. У многих врачей и медсестер их личные ресурсы заканчивались через месяц такой жизни, с такими пришлось расстаться».

У Михаила ресурсы, оказалось, рассчитаны на годы. Тем более нужен был этот человек врачам и офицерам батальонов, полков. Важно изучить то, как сын профессионального военного себя сконструировал в ходе подготовки к войне. Задача управления любым военным подразделением – это научить необстрелянных новобранцев побеждать стресс, преодолевать в себе страх. То, как Михаил работал над повышением ресурсов персонала госпиталя, улучшением его иммунной системы, оказалось важным и для врачей, и

для полевых офицеров. Он преподавал основы медицины, бесстрашия и оптимизма в зараженной страхом, паникой, неврозом зоне, какой всегда бывает любая зона боевых действий.

Работа со страхом

Типичная картина. Во дворе госпиталя два бойца азартно обсуждают бой и действия командования и товарищей. Рядом стоят новобранцы. На лицах ужас и... неприятие, отторжение: мы не хотим стать как вы. Мы хотим убежать. Мы – дети. Отпустите нас домой.

Жалобы офицера на новобранцев-трусов стало причиной прочтения Микаилом одной из лучших своих лекций. Он это называл работой со страхом, я назвал работой с трусом и после лекций Микаила активно применял в своей практике. Одна краткая лекция Мики заменяла новобранцам сотни часов криков, угроз, брани своих офицеров.

Природа 90 процентов ранений и смертей солдат на войне – незнание боевой техники, законов современного боя, отсутствие навыков выживания. Отсюда паника, истерия, шок. Агдамцы называли новобранцев – ушаглар. Это диагноз и приговор. Они скорее обуза для армии. Для них характерно нежелание изучать военное ремесло. Спрятаться и при первой возможности бежать. Не учиться, не подражать героям. Подросток боится стать бойцом – убьют. Трус – это программа, человек не верит в себя, его задача – не включаться, не обучаться, а бежать от опасности. Стоит только на примере таких, как Малыш, убедить ребят, дать им статистику – и «трусы» начинают учиться и часто становятся хорошими бойцами. «Статистика военной медицины, – говорил в конце Микаил, – доказывает, что именно бойцы на войне выживают, а не знающие оружие, технику ведения боя – погибают или калечатся. Или вы станете бойцами, или война вас не пощадит».

Мика и Малыш

В палате лежал четырнадцатилетний Зейнал, доброволец, воевал в отряде, отличный стрелок, все звали его «Малыш», он вытащил из боя десятки раненых. Веселый и быстро обучающийся военному делу паренек был талисманом отряда. Таких было много, и они сделали великое дело. В соседнюю палату навестить своих солдат пришел офицер. Жаловался врачам на новобранцев: ничего не знают, лезут под пули, не разбираются в технике, паникеры, чуть взрыв – разбегаются в разные стороны. Трусы, – резюмировал офицер. Микаил выслушал и сказал офицеру: «Мальчики не верят в себя, так научите военному искусству». «Они не хотят учиться, они хотят убежать», – огорченно ответил офицер. «Надо работать со страхом, – возразил Микаил. – Трус ставит себе ограничитель: я не смогу стать бойцом. Не знаю технику, тактику и никогда не изучу. Подросток боится стать бойцом – убьют. Вам надо снять ограничитель, а не ругать сутками солдат. Вы же не ругаете человека за то, что он не знает, как изучить иностранный язык. Научите, как преодолевать страх, и трус перестанет быть трусом».

Микаил собрал в палате солдат и офицера, вызвал Малыша и на примере этого паренька прочитал им краткий курс, как работать со страхом и как переиграть труса. «Опыт Второй Мировой и Гарабахской войн показал, – сказал Микаил, – что у опытных бойцов и необученных солдат разный характер ранений. Необстрелянные гораздо чаще погибают и получают ранения, хотя всю работу в атаке и обороне выполняют опытные бойцы».

«Парни, – говорил Микаил, – у вас нет другого выхода, как учиться военному ремеслу, изучать технику и стать бойцами. Только тогда у вас появится шанс выжить и с честью выполнить долг перед Родиной. Опытные бойцы в госпиталь почти не попадают. Бойцы просчитывают каждый ход противника и заранее знают, где огневые точки врага».

И привел примеры. Пять солдат идут на пост, идут след в след. Снайпер расстрелял четырех идущих, только пятый отреагировал и спрятался в кустах. Ни один из пяти солдат заранее не изучил местность, в результате трое раненых, один убит. Девяносто процентов раненых – новобранцы, из них девяносто процентов ранены по причине незнания боевой техники и тактики боя. На войне ты или боец, или жертва.

Это была самая краткая и самая эффективная лекция по военной науке. Офицер был поражен, с каким вниманием слушали лекцию те, кто по его словам, не хотели учиться и мечтали только об одном – убежать из части.

«Возьмите Малыша и вы увидите, как через месяц ваши трусы станут настоящими бойцами, – предложил Михаил офицеру. – Рядом с Малышом стыдно не учиться». «Доктор, спасибо вам, – воскликнул офицер, – а я сутками ору на этих тупиц, баранов, трусов, не убегайте с поля боя...»

В тот же день Малыш стал обучать оказавшихся в госпитале новобранцев, как разбирать оружие, как находить огневые точки противника, как ползать, рыть окопы, как различать по звуку приближающийся тип снаряда... Фельдшер Мехбалы показывал, как оказать первую медпомощь при ранении на поле боя. Ограничитель был снят. Малыш наслаждался своей ролью. Сын охотника с детства знал оружие. Его «лекции» были просты и убедительны: «Не полюбите оружие – сдохнете, не станете учиться – вернетесь калеками. Если вернетесь. Ушаглар, у вас нет вариантов. Или ты боец, или мишень. Вам хочется доставить радость армянскому снайперу?»

С юмором и издевкой рассказывал, как мечутся на поле боя в панике и ужасе не обученные новобранцы, попадая под огонь и противника, и своих. Был жесток при этом: «В первую очередь я выносив из боя настоящих бойцов, а потом других».

Малыш был веселый, жестокий, но тактичный человек. Роль Малышей в создании нового материала огромна, и о них надо писать документальные рассказы и ставить фильмы. Их детская жестокость сделала из тысяч трусов настоящих бойцов. Он учил не только выживанию на войне. Говорил: прежде чем победить врага, надо победить себя. Тысячи ораторов не могли сделать того, что сделал Малыш. Михаил им искренне восхищался, даже задержал на лишнюю пару дней в госпитале. Жалел, когда тот сбежал из госпиталя в свой отряд – не выдержал безделья. Да и неучи-новобранцы ему были неинтересны.

Хотя новобранцы Михаила в паре с Малышом слушали очень внимательно. Малыш и Михаил по-разному создавали новый материал из трусов и паникеров, и оба сознавали, как они нужны этим напуганным новобранцам. Ни Михаил, ни Малыш никогда не ругали трусов, не применяли ораторских приемов: вперед, в бой, кричите «Ура» и вам не будет страшно, погибнем за родину... Ничего этого не происходило, методика обучения была жесткой и очень эффективной и производила на новобранцев ошеломляющее впечатление. Хотя Михаил всего лишь передавал опыт врача и основывался на данных военных историков. «Если станете учиться, вы сможете, как афганцы, не спать по несколько суток, выслеживая врага, – говорил Михаил, – как чеченцы, разбираться в современном оружии и стрелять, как Малыш». Мика успешно применял эту тактику: подготовительная лекция и затем отдавал очередную партию «трусов» Малышу. Михаил и Малыш великолепно дополняли друг друга, оба делали из кроликов бойцов. Офицер – командир «трусов» – буквально заглатывал текст Михаила, пытался говорить с солдатами на его языке: «Ребята, у вас есть шанс стать победителями. Или вы боец, или жертва. Выбор за вами».

В беседах Михаила с бойцами не было никаких угроз, призывов, ругани, отчаяния. Только опыт и статистика. Через месяц тот же офицер приезжал навестить Михаила, половина из тех «трусов», что лежали с контузией в госпитале, стали учиться на бойца. Если бы в каждом взводе половина новобранцев – в основном тогда были ребята 1974 года рождения – учились бы военному ремеслу, мы давно были бы в Степанакерте. Но слишком многие поставили себе ограничители, спрятались в своей трусости, как в скорлупе.

Как-то к Михаилу подошел раненый, умолял отпустить с фронта домой, в Евлах, к маме, детишкам, коровкам: «Доктор, дай справку, что я неизлечимо больной». «Евлах сейчас здесь, в Агдаме, – отрезал Михаил. – Здесь ты должен защитить своих детей и маму».

Стресс

На войне гражданские врачи столкнулись с главным своим врагом – с так называемыми военными неврозами, паникой, дезориентацией. Это было внутреннее состояние, охватившее новобранцев, гражданское население и часть офицеров. Последние, чтобы скрыть растерянность, бессилие, панику, прибегали к диктатуре крика. На войне в состоянии хаоса и ежедневного напряжения было очень много крикунов и уставших, испуганных, затравленных подчиненных, и очень мало настоящих бойцов. Людей, поборовших военные неврозы. Таким профессионалам, как Микаил и его брат Владислав, этих крайне необходимых для каждого военного соединения железных людей предстояло создавать. Владислав и Микаил, каждый на своем посту, создавали этих людей, новый материал, новую ментальность. Каждый в своей области добился отличных результатов.

Растерянные, напуганные в 1992 году пытались скрыть бессилие, прячась в крике. Результат был печальный. Командование методом воплей-криков вызывало страх, парализовывало волю, лишало солдат инициативы. Чем безграмотнее офицер, тем больше воплей. Переорать таких было невозможно, тогда Микаил нейтрализовал вопли, перенаправляя их на внешние объекты.

Ликвидатор

Война – это цейтнот, война заставляет принимать сложные решения в доли секунды и железной волей продавливать исполнение. Война – аналог быстрых шахмат, только ставка – судьбы миллионов, страны. Все неподготовленные офицеры, солдаты и политики, играя в эту беспощадную, изошренную игру, жестоко страдали. Только не такие, как Микаил. Восемьдесят процентов офицерского состава, даже молодые люди, страдали гипертонией, язвой желудка, другими проявлениями гигантского перенапряжения, 90 процентов ранений новобранцев – результат незнания военной техники, тактики противника, 90 процентов всех военных психозов – результат перенапряжения от пребывания на ТВД, да еще в ситуации, когда большинство солдат и офицеров не прошли подготовку в военных учебных центрах. Переодели в военную форму и – вперед. Только появление профессионала в отряде, взводе может ликвидировать стресс, панику. Микаил и его брат, каждый в своей области, учили решать сложные задачи в кратчайший срок. Все, кто хотел научиться решать сложные задачи и стать классным хирургом, просили Микаила принять участие в операции в качестве консультанта. Подстрахует, исправит и – самое главное – проведет жесткий и честный анализ ошибок после операции, без чего невозможен рост военного хирурга, вообще любого специалиста. Те же функции на своем посту выполнял его брат.

Ученики обязательно передадут методику уже своим ученикам. Врачей и медсестер Микаил учил находить верные решения в выборе тактики операции при дефиците информации и времени. Это формула победы на войне, равно в хирургии или управлении военной операцией, фронтом. Научиться играть в цейтноте и перестать страшиться принимать решения в атмосфере тотальной дезориентации. Для этого каждый хирург должен уметь создавать отличную команду. Это дано единицам. Не редкостью было, когда из операционной выбегала заплаканная медсестра. Для этого порой было достаточно одного грубого слова, а часто это катастрофа, ее нечем заменить. Виноваты и врач, и медсестра, но другого материала нет, надо создавать сильные команды из тех, кто есть. В такие конфликтные команды врачи со стороны боятся входить, а Микаил входил без страха, и вдруг все успокаивались, операция в дальнейшем проходила гладко, напряжение спадало, и все вдруг начинало получаться. Мы, молодые врачи госпиталя, про себя называли Микаила Ликвидатором. В Голливуде – Шварценеггер, у нас – Мика. Наш Ликвидатор был поинтереснее американского варианта, он доказывал превосходство гуманизма над разрушительным воздействием войны.

Один из учеников Микаила в 1993 году стал участником одной истории. Узнал у раненых, что у них в части есть пара пленных гражданских армян, ранений нет, но сильно

покалеченные. Вытащил пленных под предлогом доставки в военную прокуратуру, продержал неделю, подлечил и через неделю их обменяли на двух наших бойцов. Отвез спасенных бойцов в ту самую часть, где ему угрожали смертью за доброе отношение к пленным, и только тогда прекратились разговоры о предательстве врача, мол, хотел продать пленных.

Все только начинается

Понимание патриотизма у братьев Меджидовых резко отличалось от стандартных версий и понималось как требование ставить перед собой и коллективом все более сложные проблемы и решать их в кратчайший срок. Что требует согласованности действий от всех членов команды. Прошли годы, и когда ученики и друзья Мики слышат все тот же вопрос «Когда эта война кончится?», отвечают: «Все только начинается». Очень многие делают вид, будто не понимают, что имеется в виду. Если слова Микаила вызывают ужас – исчезают, если веселят – то вам к нам, в Агдамский госпиталь. Сначала фельдшером, а там посмотрим, какие у тебя ресурсы. Война, как метод отбора нового человеческого материала, нового качества нации в XX веке работает по таким же правилам, что и тысячу лет назад. Вклад военной медицины в формирование нового качества нации огромен, касается не только коллектива госпиталя, но и раненых, офицеров и солдат.

Все врачи Агдамского госпиталя стали экспертами в области формирования нового качества. Братья Меджидовы – только начало темы, пока мало исследованной, типа «История создания нового качества». Во всех частях, где был хотя бы один профессионал, происходили такие же истории, тот же процесс ускорения формирования нового качества специалистов, боевого отряда в целом. Их надо собирать, изучать. Это главный урок Гарабахской войны.

Письмо министру

Бывший министр соцобеспечения А.Нагиев очень любил выступать по телевизору. Однажды в 1998 году он пренебрежительным тоном заявил, что не знает, чем занимались ветераны в Гарабахе. Микаил предложил ответить и настоял на публикации «Одного дня в Гарабахе».

«Министр очень хочет узнать, чем мы занимались? Вот события одного только дня в госпитале. Первое июля 1993 года. 40 операций. Из операционной выходит реаниматолог, едва держится на ногах. Следом врач, требует возвратиться. «Если я вернусь – я умру. Я ничего не вижу».

Выходит из операционной хирург Гасымов, только что на его глазах умер раненый, после трехчасовой операции, а казалось, есть шанс. Сорокалетний хирург кричит от обиды и бессилия. К нему никто не подходит, он должен выкрикаться, он нужен, его ждут раненые, фельдшер просто отвел его от окна, потому что он мог, размахивая руками, разбить стекло, хирург так сжал руку фельдшера, что тот вскрикнул от боли, но руку отдернуть не посмел.

Гасымов кричит, мимо него проходят медсестры, ему не мешают, надо выкрикаться. Через десять минут хирург возвращается в операционную. Врачи и медсестры работают без перерыва между операциями. Микаил и военный хирург, «афганец» Фамиль Бабаев, работают, переходя от стола к столу. Долг военного врача – «закрыть» эмоции, заставить всех забыть, что такое отдых. Нет такого понятия. Отдых после операции не снимает напряжения. Более того, после даже краткого отдыха невозможно вновь включиться. Напряжение нельзя снимать, надо жить так, как будто 30 операций – это ведь так мало, удачный день. Чередование работы и отдыха отменяется, нужна постоянная включенность. Ценное качество военных специалистов – умение жить и работать в режиме сверхнапряжения и не страдать, не ждать окончания трудного дня. Это очень жестокое испытание, нельзя целиком отдаваться одной операции, одной надежде на спасение одного раненого, надо сохранить резерв души для других.

В операционной пять столов, пять бригад. Если есть хотя бы два хирурга, кто работает, как Микаил, – многие часы без срывов, без нервов и без ожидания конца операций, то все остальные подчиняются, включаются в беспощадный ритм. Никаких эмоций, хотя перед глазами разворачивается слишком много трагедий, слишком много крови и потерь, слишком часто нельзя уже помочь, поздно доставили раненого. И после ухода человека из жизни надо тут же включаться, приступать к новой операции. Умение быстро сбрасывать напряжение – исключительное качество. Сразу по окончании одной операции, удачной или неудачной, вас подводят к другому столу, там тоже ждет раненый. Вы испытали стресс, на ваших глазах умер солдат, надо оставить отчаяние, переживание и сосредоточиться на новой операции. Все обостряется работой на потоке, когда десятки раненых одновременно поступает в госпиталь. Здесь все отступает на второй план – усталость, истощение, падение артериального давления у врача или медсестры от многочасовой работы. Усталость, голод, головокружение... Требуется такая концентрация внимания врача, чтобы все это отступило, – и тогда рождается хирург с большой буквы. И важно только одно – в короткие сроки уметь обработать поток раненых и спасти десятки жизней. Подавив в себе потрясение, которое испытывает хирургическая бригада, наблюдая смерть на столе раненого. Даже если нет на них никакой вины.

Когда хирург вышел из операционной и закричал страшным голосом полностью истощенного человека: «Я устал резать руки и ноги!», Микаил жестко отрезал: «Не подходите, не мешайте ему».

Медбрат побежал за спиртом, кто-то испуганно вскрикнул: «Доктор, тише, во дворе полно родственников и друзей раненых. «Никакого спирта, чая, кофе, – сказал Микаил. – Дайте накричаться».

Несколько минут спустя хирург Садик обращается к Гасымову: «Покричал? Полегчало? Давай за работу. Есть череп и живот и грудь. Иди на грудь, пуля в легком, а я буду ампутировать». Гасымов благодарно кивнул головой и быстро вошел в операционную.

Все работают, склонив головы, никто не слышал криков. Шесть реаниматологов, 12 медсестер, 12 хирургов. Закончили, только вышли из операционной, выкурили по одной сигарете, как объявили, что через час подвезут еще 14 раненых. Час отдыха есть, все курят, Фамиль мобилизовал свободных медсестер – надо проветрить операционную, сделать влажную уборку. Борьба с анаэробной инфекцией. Хирурги идут в реанимацию. Часовой отдых сводится к слежению за сложными ранеными в реанимации. Сами реаниматологи, сменяя друг друга, на 5-7 минут выходили из операционной, стояли у входа в госпиталь, смотрели на небо, на сад, на мирно спящее село вдаль, делали глубокие вдохи, прочищая легкие, все молча – нет сил, затем возвращались. Выходить из госпиталя во двор хирургам и реаниматологам можно было только тогда, когда операция заканчивалась успешно. Иначе нельзя, во дворе друзья-однополчане, иногда родственники. Слишком много нервов, достаточно одного слова – и может вспыхнуть пожар. Во всех медротах, госпиталях бывали случаи, когда, услышав о гибели друга на столе, вооруженные люди врываются в операционную. Поэтому если все плохо – во двор выходить нельзя. Угрозы расправиться разгоряченных людей, истерика сбивала с рабочего ритма и нарушала работу всех пяти или шести хирургических бригад в операционной.

Вскоре подвезли еще 14 раненых. С часа ночи и до пяти утра работали с ними. Прилетели два борта и вывезли в Баку 25 раненых. В пять утра в операционной потушили свет, Фамиль делает записи, утром доклад, он дежурный. В реанимации умирают трое раненых, это удар. Нужен анализ, надо выявить причину, определить, кто виноват. Сбросить на позднюю транспортировку легче всего. Хотя, конечно, у всех троих была большая потеря крови. Нужен жесткий анализ, обязательное условие – взаимоконтроль реаниматологов и хирургов. Отношения между ними сложные. Если виновен хирург – надо узнать причину ошибки. Возможно все: небрежность, низкая квалификация, но чаще всего уста-

лость, что называется, глаза «замылились». После шести-семи часов работы наступает момент, когда врач не в состоянии перебороть усталость. На потоке такое бывает, проблема для всех госпиталей и медрот – нет смены бесконечно уставшим врачам и медсестрам. Но ошибки не прощаются, для госпиталя смерть раненого после операции – катастрофа, она должна быть по деталям изучена. Анализ проведенных операций, сделанный Микаилом, давал хирургам больше, чем годы прежней, довоенной работы. Совершенно иные требования: качество, скорость, слаженность действий хирургических бригад, доведенная до автоматизма. Все во имя главной задачи госпиталей, военной медицины в целом: чем выше процент возвращения в строй солдат, тем выше боеспособность армии. Ошибки прощательны, не прощается непроведение анализа офицерами боевых операций. На поле боя, в госпитале... На войне каждый должен управлять своим организмом, своими эмоциями, как боец автоматом. Никто никому не прощает много отношения к себе, к работе. Главное требование – надежность, работоспособность офицерского состава.

Гражданские врачи, младший медперсонал относятся к себе снисходительно, прощают себе многие ошибки, им кажется, что усталость извиняет их промахи. На войне такое нежное отношение к себе губительно для общего дела, здесь такое пресекается сразу. Военные коллективы – пехота, артиллерия, медслужба – смогли стать боевыми соединениями, добиться слаженной работы только благодаря тому, что внедрили военную, жесткую систему взаимоотношений. Требовательность – закон, никаких смягчающих обстоятельств.

Агдамский госпиталь – одно из таких успешных соединений. Во многом – благодаря таким специалистам, как Микаил Меджидов. Это завоевание ветеранов должно стать законом и для мирной жизни. Здесь одна из причин того, что такие специалисты-ветераны, как Микаил, проигравшими в Гарабахской войне себя не считают. Микаил всегда после войны говорил: мы – победители. Как все успешные военные организации, Агдамский госпиталь создал систему взаимоконтроля, что позволяло сократить число ошибок на потоке. Микаил с первого дня создавал в госпитале систему взаимостраховки на всех этапах лечения. Но это и взаимоконтроль, он позволял выявлять плохо подготовленных врачей, освобождать госпиталь от слабодушных, быстро сгоревших, а их было много среди врачей и медсестер. Создание такими асами хирургии, как Микаил, системы взаимостраховки, контроля и отсева спасло сотни жизней. Госпиталь не мог бы справиться с потоком, если не был бы требователен по отношению к неподготовленным к колоссальным перегрузкам врачам и медсестрам. Людям с быстро исчерпавшимися резервами.

Все успешные команды – роты, батальоны – создавались так же, как медслужба – на марше, и могли быть созданы только следуя такому принципу строительства нового человека, нового коллектива. Как помочь человеку мобилизовать свои резервы – мы учились у Микаила. При работе рядом с одним из лучших нейрохирургов Союза пропадала усталость, каждый стремился показать класс и произвести впечатление. Видимо, работать с мастером и было тем стимулом, который формирует успешные команды. Все врачи совещались с Микаилом в выборе темы для научных работ, методом мозгового штурма достигалось два главных требования Микаила: знание истории проблемы, свежесть в интерпретации темы.

Высказывания официальных лиц, полные пренебрежения к ветеранам, – это, кроме оскорбления чести и достоинства, еще и повеление – забыть войну. Не было успешных военных операций, были только поражения и трусость. Значит, следует забыть драгоценный военный опыт. Нация должна забыть кровью заработанный уникальный опыт успешных военных соединений. Но это самая реальная и важная часть урока Гарабахской войны 1991-1994 годов. Микаил в военной медицине, его брат в отрядах спецназа создавали героев, настоящих бойцов, поднимая их до своего уровня в процессе длительного и тактичного обучения. И это – тоже забыть?

Рекомендации людей безграмотных и примитивных опасны требованием забыть главное завоевание – тот самый драгоценный опыт создания успешных боевых отрядов, где действовал взаимоконтроль. Мы ведь говорим не обо всех участниках войны, а о настоящих бойцах. Только их называем ветеранами, их, накопителей важнейшего для будущих поколений опыта. Участников войны были десятки тысяч, а умеющих создать успешные боевые команды – десятки. Чтобы не растерять их бесценный боевой опыт, надо изучать историю создания успешных команд, изучать этапы формирования профессионалами таких боевых отрядов в ходе военных действий.

У операционной медсестры Медины депрессия. Не выдержала нагрузки – до 70 раненых в сутки, многие погибают от потери крови. Медсестры наблюдают гибель молодых, здоровых парней. Умирают молодые, в расцвете сил. Хотели Медину отправить в тыл, но опытные операционные медсестры на вес золота, и временно перевели в терапию, там легче. Через пять дней она вернулась в операционную и поблагодарила Микаила за то, что отговорил выезжать за пределы госпиталя. Возвращаться в прежний ритм невероятно трудно. Задачей ведущих хирургов госпиталя было научить каждого врача, медсестру жить в обстановке включенности, и у многих это осталось на долгие годы после войны. Госпиталь – модель воюющей страны. Среди нас живет много людей, научившихся на войне создавать такие коллективы. Это опыт, который должен стать традицией, изучаться на военных кафедрах гражданских вузов, в первую очередь, в медицинской академии.

Многие хирурги Агдамского госпиталя, перейдя на службу в медроты или другие госпитали, внедряли на новых местах систему создания успешных команд. Если каждый из нас пройдет подобную подготовку, станет бойцом успешной команды, тогда только будет победа. Такое понимание войны и цели нации характерно для настоящих бойцов, но непонятно для тыловых, которые мыслят в узких рамках системы «победа – поражение». Тогда как Микаил мыслит в иной системе координат «новое качество – новое общество», где речь, прежде всего, о создании из старого качества нового человека. Не армия побеждает, а общество, способное создавать успешные команды профессионалов. Как такой отряд создавать, надо учиться на примере таких профи, как братья Меджидовы. Тогда как за презрением бывшего министра Нагиева звучало – забыть войну 1991-1994 годов, наши только сдавали, убежали и предавали.

Спали мы в дни потока по 3-4 часа, урывками. После операций хирурги идут в реанимацию, надо помочь реаниматологам с тяжелыми и помочь организовать эвакуацию. К утру улетел последний борт. Госпиталь опустел. Осталось всего 17 солдат, все ходячие.

1993 год. Мы играем в волейбол. Только вышли из операционной. Госпиталь находится в здании сельской школы, рядом волейбольная площадка. Счет не важен. Главное – разрядка, хочется попрыгать, покричать. Подходит тип со стороны, какой-то оператор или депутат, их много приезжало тогда. Очень пламенно настроенный. «Там бойцы умирают, – заявляет он нам, – а вы тут кричите, визжите, смеетесь, радуетесь жизни». Микаил ответил типу: «Как ты вовремя приехал. Хочешь помочь стране победить? Вымой палату, а фельдшер Вагиф поиграет с нами в волейбол. Ему надо отдохнуть, шесть часов в операционной». Тип посмотрел возмущенно, посверкал глазами, повернулся и пошел. Кто-то из играющих крикнул ему вслед: «Не хочешь мыть полы? Сдай кровь».

У нас всего два часа времени, скоро подвезут новую партию раненых, нам надо накричаться. Играли как дети, радуясь каждому мгновению игры. Это так здорово: раннее утро, восход солнца и волейбол. Насладиться каждой минутой игры, в любой момент могут позвать в операционную. Поступил раненый, командир вызвал троих из играющих сдать кровь. Быстро бежим, сдаем кровь, выпиваем по два стакана сладкого чая с печеньем и – снова играть. Спать нельзя, после сна трудно включаться. Те, кто спал вместо игры, медленно входили в ритм, много брака. Игра – «золото партии, антидепрессант». Иначе нам не место в госпитале. Работа – волейбол – сдача крови – работа.

Из фронтового дневника врача

«19.06.93 г. Много раненых. В это время перед госпиталем во дворе идет своя жизнь. Небольшая группа местных жителей, беженцы, друзья раненых. Много напуганных новобранцев – мальчиков 1974 года, они впервые в бою и были потрясены артиллерией. Сбились в кучку. На них тяжело смотреть. Рядом стонет мужчина из села Шелли, где в тот день шел бой. «Армяне увели моего брата, – едва сдерживая слезы, говорил он. – Брат в плену, я ничего не могу сделать». Через час привезли из Шелли пятерых раненых, мужчина обращался ко всем с вопросом, видели ли они его брата. «Успокойся, Азер, – сказал ему один из раненых, – его захватили в плен трое армян, один из наших бросил в них гранату, все погибли, твой брат тоже». Мужчина успокоился, замолчал: смерть лучше плена.

С 12 по 14 июня 1993 года поступало по 30-40 раненых из села Шелли. Здесь потери у армян были особенно велики, шли под кинжальный огонь пулеметов с высоток. Армяне вошли в села Мярзили, Новрузлы, Юсифджанлы и разграбили их. Потеряли три танка и ПТУРС. В Шелли местные и наши аскеры оборонялись стойко и нанесли большой урон. Цель атаки армян на Шелли – взять Агдам в кольцо.

21.06.93 г. Армяне взяли село Ахмедавар. Месяц брали в полукруг село, потом атака. Поступило в госпиталь около ста раненых. Окружали медленно, по кусочкам. Один хирург не заметил кровотечения в животе. Пришлось вновь открывать после него. Перед операционной трое солдат из тех, кто доставил раненых, вопят от ужаса увиденного, их слова сливаются в лай. Ругают медиков за медленную работу, на самом деле ужас бессилия.

14.06.93 г. Доставили раненого Аскерова. В селе Мярзили он видел, как армянин автоматной очередью снес голову мальчику. Трое суток армяне атакуют Шелли, местные отбиваются здорово. А 12-го атака захлебнулась, много трупов. Но 14-го новая атака, армяне идут по трупам своих бойцов, опять несут потери. За ними заградотряды, их гонят в атаку. В Степанакерте митинг из-за больших потерь; разогнали. К нашему посту №19 подошли метров на 20, но пост так и не смогли взять. Шелли армяне не взяли, наши сами ушли, т.к. армяне прорвались к Агдаму, и защитники Шелли оказались в кольце. Пока кольцо не укрепилось, бойцы ушли из Шелли. В дни атаки на село их обстреливали из 14 видов техники.

Знакомый комбат решил обстрелять молодняк, 17 мальчиков 1974 года, только прибыли, со страхом рассматривают автомат. Они в укрытии, не видят боя. Поместил туда, чтобы привыкли к звукам летящих снарядов, к пулеметным очередям, выстрелам из танков. Мальчики сбились в один комок, на лицах ужас, кричат, накрыли головы руками, скрючились. Не поднимают глаз, чтобы определить обстановку. Будто их цель – показать страх убедительно, выразительно – и их тут же вернут в тыл. Не стыдятся страх демонстрировать. Комбат не выдержал и крикнул: пошли все на х... Стайка рванула к селу, час спустя стыдливо поглощали похлебку.

Поступил солдат Бадалов с баротравмой¹. Бредил всю ночь: «Юсиф, где мой автомат? Надо сообщить артиллеристам: стрелять на один километр дальше. Где Юсиф?» Сосед по палате: «Юсиф жив, скоро вернется». Бадалов: «Где Ульви?» Сосед: «Ульви жив, его отвезли в медроту, перевязать руку. Через час вернется, спи». И так до утра.

Микаил беседует с врачами. Говорили о том, что им показалось самым страшным на войне. Врачи приводили какие-то случаи из практики. «Самое страшное, что я пережил на войне? – сказал Микаил. – Это было в тылу, приятели спрашивали, как тебя поймали и заставили пойти на фронт. Ответил, что пошел добровольно. Отправился в военкомат и с 19 июня 1991 года я в госпитале. Не поверили, смотрели изумленно, с испугом: сошел с ума. Поэтому в следующий раз, когда спрашивали тыловики, отвечал, мол, не повезло, поймали на улице, посадили в автобус, связали руки и привезли. Это мое самое страшное испытание за годы войны».

¹ Баротравма – повреждение органа слуха при резком изменении атмосферного давления. При значительных перепадах давления при взрыве может произойти разрыв барабанной перепонки.

23.01.94 г. В палату для прооперированных входит солдат, в палате трое его друзей, у всех ампутации, у кого руки, у кого ноги. Солдат показывает им приемы карате, и все повторяют за ним. Один грустно: не могу повторять, нет руки. Солдат: «Ничего, буду приходить по утрам, покажу приемы карате для ног». Такие очень помогают, снимают депрессию.

28.06.93 г. Илахаддин Миримзаев из Хачмаза спас друга Эльшана, привез его с открытым пневмотораксом. Эльшан трое суток пролежал раненый в кустах, это было после боя в районе Еддихырман рядом с Агдамом, на уже взятой армянами территории. «Странно, что тебя не взяли». – «Я же рыжий, – отвечал Илахаддин, – они подумали, свой. Нашел друга, вытащил его и доставил в госпиталь». Эльшана отправили в Баку, вылечили. Сам Эльшан в свою очередь ходил на место боя в поисках товарищей и был ранен.

Министр Нагиев предлагает нам забыть этих людей?

25.03.93 г. Санинструкторы – смелые ребята. Один из них, Фарман Чобанов, в результате огнестрельного ранения потерял левую почку. Через три месяца вернулся в свой батальон и вытащил из боя еще немало ребят.

Фармана тоже забыть? Также неизвестно, чем занимался на фронте?

Да, многие убегали с фронта. Но для ветеранов воинский долг, участие в войне в Гарабахе было счастьем, миссией, потребностью сердца. Главная цель жизни – участие в событиях, которые должны изменить нацию, общество, государство. «Мы победители, – говорят ветераны. – Приказ сдавать позиции давали политики».

Когда мы услышали презрительные слова бывшего министра Нагиева, вспомнили, как мы играли в волейбол. Спасибо, Нагиев, и ты вошел в историю. С такими министрами в разведку ходить одно удовольствие.

Тактика Михаила принципиально иная: «Все только начинается. Война стала вырабатывать новое качество, этот процесс должен быть продолжен в мирное время. Надо научиться побеждать и войну, и мир». Многие врачи благодаря ему без страха вошли в жизнь, где сверхнапряжение – норма. Где игра в волейбол после семи часов в операционной – лучший отдых, разрядка и подготовка к новым семи часам работы.

Такие, как Михаил, и есть то самое новое качество, без которого невозможно возвращение Гарабаха. Что возможно не только как результат лишь военной победы, но как процесс многоплановый. Мы все включены в этот процесс. Кто-то мучается, страдает, тяготится этим, пытается жить так, как будто не было 1991-1994 годов, а игроки в волейбол – наслаждаются. Все, кто живет в напряжении, как в своей стихии, – важный результат войны, и необходимо внедрение в программу образования и самовоспитания «производство» нового качества.

Михаил говорил: «Мой отец рассказывал, что в 1945 году все его друзья вернулись с войны совсем не такими, какими попали на фронт в 1941-м».

Профессиональные бойцы, каждый на своем посту, как братья Меджидовы, создавали из старого материала команды-победители, а министр предлагает – забыть, потому что, мол, предатели, паникеры, трусы. Забыть опыт войны 1991-1994 годов, героев и наработанный бойцами драгоценный опыт взаимостраховки и, как следствие, коллективного героизма. Каждый день, каждое мгновение на войне такие, как Михаил, вырабатывали знание и опыт, необходимые для будущих поколений. Мы умеем создавать команды-победители. Для их создания нужны профессионалы, такие, как Михаил Меджидов. Цель – включить в процесс перспективных офицеров и солдат, а не только медперсонал госпиталя. Опыт создания команд-победителей, а именно таким был коллектив Агдамского госпиталя, должен стать предметом изучения.

Между новобранцами и опытными бойцами – разница громадная. Как между командами-победителями и проигравшими. Отрядами, где не было профессионалов. В первом случае создается новое качество нации. Оно создавалось такими, как братья Меджидовы.

При встрече бойцы вспоминают о победах своих отрядов и батальонов, глаза их светятся азартом, а проигравшие осуждают командование, погоду, артиллерию... Это люди упущенного шанса. Военные историки должны обобщить опыт успешных батальонов, других боевых соединений. Прояснить, что помешало развить военный успех и закрепить его в политическом решении. Стоило только врачу или медсестре понять, что они оказались в госпитале, где у них возможен профессиональный рост, все включались в сложный ритм трудного процесса. Надо закрепиться в команде-победителе. Стать участником успешного экзамена, эксперимента. Это – ведущая мотивация, которую активизировали такие профессионалы, как Михаил и его брат. Все ученики Михаила состоялись, из госпиталя вышла целая плеяда отличных военных хирургов, некоторые из младшего медперсонала впоследствии окончили медицинский институт и стали врачами.

Мы часто обвиняем в сдаче районов свою расхлябанность, недисциплинированность. Все эти качества, так же, как и лень, обидчивость, страсть к эмоциональным пустым спорам мгновенно исчезают, стоит человеку попасть в растущую, перспективную организацию, каким был Агдамский госпиталь. Стоит только попасть в коллектив-победитель, где все работают во имя высокой цели – повышения числа раненых, возвратившихся в боевой строй. Это требует роста профессионализма на всех этапах лечения. Коллектив-победитель легко отличить от слабых, завirusованных пораженчеством и плохо подготовленных отрядов, которых было большинство. Победители работают под руководством профессионалов и от этого нормально функционируют в режиме постоянных перегрузок. Без невроза, надрыва, паники, в ритме. Десятки мужчин и женщин охотно оставляют всю свою эмоциональность в прошлом, стоит им узнать, что они попали в хорошие руки, и у них есть шанс стать частью команды-победителя. Ради этого стоило жить. Растущий коллектив жаждет перегрузок, и в дни отдыха врачи нашего госпиталя ездили в медроты оперировать, хотя никто не заставлял. Стоило только Михаилу сказать кому-то из врачей: «Ты вышел на актуальную тему», и врач включался и начинал с большим усердием работать над диссертацией. Богатая тема – мощная мотивация. Госпиталь – богатая тема. Если понимать госпиталь расширенно, как понимает ее Михаил и его брат: как страну.

Гости

Посетителей, всяких делегаций в госпитале было много. Когда приезжали врачи из ведущих клиник Баку, они были желанными гостями. Участвовали в операциях и разборе операций, что имело важное значение для хирургов и реаниматологов госпиталя. Но когда приезжали административные работники из разных министерств и ведомств в дни большого напряжения, часто им навстречу выбегала медсестра и спрашивала: «Среди вас есть хирурги? Быстро переодеться, на столе раненый, врачей не хватает. Остальные берите носилки, вертолет подлетает, начинаем эвакуацию раненых». Гостей как ветром уносило. Очень эффективный ход. Конечно, нужны были артистические данные, чтобы разыграть назойливых гостей.

Умные понимали, что прибыли не вовремя, и возвращались в автобусы. Но были и особые группы гостей, чаще всего политики, лидеры разных партий, работники исполкомов. Эти прибывали на фронт всегда со съемочными группами с разных каналов ТВ, дабы увековечить свое посещение прифронтового госпиталя. Мол, и мы были под пулями, и мы хлебнули фронтовой тяжелой доли. И мы внесли свою лепту в борьбу – раздали конфеты раненым. Эти совершали обход палат и раздавали раненым сладости, а телеоператоры снимали трогательные сцены. Раненые отворачивались, не желая участвовать в этом лицемерии. Еще более невыносимо было, когда партийные трепачи начинали толкать речи и раздавать обещания: вот увидите – через неделю вернем Агдам, Губатлы, ворвемся в Аскеран... Эти посещения были унизительны и травмировали раненых. Часто после таких «гостей» солдаты, лежащие после ампутации рук-ног, впадали в истерическое состояние. Лучшим нейтрализатором словоблудия и показухи был Михаил. Он всегда стремился всеми

средствами оградить раненых от такого рода посетителей, с этой унижительной раздачей конфет, фруктов или денег.

«Как вы могли выгнать уважаемых гостей, – шутя спрашивали врачи у Михаила. – Это же делегация из Минздрава, Минсоцобеспечения, из исполкома Кюрдамира, из Милли меджлиса, из Комитета защиты салфеток, ложек и тарелок...» «Наш Минздрав и наш Меджлис – раненые. Нельзя их выводить из себя», – отвечал Михаил.

Много перебивало в госпитале и командированных на неделю врачей. Некоторые были всем недовольны: нет условий, современной аппаратуры, лекарств, вместо 200 компонентов успешной операции всего 20, и нет главного – свежей, отдохнувшей хирургической бригады. Вместо нее смертельно уставшие врачи и медсестры. Михаил умело снимал напряжение, непонимание между гастролянтами и госпитальными бригадами. Его слово было авторитетно в Баку: с гастролянтами войну не победить. Настаивал, доказывал, что вместо посылаемых Минздравом гастролянтов остро нужны постоянные консультации специалистов из ведущих больниц и кафедр. Со временем это стало нормой. А то были случаи, когда травматологи были вынуждены делать операции на мозге или брюшной области. Это, конечно, понижало качество операций.

Встречались и такие: к Михаилу подбегает врач из Баку, прибыл на неделю, на лице стабильное выражение ужаса: «Коллега, как вы можете здесь оперировать, под визгом снарядов?!» Михаил сразу распознал тип труса и невротика, надавал ему кучу советов, как выжить в прифронтовой полосе. Один из советов был такой: надо написать на халате слова «Красный крест». Гость написал и мгновенно стал самым знаменитым персонажем госпиталя, медсестры сразу разнесли по палатам и отделениям: среди нас появился такой интересный кадр. Два дня за ним выстраивались следом ходячие раненые и медсестры, очень этот тип поднял им настроение. Наконец он понял, насколько смешон в глазах молодых медсестер и ходячих больных, и высказал обиду Мике. Тот смягчил ситуацию: «Так мало развлечений, так что вы их простите. Зато они вас любят, вы любимец госпиталя».

Гастролянт смягчился, подобрел.

«Трус – великолепная психотерапия для раненых, – сказал Михаил коллегам. – Разве можно лишать их такого праздника?».

За рамками очерка остался еще один аспект деятельности доктора Меджидова. Десятки врачей, в основном, фронтовой полосы обращались тогда и обращаются к нему сейчас за помощью в качестве консультанта, научного руководителя, наставника. Приведу лишь краткий перечень статей, исследований и методик, созданных часто по инициативе Михаила, на основании его боевого опыта и наблюдений.

«Методика излечения депрессивных состояний у раненых». «Измененное состояние сознания после перенесенной боевой травмы». Две главные его лекции – «Психологические аспекты восстановления боеспособности раненых в постгоспитальный период». И особенно вторая – «Методы реабилитации бойцов, перенесших психическую травму в габрахской зоне боевых действий в 1991-1994 годах». Последняя лекция стала очень актуальным методическим пособием. Таких раненых были тысячи и врачам были необходимы методики по оказанию медпомощи с целью скорейшего возвращения излеченных раненых в боевой строй.

После 1994 года диапазон расширился, охватывал широкий круг тем, от медицины до культурологии. Например, «Методы ликвидации последствий военных стрессов у раненых», «Лечение истерической реакции на стрессы военного времени» и «Психопатология военного массового (серийного) мышления». Особый интерес вызывает исследование «Война, как повод для мифологизации массового сознания постконфликтного поколения на примере армянской пропаганды». Возможно, этому аспекту деятельности врача-нейрохирурга М. Меджидова будет посвящена вторая часть очерка.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Опять декабрь, и скоро – новый год...
Уже не жду, что в нем произойдет –
Не все ль равно? Все было, было, было,
Все отболело, отлетело, отлюбило.
Летели зимы, догоняя весны,
Все было просто и совсем непросто:
Стихи слагались и рождались дети,
И подлость расставляла свои сети,
Порою в них сама же попадаясь,
И выжигала в сердце раны зависть
У тех, что обвиняли, обличали
Кого-то в чем-то. В чем, они не знали –
Какая разница? Ведь главное – облить
Помоями того, кто смеет жить
Успешней, чем они, смеясь и пожиная
Плодов весомых щедрый урожай...
Бог им судья, их вспоминать не стоит –
Пусть старый год оставит все плохое
Себе. А новый год подарит
Снежинки на подмерзшем тротуаре,
И поседевших кипарисов свечи,
И небосвода призрачную млечность,
И чьи-то руки, легшие на плечи,
Чтоб подсказать тебе: еще не вечер!
Конечно,
Ты не вечен,
Но –
Еще не вечер...

Родные ветки с грустью покидая,
С чинар одежд обрывки облетают...
Так с наших жизней, что промчались лихо,
Сквозь радости, печали, злое лихо,
Надежд последних облетают клочья,
Чтоб умереть в канаве водосточной
Под лягушачье бормотание. А впрочем...
А впрочем, милый, все не так печально,
Придет весна и все – опять сначала:
Чинарам – новые зеленые одежды,
А нам с тобою – новые надежды.

Осенний бульвар

Оранжевое, желтое, багряное!
Какой художник щедро разбросал
Своих мазков бушующее зарево
На серости осеннего холста?

И море чешуею серебрится
Под неба перламутровым стеклом,
И словно парус острое крыло
Зависнувшей над морем белой птицы.

Бушуют краски, но их век недолог –
Придет декабрь и облетит листва,
Зима заявит о своих правах,
И все здесь станет призрачно и голо.

Но тосковать об этом слишком рано –
Все это после, после... А пока
Так высоко кружатся облака
Над золотым, оранжевым, багряным.

Мы с тобой попутчики – случайные,
Нам с тобою разные нужны поезда.
А мы сели рядом нечаянно
И едем, сами не зная, куда.

Мелькают деревья в проеме оконном,
О чем-то болтают в соседнем купе...
Мы мчимся, чужие, в уюте вагонном,
И кто из нас, не знаю, глупей.

Так вот и будут рельсы тянуться
Сквозь долгие месяцы, дни и года...
А может, не поздно еще вернуться
И сесть на разные поезда?

Читая стихи

Мы читаем стихи...
Так на море глядят, замирая,
Иль на белый корабль,
Тихо тающий в синей дали.
Мы читаем стихи,
Сердцем, а не умом понимая

То, чего без стихов
Мы б понять никогда не смогли,
То, чего передать
Мы в обычных словах не умеем,
Но что живо, что есть
От рождения в каждом из нас,
И пред чудом пред этим,
Открытом в самих нас,
Немеем...

*Габриэле Мистраль, чилийской поэтессе
посвящается*

В оранжевой обложке томик жаркий –
Цвет солнца, апельсинов, цвет огня –
Нежданным, необещанным подарком
Лежит, светясь, в ладонях у меня.

И в нем стихи – оранжевое скерцо,
Оранжевые строки змейкой выются.
Стихи, написанные болью сердца
Той, что не побоялась оглянуться.

Той, чей портрет нечеткий за обложкой
Печален так, и нас собой печалит.
Ее стихи и манят, и тревожат:
«Я – тот сосуд, что вровень с краем налит»...

Ее любовь бедою обернулась.
В высоком небе вздрогнула звезда,
Когда однажды в ночь она проснулась
И прокричала: больше никогда! –

«И больше никогда – ни ночью, полной
Дрожанья звезд, ни на рассвете алом?!»...
Над ним небытия сомкнулись волны,
И – не вернуть, и не начать сначала.

И сердца крик ложился на бумагу
И тек по ней горячими слезами.
О, женщина с печальными глазами,
Исполненная боли и отваги,

В печаль и боль ступающая смело,
Чтобы избыть их, в слово переплавляя...
В душе твоей пылающее пламя
Ты щедро даришь людям, Габриэла.

Слово

**Случалось,
Бывало,
Я слово теряла.
Оно уходило,
Оно ускользало,
Оно извивалось,
Оно не давалось,
И я отступала...
Тогда мне казалось,
Что жалок, бессилен,
Бесцветен мой слог,
Что мне никогда
Не сложить и двух строк...
Я снова пыталась
И путалась снова,
Но вновь ускользало
И пряталось слово.
Скользило оно
Тихим бликом во мне,
Как солнечный зайчик
По белой стене.
Песком между пальцев,
Ужом меж камней
Проклятое слово
Вертелось в уме.
Казалось, оно
Неподвластно мне было.
Но вот, когда нервы
И память – вверх дном,
То, нужное, слово
Ко мне приходило
И падало в строчку
Тяжелым зерном.**

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Б Е С П Р Е Д Е Л

*Нет в мире вечного
Есть свет и воля
И бренность нашего удела*

О беспределе обычно говорят в криминальном контексте. Это слово употребляют, когда масштаб криминала превосходит всякое воображение. Но в последнее время понятие беспредела (не само слово, а его значение) стало употребляться в позитивном смысле. То есть когда чего-нибудь много, чрезвычайно много, речь идет чаще всего о материальных благах, то это хорошо. Очень хорошо. Об этом мечтают, пишут, дают советы, как достичь вершин материального благополучия. Достичь беспредела.

Мечта о бесконечности, бескрайности и, как следствие, стремление к вечности. Время и пространство пересекаются в точке бесконечности и вечности. Человеческая жизнь конечна. Может, именно этот фактор конечности нашего существования толкает некоторых из нас стремиться к бесконечности. И таким образом к вечности? Вопрос, не дающий мне покоя в последнее время. Люди выстроили образцовую модель поведения по формуле: больше, выше, красивее, современнее и так до бесконечности. Если построили высотку, то кто-нибудь обязательно захочет построить еще более высокое здание. Если водрузили громадный флаг, то кто-нибудь водрузит знамя еще большего размера. Еще выше. Открыли магазин и заполнили его товарами, можно не сомневаться, что возникнет еще больший, в котором будет несметное количество товара, правда, не очень качественного и полезного. Придумали атомное оружие, завтра придумают новое оружие, способное за секунду разрушить всю Землю вместе с ее обитателями. Производство любого товара стремится к бесконечности, как это произошло с пластиком. Не так давно сатирик Задорнов высмеивал бывших советских людей, использовавших авоськи, то есть сетки для продуктов, и не имевших возможности воспользоваться плодами «цивилизации», а именно, полиэтиленовыми пакетами. Сегодня пластик и всевозможная продукция из него стали причиной экологической катастрофы. Любая деятельность человека, стремящаяся к бесконечности, а это значит к непрерывному увеличению производимого продукта, к первенству и, наконец, к монополии, приводит к краху. Экстенсивный метод развития, когда непрерывно растущее количество, неважно чего, представляется благом, на самом деле таковым не является. «Производство нефти превысило...», «Хлопок посадили на площади, в четыре раза превышающей...», «Новые ракеты способны достигать самых удаленных точек мира, их мощность – самая большая в мире...». По всей вероятности те, кто стремится к бесконечности, рассчитывают на восторг и одобрение публики. Испытывают гордость за проделанную гигантскую работу. Парадокс заключается в том, что эти достижения оборачиваются точно такой же катастрофой, как и производство пластика. Истощенные недра земли, загрязненная окружающая среда, нефтяные пятна на поверхности океанов, поверхность земли, отравленная пестицидами, люди, умирающие на полях. Ну, и как финал – апофеоз: зависимость существования планеты от настроения «крутого» парня, волею судеб имеющего доступ к красной атомной кнопке.

Ущербность сознания ярко выражается в стремлении к бесконечному, неизмеримому богатству. Пример царя Мидаса, которому грозила страшная смерть от истощения и жажды по той причине, что все, к чему он прикасался, превращалось в золото, ни для кого не стал уроком. Бескрайнее богатство, жажда заполучить все, что только может нарисовать воображение, превращается в идею фикс и в тренд, в особенности для граждан бывшего Советского Союза. Возможно, такая тенденция является следствием, реакцией организма на советскую уравниловку и подавление инстинкта собственности. Состояние голодного человека, долгое время лишённого пищи, вероятно, объяснит такое поведение. Но если после длительного периода голодания наесться до отвала, то можно умереть. Это то, чего не понимали люди, допущенные до бывшей государственной собственности и активно участвующие в процессе разгосударствления – то есть в приватизации в свою пользу народной собственности. Таким образом произошло рождение интересной категории граждан, которых называют олигархами. На мой взгляд, олигархи – порождение голода. Необязательно в прямом смысле этого слова. Это может быть неумная, неутолимая жажда наживы. Больше, больше, больше... Как бы то ни было, мы наблюдаем совершенно невероятное перерождение личности. Люди теряют чувство реальности, впадают в эйфорию всемогущества и вседозволенности. И не могут остановиться. Мидас и тот остановился. Олигархи – не могут.

Безусловно, стремиться к лучшей жизни, к достатку – совершенно естественное желание человека. В коммунистическом обществе это стремление, мягко говоря, не поощрялось. Хотя все, что касалось достижений государства, совершенно вписывалось в рамки экстенсивного способа развития. «Догоним и перегоним Америку». «Освоим целинные земли». «И на Марсе будут яблони цвести»...

Конечно, в истории много примеров, когда увеличение, ускорение дают толчок к эффективному развитию. Принцип спорта, олимпийский девиз: быстрее, выше, сильнее. Принцип работает при условии разумного подхода, а иначе – допинг, искалеченные судьбы больных, истощенных спортсменов.

Интенсивное развитие, предполагающее применение новых технологий, безусловно, более привлекательный способ производства. Однако в тандеме с увеличением количества получается гремучая смесь: бесконечное создание новых моделей всего. Техники, одежды, продуктов питания... Новое, новое, новое. Бесконечно новое. Не обязательно это новое – лучше старого. Чаще наоборот. Старая качественная вещь – ее можно починить в случае необходимости. А вот новые товары, производимые в совершенно безумных количествах, зачастую – штамповки, в случае поломки не подлежат ремонту. Такая гонка не на жизнь, а на смерть приводит к ускорению темпов жизни. Все быстрее крутится человек в кругу все возрастающих, искусственно созданных потребностей. Все больше нервных срывов, несчастий, страданий. Один из богатейших людей планеты, ставший гуру современного мира для миллионов людей, создавший «Волшебное яблоко», Стив Джобс, умирая, вдруг понял, что созданная им империя Apple ничего не изменит в его состоянии одинокого умирающего человека. И что, возможно, он был неправ, поставив во главу своей жизни погоню за успехом. Больше, выше, красивее, лучше. Он оставил неизгладимый след в истории человечества, и этого, вероятно, не забудут потомки, но для него вся жизнь свелась к гонке за успехом. Гаджет новее, чем у конкурента, совершеннее, соответственно, продаж больше и больше! В конце жизни: он первый, единственный, но – несчастный, большой, одинокий. Одинокий...

Вероятно, некорректно сравнивать судьбу гения, осуществившего своего рода технологическую революцию, с судьбой обывателя. Гении по определению – фанатики своего дела, перфекционисты и они очень часто одиноки по той причине, что обычные люди редко понимают их. Таких людей единицы.

Есть некоторое оправдание желанию производить все больше, быстрее... Неуклонно увеличивающееся население планеты подталкивает к производству большого количества всего, зачастую – в ущерб качеству. Возможно, решение данной проблемы лежит в иной плоскости. Нужно лишь поменять угол зрения.

Еще один аспект в пользу количества – один из законов диалектики, выведенный еще Гегелем, гласящий о переходе количества в качество. Но в этом законе есть понятие меры – то есть определенной границы, выше которой качественный скачок произойдет в обратном направлении.

Эта теория имеет совершенно реальное выражение в конкретной жизни. У безмерного количества производимой продукции, как правило, страдает качество. Товары быстрого потребления, предполагающие громадное количество производимых продуктов – можно вспомнить о Fastfood, Fastfashion и т.д. – неумолимо теряют в качестве. То есть, у них другое качество, качественный скачок произошел, но в другом направлении, в направлении ухудшения, деградации. Можно то же самое сказать о качестве жизни. Убыстрение ритма жизни, увеличение заработка до определенного предела будет способствовать улучшению качества жизни – они дают возможность позволить себе хорошую еду, одежду, машину, путешествия. Но все это – до определенного предела: бесконечная погоня выматывает, лишая здоровья физического и морального.

Неумная деятельность человека, вообразившего себя венцом природы, и его ненасытность привели к деградации экосистемы Земли и сокращению численности животных. Об этом недавно сообщил Всемирный Фонд дикой природы (WWF World Wildlife Fund). За последние сорок лет количество животных на нашей планете сократилось на 60 процентов. Жадность человека, истощившего землю и к тому же истребившего большое количество животных, привела к такому плачевному результату.

Еще один негативный результат безумного роста производства и, как следствие, потребления – горы мусора. Свалки занимают огромные площади и постепенно превращаются в мусорные города. В документальном фильме французского режиссера Хендирка Дюсолье (Hendrick Dussolier) «Последние дни в Шибати» (Derniersjours à Shibati) о последних днях китайского квартала, идущего под снос, меня поразила женщина – сортировщица мусора. Она не просто собирает мусор, она – поэт отходов, ненужного хлама. Она показала французу свой «идеальный дом». Клочок земли, на котором собраны сломанные игрушки, искусственные цветы. Женщина говорит, что люди называют ее «Белый лотос». Почему именно так? Казалось бы, помойка, сборщица мусора, и вдруг – «Белый лотос». Как объяснила женщина, ее называют так потому, что к белому лотосу грязь не пристает. Вот так, посреди помойки, можно оставаться «Белым лотосом». Эта женщина выживает, как может.

Однако не хотелось бы, чтобы земля превратилось в громадную свалку, только потому, что жадность людская превалирует над разумом.

ВАРИС ЕЛЧИЕВ

МЕТАМОРФОЗЫ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ НОЧИ

Повесть

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Новая истина – дитя старой лжи

*14-го сентября 1935-го года здесь проехал первый и единственный электропоезд.
(Надпись на железной табличке, прикрепленной к рельсам)*

*Погиб, попав под электропоезд 14-го сентября 1935-го года.
(Надпись на надгробье близлежащей могилы)*

ПРОЛОГ

Тысячелетия назад наш континент был полностью покрыт ледниками. Не было нынешней красоты, зелени, нынешнего тепла. Были лишь бескрайняя белизна и холод...

I ЧАСТЬ

– Да, здорово поступили с этим Шахвердиевым, отняли звание, и этого ему мало. Теперь Асадов сможет делать всё, что захочет. Для нас это только к лучшему. Кому не хочется тихо-спокойно нести свою службу?! Кому не хочется не иметь врагов?!..

– ...

– Так хочется работать в Баку. Баку город большой, хлебный. Но дело в том, что к Сумгайыту я тоже привык. Столько лет уже здесь...

– ...

– Что за дороги, ходовой полетит к чертям...

– ...

– Хорошо, что выдали эти «Фиаты». Удобно. «УАЗ» ни в какое сравнение с ними не идет. В нем так трясло, что тошнота к горлу подкатывала. А эти – отличные машины. Да смилостивится Бог над итальянцами. Как только появится возможность, я тоже куплю себе хорошую машину, «мерс» например... Надоело возить детей в маршрутке. То давка, то прохиндеи всякие глаз не отводят...

– ...

– Но у тебя, кажется, никакого интереса к машинам нет...

– ...

– Интересно, который час? Вот и Новый год. Мне совсем не везет. И в Новруз байрам на смене, и в Новый год... Тебе-то какая разница, холост пока. Но мои дети хотят в праздник видеть отца во главе стола. Когда жена узнала, что я на смене, расстроилась. Сказала, что в таком случае на стол накрывать не будет. А я настоял, чтобы они справили праздник сами. Сделал покупки. Она приготовит долму и голубцы, сделает салат. Не забыл купить и себе настоящей российской водки. Вот сдам завтра смену и отправлюсь домой... То есть, уже в следующем году выпью дома водки. Ты, кажется, не пьешь, да?

– ...

– Да хватит уже эсэмэситься. Сколько можно писать. Честно скажи, не надо-едает?

– ...

– Ты что, не слышишь?!

– Что?!

– Не устаешь строчить сообщения?!

– Нет, а зачем уставать?! Это моя любимая девушка.

– Слушай, дорогой, написал любимой девушке «С праздником» и баста. Что ж еще ты пишешь?! «В следующем году нам улыбнется удача и мы, дай Бог, поженимся», «Я тебя очень люблю», «Я на смене», «Что приготовила твоя мама?», «Поздравь от моего имени родителей»... Ну, что еще? «Что ты смотришь по телеку?», «Кто поет?», «Еда вкусная?», «А брат твой что поделявает?», «Сейчас классная погода»... Скажи честно, ради всего святого, ты всё это уже написал, да?

– Если и не все, то кое-что.

– Но... Ведь ты всё еще пишешь. Что ж еще можно написать девушке?! Может, ты уже перешел на политику?

– ...

– Кто холост, тот сам себе царь. Я только сейчас начал ценить те дни. Но тех дней уж не вернешь. Мы понимаем цену этим вещам лишь после того, как их потеряем...

– ...

– Ну и ну, что за дорога, повсюду ямы...

– ...

– Ты хороший парень, ты мне нравишься. Знаешь, что к месту, а что нет. Но, пойми меня правильно, ты чрезмерно культурный. Наша работа для грубоватых людей. Таких, как я. Здесь воспитанность не в чести. Говоришь, отец у тебя профессор. Странно, что он разрешил тебе работать в полиции. Вот устроил бы тебя учителем, и ты работал бы себе тихо-спокойно. В таком-то часу – на работу, в таком-то – домой.

– ...

– Наверно, устроил тебя сюда, чтобы потом перевести в Полицейскую Академию. Большим человеком да, будешь?

– ...

– Но, как бы там ни было, характер у тебя прекрасный... Не проголодался?

– ...

– Я с тобой, товарищ.

– Что?! Ради Бога, простите. Я задумался.

– Знаю, что ты в думах. Но время от времени прислушивайся и ко мне. Может, остановимся и перекусим?

– Как вам угодно.

– Что там у тебя? Моя жена положила котлеты.

– Я даже не посмотрел, что мама собрала в сумку. Сыр, колбаса, хлеб... Наверно, что-то в этом роде.

– Ну и ну. От этой дачной дороги машина становится телегой... Выйду на асфальт, приторможу, поедем. Ты обратил внимание, как здесь тихо? Летом тут яблоку негде упасть. Но сейчас всё словно дремлет... Вот появятся деньги – я тоже куплю дачу. А у вас, наверно, уже давно есть.

– ...

– Тебя что, растолкать надо, чтоб ты обратил на меня внимание?! Я с тобой говорю. Дача-то есть у вас?

– Да, конечно. У нас дача с советских времен. Летом папа с мамой там остаются.

– Близко отсюда?

– Нет, на другом конце канала.

– Деревья есть?

– Есть виноград, инжир... Полно. На даче замечательный шаны¹, и черный, и белый. Одно объедешь. Папа нанял садовника. Вот он и присматривает.

– Тебе-то что, парень ты городской. К тому же единственный сын в семье. Квартира, дача, машина – всё достанется тебе. А мои родители в районе. Есть четырехкомнатный дом, достанется он младшему моему брату. Я, бедный-несчастный, всего добиваюсь своим трудом.

– ...

– Наша работенка сущее мучение. Надо всегда быть начеку, смотреть в оба, чтобы ничто не ускользнуло от внимания...

– ...

– Ладно, что ты думаешь о той девчужке, которую мы подобрали? Как думаешь, что за птичка? Видел, как я ее заметил? Может ли что-нибудь уйти от меня незамеченным?

– ...

– Железный базар – самый отдаленный пункт в городе, туда даже маршрутки не ходят. В праздничные дни там никого не сыскать. Интересно, каким образом эта несчастная там оказалась?

– ...

– Она была босоногой, значит, от кого-то убежала. Видел, как она волновалась?! Слова выговорить не могла...

– ...

– Вполне вероятно, кто-то обманом ее туда заманил...

– ...

– Если б она толком что-нибудь рассказала, мы взяли бы того человека прямо на месте и бросили бы за решетку. Вот это стало бы для нас плюсом. Но несчастная девчужка и слова выговорить не смогла...

– ...

– Ради всего святого, тебе не надоело писать?! Уже и у меня в глазах темнеет...

¹ сорт абшеронского винограда.

Верить, я ни разу в жизни не писал сообщений. Даже не знаю, как это делается. Для меня телефон – только для звонков...

– ...

– Мы ведь братья. Советую тебе как старший брат: не сюсюкайся со своей любимой. Не надо говорить ей «Я без тебя умру», «Ты для меня всё» и тем самым возвеличивать ее. Как только узнает, что любовь ударила тебе в голову, что ты без нее жить не можешь – ощутит себя «неприкосновенной». Станет делать, что вздумается. Заставит тебя покупать всё, что её душа пожелает. Золото, бриллианты, шубу, платья, утварь... Отберет весь твой заработок. Если вздумает пойти дальше, то, пойми меня правильно, станет грубо обращаться с тобой и твоими родителями. Понимаешь?

– ...

– Я с тобой говорю, брат, товарищ!

– Что?! Простите, ради Бога. Что вы сказали?

– Ничего. Не отвлекайся. Пиши свое сообщение... Постой-ка, дай выйти на боковую дорогу. Эта дорога совсем в скотском состоянии... Вот так... Здесь относительно гладко... Чувствуешь разницу?

– ...

– Выйдем на асфальт – приторможу, перекусим.

– ...

– Что случилось с Поладом Алемдаром¹? Я давно уже не слежу. Каждый раз что-то отвлекает. Говорят, убили Мемати? По заказу Эркана.

– ...

– Я с тобой говорю. Мемати убили?

– Какого Мемати?!

– «Долину волков» не смотришь?

– Нет, не люблю сериалы.

– Тебе бы только эсэмэсками перекидываться. Я б тоже ни на что времени не находил, если б строчил днем и ночью сообщения...

– ...

– Туда смотри!

– ...

– Что это?! Что это за тени?!

– ...

– Что они в этой глуши потеряли в такой поздний час?! Очень подозрительно...

Видишь?!

– ...

– Эй, я с тобой, видишь?!

– Что?! Чего?!

– Глянь-ка дальше собственного носа. На камне сидит женщина, прикрыв руками лицо. Наверно, плачет. А над ней стоит мужчина... Сейчас всё узнаем, кто они и чем занимаются...

«Фиат» сбавил скорость и притормозил. Сидящий за рулем полицейский лет тридцати пяти-сорока положил руку на кобуру и вышел из автомобиля. На камне у обочины сидела женщина почти того же возраста и плакала. А мужчина, которому было чуть за сорок, в панике смотрел на полицейский автомобиль...

Полицейский приблизился к ним.

– Сержант полиции Ализаде. Пожалуйста, предъявите документы.

¹ герой турецкого сериала «Долина волков».

Второй полицейский, моложе первого, тоже вышел из автомобиля и подошел к ним.

Женщина перестала плакать и принялась утирать ладонью слезы. Мужчина безмолвно смерил взглядом полицейских, а потом сказал:

– При мне документов нет.

Ализаде так же внимательно смерил взглядом мужчину:

– Что вы здесь делаете?

– Были на даче. А теперь идем домой, – ответил мужчина после небольшой паузы.

– Пешком?!

– Приехали-то мы на машине. Но сейчас... Пришлось срочно уйти... Дело было...

Ализаде приблизился к мужчине еще на шаг:

– Совсем непохоже, что у вас появились срочные дела.

– Нет, мы остановились передохнуть...

– Что за дело?

– То есть... – запнулся мужчина. – Знаете... Мы там...

– А почему вы пришли?

– Честно говоря... – снова запнулся мужчина. – По сути...

– Сержант Гулиев, – обратился Ализаде к напарнику, – мы должны сдать этих граждан в отделение как подозрительных лиц и задержать до установления их личности.

Мужчина запротестовал:

– Не понимаю, разве у нас комендантский час, чтобы иметь при себе документы? Разве нельзя ночью выходить на улицу?!

– Гражданин, здесь не улица, – сменил тон Ализаде, – это отдаленный дачный массив. Какие у вас могут быть здесь дела в зимнее время?! Знаете ли вы, сколько фактов кражи зафиксировано здесь в последнее время?!

– Нет, не знаем. Но какое это к нам имеет отношение?

– Вот именно это мы и выясним: имеет или нет. Вполне вероятно, что эта женщина вам не жена, да?

– Да.

– Ясно. Это усугубляет проблему. Не сомневайтесь в том, что отправитесь вместе с нами в отделение. Садитесь в машину...

... Немного спустя мужчина и женщина молча сидели друг против друга на заднем сидении «Фиата».

Ализаде управлял автомобилем.

Гулиев писал сообщения...

ЗАБЫТЫЕ

Он увидел, что каждый занят своим делом. Танцуют, рассказывают анекдоты и смеются, чокаются... Тихонько открыл дверь и выскользнул из этого мирка, пропахшего алкоголем и табаком, спустился по лестнице во двор.

Луна была огромной и залила всё белым светом. Сначала ему показалось, что выпал снег. Даже нагнулся, чтобы взять горсть снега. Но когда пальцы коснулись песка, понял, что и этот Новый год не принес с собой снега.

В отдалении мерцал свет размером с точку. Ну и ну. Оказывается, и кроме них

кто-то еще справляет Новый год на даче... Закурил. Раньше он думал, что в жизни нет ничего постоянного. Поэтому верил: рано или поздно его неудачи закончатся... Теперь не было и этой веры... Сделал несколько шагов между виноградными грядками. Вдруг услышал шелест, вздрогнул и... застыл, как вкопанный. Возле колодца, сложив руки на груди, стояла женщина. Платье ее было словно из золота, горело, пламенело.

– Вы тоже вышли? – сказала с улыбкой женщина, увидев его.

Он ее узнал. Она сидела в самом углу, рядом с Рауфом.

– Да, все были заняты друг другом, на меня никто не обращал внимания, вот и вышел...

– Да, и я тоже, – вздохнула женщина.

Он внимательнее пригляделся к женщине, которую видел мельком в доме. Она была красивой. Но чувствовалось: ее красота уже начала увядать.

Он всегда сожалел, что даже самый красивый цветок обречен на увядание. Хоть в золотой вазе держи, бесполезно...

... Вдруг он обнаружил себя прямо перед ней задающим вопрос:

– Вам не холодно? Хотя холодно не по-зимнему, но всё-таки холодно...

Время от времени слышалось завывание ветра. Он накинул свою куртку на ее плечи. Женщина передернула плечами:

– Наденьте сами, мне не зябко.

Затем успокоилась:

– Большое спасибо. Не хочу лишний раз заходить за пальто.

Некоторое время смотрели на луну. Женщина протянула руку, будто желая ее ухватить:

– В жизни не видела такой огромной луны.

– Я тоже, – откликнулся он.

Он стоял в шаге от женщины. Когда до него донеслись аромат ее духов, ее дыхание, затрепетало сердце, и он сказал дрогнувшим голосом:

– Можно у вас кое-что спросить?

– Спрашивайте смело.

– Кем вы приходитеесь Тофику?

Женщина сконфузилась. Не проронила ни слова. Он тут же сменил тему:

– Может, покачаемся?

Поднялись на качели. Когда они качались, казалось, луна кружилась над их головами. Женщина спросила чуть ли не крича:

– Как вас зовут?!

Он тоже принялся кричать:

– Тофик ведь нас представил друг другу! Меня зовут Руфат! А вас Сара!

Они еще немного покачались. Руфат рассказал о дочери, обожающей карусели, о шалостях сына, заботах жены.

– Остановите, голова кружится, – сказала Сара.

Руфат нехотя подчинился.

Они сели на край колодца.

– Давно женаты? – спросила Сара, водя пальцем по камню, будто рисуя.

– Семь лет. А у вас нет семьи?

– Есть дочь, замужем, – вздохнула Сара.

Руфат удивился:

– Может, и внуки есть? – спросил он, удивленно улыбаясь.

– Не верите? – перестала «рисовать» Сара. – Как хотите. Она уже пять месяцев как замужем. Мне тридцать шесть. Не настолько молода, как вам думается... А муж умер... Для меня...

Затем она снова вздохнула:

– Как ваша жена согласилась вас сюда отпустить?

Руфат тоже вздохнул:

– У моего тестя традиция: каждый Новый год отмечать со всей семьей.

– А вы почему не пошли?

– Сходил в первый год женитьбы, и этого оказалось достаточно, навидался сполна.

– Чего навидались? – Сара с интересом посмотрела прямо в глаза Руфату.

– Да так... Не нравится мне их компания. Свояки ведут себя так, будто кроме них мужиков нет. Работают ведь в «жирных» местах... А я всего лишь мастер по ремонту телевизоров... Правда, я тоже неплохо зарабатываю. Но, тем не менее, уважения от них не вижу. Как только собираюсь что-либо сказать – они меня перебивают. И жена под столом толкает ногой – как бы я не ляпнул чего лишнего. Тесть их на руках носит, а на меня внимания не обращает... Человек ведь должен оцениваться не за должность и деньги, а за человечность, верно? Как бы не так... Мне уже надоело жить без уважения, без должной оценки. Каждый год говорю жене: не иди. Плачет, ссорится, обижается. Я этого вынести не могу и потому соглашаюсь. Детей она тоже берет с собой... Новогодний вечер – моя самая одинокая пора. Сегодня я тоже сидел перед телевизором. Вдруг позвонил Тофик и сказал, что все собираются на даче. Честно говоря, я удивился. Дача? Зимой? Но согласился. Ребят давно не видел. Мы ведь дружили вчетвером: Тофик, Рауф, Акиф и я...

– Тофик, Рауф, Акиф и Руфат... В имени каждого из вас есть буква «ф»...

– Что? Я совсем не обращал на это внимания... Какая еще буква повторяется в наших именах?

– ...По-моему, больше никакая.

Немного помолчали. Молчание нарушил голос Сары:

– Не обидитесь, если я кое-что скажу?

– Нет, конечно.

– Кажется, у вас с Тофиком прохладные отношения. Я обратила внимание: он не шутит с вами так, как с другими друзьями...

– Некогда мы были очень близки с Тофиком, – вздохнул Руфат, – выросли в одном дворе, дружим с детства. Затем появился Рауф и взял на себя половину внимания, которое Тофик оказывал мне. Потом пришел Акиф. Они стали дружить друг с другом теснее, я остался в стороне, не знаю, почему, может, потому, что я, в отличие от них, без высшего образования... Таким образом, одним прекрасным днем я обнаружил себя лишним человеком, забытым. Понимаю, почему они сегодня меня вспомнили. Сделали одолжение.

Еще некоторое время помолчали. Внутри хлопали в ладоши, топали ногами.

– Веселятся, – сказала Сара.

Окна нижнего этажа были залиты ярким светом. А в темных окнах верхнего отражался свет луны.

– Бывшие друзья, – понизил голос Руфат, – бывшие знакомые, бывшая любовь... У меня всё это было. А у вас?

– ...

– Разве у вас не было бывшей любви?

Сара неотрывно смотрела на среднее из залитых светом окон. А Руфат, казалось, говорил для себя:

– Прежде мы любили друг друга безумно. Потом я узнал, что она раньше любила другого. С этим смириться я не мог...

– ...

– По сути, у каждого мужчины до свадьбы бывает несколько любовниц. Но вы, женщины, по большей части остаетесь верны первой любви...

Сара не сводила глаз с окна:

– Когда вы вышли, Тофик танцевал?

– Кажется, нет, – пришлось прерваться Руфату. – Никто не танцевал. Разговаривали.

– Тофик разговаривал с той девушкой в черном платье?

– Я не обратил внимания.

Сара поднялась и принялась ходить из стороны в сторону:

– Я уже битый час здесь. Он так увлечен, что моего отсутствия не замечает...

Руфат много об этом думал. Люди всю жизнь ищут счастья, но сталкиваются лишь с болью, мучениями и смертью... Горстка людей, знающих верный адрес счастья, не желает делиться этим знанием с другими...

– Вы, мужчины, все такие?! – разозлилась Сара. – Сначала умоляете, встаете на колени, а после того, как овладеете – становитесь грубы, отравляете всю жизнь. Я жила в мучениях со своей первой ошибкой. Это стало второй ошибкой в моей жизни. А теперь он, наверно, влюбился в ту, что в черном платье. Потому что той девушке самое большее двадцать пять лет, она очень молода, свежа... Почему не женится? Он столько жизнь отравил. Через какое-то время он остынет и к той, что в черном платье. Он вытягивает весь их аромат, а потом выбрасывает. Зверь, хищник, подлец... А я, глупая, его люблю... А сюда он меня позвал, наверно, для того, чтобы я проведала о его новом увлечении и оставила его в покое...

Шумиха раздавалась совсем близко. Это открыли дверь. Сара смотрела в проем с надеждой. Но дверь быстро закрыли. Она застыла, обратившись лицом к окну.

... Интересно, сколько часов он уже находился во дворе? Руфат только сейчас почувствовал, что мерзнет, поднялся, начал прохаживаться. Довольно долго шагал между виноградными посадками. Когда в последний раз он был на этой даче? Лет семь-восемь назад. Тогда он был еще холост. Приехали на «Жигулях» Тофика. Тогда Тофик еще не купил джип. Тогда эта дорога еще не была вымощена камнем... Не было и этого навеса из виноградной лозы... Вернувшись, он увидел, что Сара плачет.

– ...Пока была жива мама, я терпела. Теперь ни на что не надеюсь. Где бы ни увидела пожилую женщину, сердце готово сорваться. Кажется, это мама стоит предо мной. Хочется помочь им всем... По соседству есть одна старушка. Я всегда ей помогаю. «Будь счастлива», – сказала она однажды. Я ушам своим не поверила, переспросила: «Что вы сказали?». Она повторила. «Куда мне до счастья», – сказала я... Я собрала елку. Приготовила бисквитный торт. Написала на нем: «С Новым годом!». Думала, придет дочь с зятем, справим праздник вместе. Семье зятя я не нравлюсь. Из-за знакомства с Тофиком. По их мнению, оставшаяся вдовой женщина не имеет права строить с кем-то новые отношения... Дочь они не пустили. А может, она сама не захотела. Позвонила, поздравила с Новым годом, вот и всё. Я отправилась за старушкой. Думала: товарищ по несчастью. Но к ней приехал сын. Вот счастливица! Хотя

бы от праздника к празднику ее вспоминают... Два года назад Новый год мы встречали втроем: мама, я, дочь. В прошлом году только я и дочь. А в этом я осталась одна... И телевизор не работает. Я сидела и расстроено смотрела на елку, и тут позвонил Тофик...

Фраза «телевизор не работает» всколыхнула Руфата:

– Почему ваш телевизор не показывает?

– Не знаю, включается, но ни изображения, ни звука...

– Знаю отчего, – тут же откликнулся и просиял Руфат, – я б его за пару минут починил...

Снова открылась дверь. Сара снова с надеждой уставилась в проем. Когда дверь закрылась, она посмотрела на позолоченные часы и спросила:

– Сколько ехать до города?

– Минут за сорок, сорок пять можно добраться... Максимум, час.

– До Нового года три с половиной часа...

Руфат зажег очередную сигарету. Странно: люди каждый новогодний вечер болтают, смеются, веселятся... А что они приобретают взамен? По сути, теряют еще один год жизни. Правильно ли радоваться потере? Кто-то умирает, а ты этому рад?

Немного погодя он уверился, что мысль-имитация «в этом году мне не везло, следующий, видимо, будет удачным» стала для всех устойчивым поверьем.

– Может, уйдем? – повторила Сара.

Руфат промолчал.

– Почему вы молчите?! Пусть поймут: у нас тоже есть чувства. Вы почините телевизор, а я угощу вас тортом. У меня они получаются очень вкусными. Пальчики оближешь...

– ...

– Ради Бога, давайте уйдем, – схватила она за руку Руфата.

– Как же так, неудобно ведь... – слегка дернулся Руфат.

– А по-вашему, они правильно с нами поступают?! – не скрывая обиды, отстранилась от него Сара. – Что это за неуважение по отношению к нам?!

Руфата постоянно беспокоила потребность людей отчего-то иногда врать, входить в другой образ. Выгодные тебе, устраивающие сегодня тебя отношения уже на завтрашний день становятся тяжелым ярмом, мешают тебе на тернистом пути к новым отношениям... Ты вынужден отдалиться от них, оставить в грязи эту цепь, обвившую твои ступни... Но наряду с этим ты прибегаешь к тому, чтобы скрыть свои действия, думая о том, что «неудобно»... Будучи голым, считаешь, что выглядишь одетым...

... Руфат зашел внутрь и вышел буквально через минуту:

– Вот и ваше пальто. Хорошо, что только у вас пальто белого цвета, иначе я бы растерялся... Жаль, меня заметили...

Луна стала еще больше, а погода холоднее. Они шли по краю канала. Дорога была в рытвинах. Когда Сара оступалась, Руфат брал ее под руку.

– ... Вы почините телевизор, а я поставлю чайник. Разложу еду, разрежу торт. Тарелки уже готовы.

Руфат закашлял.

– Вы, кажется, простудились? Всё из-за меня, я отобрала вашу куртку...

– Ерунда.

– Захотите, поставлю вам банки. Даже помассирую козым салом...

Скромная уютная квартира. Посредине украшена елка. На столе стоит торт. Дымятся две чашки с чаем...

Руфат ощущал жар, тепло, тело приятно покалывало. Ему стало лучше и он принялся кокетничать впридачу:

– ... Скажу сразу: индийский чай я не люблю, куда ему до нашего лянкяранского!

– А какие блюда вам нравятся?

– Без разницы. До сих пор дома по моему заказу ничего не готовилось.

– Что вы говорите?! Мой муж любил вкусно поесть. Я, можно сказать, из кухни не выходила. Он что попало не ел, командовал: «Приготовь пити, кюфте-бозбаш... Приготовь лангет...» Эх, чтоб он подавился... Он меня не ценил...

Руфата мучил вопрос, который он затруднялся озвучить: «Почему вы расстались?» А еще его очень интересовало, где и при каких обстоятельствах познакомились Сара с Тофиком...

Канал всё уходил и уходил дальше...

– Ничего, – сказала после долгой паузы Сара. – Сегодня будет готово блюдо по вашему заказу. Есть фарш, есть мясо для соуса. Впридачу есть и курица. Я приготавливаю вам ваше любимое блюдо, а вы пролистаете альбом. Я фотографировала дочь на каждый ее день рождения. Восемнадцать фотографий. Ваш друг тоже любил смотреть фотографии...

Сара глубоко вздохнула... На ее лице возникло прежнее застывшее выражение.

Они продолжали идти. Когда оставили поворот позади, вдали показались огни города.

Руфат радостно вскрикнул:

– Вот огни микрорайона... В квартире сейчас тепло... По всей вероятности у вас есть музыкальный центр. Вы умеете танцевать?

– Говорите, вас видели, когда вы забирали пальто? – оглядывалась Сара.

Внезапно шаги Руфата стали тяжелее.

– Да, видели, – сказал он расстроено.

Они продолжали молча идти. Время от времени слышался вой ветра. Сара часто оступалась...

Вдруг позади послышался сигнал. Свет фар автомобиля был направлен на них. У Сары дрогнул голос:

– Это он...

– Да, – вздохнул Руфат.

Они были уже довольно близко от города. Сара ухватила за руку Руфата:

– Давайте сбежим.

– Как же так, нельзя...

– Нет, можно. Пусть поймет, что я не вещь. Пусть увидит, что я от него сбегаю, что я его ненавижу...

– Ладно, вы можете его ненавидеть и бежать. Но с моей стороны это неправильно.

– Прошу.

– Не хочу впадать в ребячество...

– Умоляю...

Они и вправду принялись бежать...

Кажется, автомобиль тоже добавил скорости.

– С ума сейчас сходит... Ну и пусть... – говорила Сара, задыхаясь. Потом остановилась: – Жалко его... Пускай доедет. По этой дурацкой дороге мы бежим быстрее его машины...

Руфату тоже пришлось остановиться. Перед ним рушился целый мир: теплая квартира, неработающий телевизор, украшенная елка, бисквитный торт, лянкяранский чай...

Внутри него поднялся гнев против приближающегося автомобиля. Он был готов разнести его вдребезги.

А голос Сары доносился словно откуда-то издалека:

– Я была уверена, что он поедет за мной. Увидите, как он будет сожалеть... Он знает, прекрасно знает, что хотя девушка в черном платье моложе меня, ей со мной ни за что не сравниться...

Они смолкли и стали дожидаться автомобиля. Казалось, это мгновение растянулось на целый год.

... Автомобиль притормозил перед Сарой. Прежде всего Сара поняла, что это не «джип» Тофика. Ей стало больно. И тут же посетила надежда: может быть, из-за обилия машин во дворе Тофик не смог выехать на своей машине и приехал на одном из автомобилей гостей... Однако...

Незнакомый полный мужчина высунул голову из окна и сказал с сожалением:

– По тому, как вы бежали, я понял, что вам очень холодно... Что поделаться, ей-богу, свободных мест у нас нет... Сами с трудом уместились... Хотели перед Новым годом сделать шашлык на даче...

Руфат провожал взглядом автомобиль до тех пор, пока тот не скрылся из виду. После того, как красный свет его тормозных огней скрылся из поля зрения, он глухо вздохнул, обернулся к Саре и сказал дрожащим голосом:

– Может, вернемся?

Сара сидела на плоском камне у обочины и рыдала. В лунном свете поблескивали ее слезы.

* * *

... Некоторое время спустя к ним подъехала полицейская машина...

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Древние человеческие останки, найденные на нашем континенте, привлекают внимание неразвитым передним мозгом и слабо развитым задним мозгом в затылочной части.

Переход от примитивного, полудикого древнего человека к современному, развитому человеку был очень длинным и неровным. Человек, пользовавшийся пещерой вместо дома, листьями вместо одежды, постепенно усовершенствовал свой труд, образовал коллективный труд, включил в свой быт прирученных животных. Возникли орудия труда и охоты.

По мере того, как ручной труд испытывал потребность в различных орудиях, возникала необходимость усовершенствования этих орудий. Отдельные процедуры и действия нашли воплощение в различных прибо-

рах и сооружениях. Постепенно люди стали пользоваться мельницами, парусниками.

По мере того, как перевод процессов на технические сооружения приводил к появлению более сложной техники, появлялись крупные станки, автомобили, паровозы и корабли.

А во время следующей технической метаморфозы машины объединились в комплексы, люди стали пользоваться агрегатами и автоматами...»

II ЧАСТЬ

– Ты обратил внимание, как устрашающе выглядит море во тьме? Ты когда-нибудь купался ночью в море?

– Нет.

– А я много раз купался. Однажды даже в историю попали. Под селением Новханы есть место – выступ, а вокруг возвышенность. Мы купались там. Прикинь, заходишь в воду, а близлежащих жилищ не видно. В нашем дворе был парень по имени Мехбалы, он нас и отвез на своем «Москвиче»-развалюхе. Фары он оставил включенными, и по их свету мы знали, где берег. Вдруг подлец выключил фары... Сколько мы ни кричали, чтоб он их включил – ему было побоку. Представляешь, прикидываешь месторасположение берега и плывешь немного в ту сторону, но вдруг сомневаешься: может, наоборот, ты плывешь в открытое море? Так и держишься на плаву, замерев от ужаса...

– Чем всё закончилось?

– Мы были выбиты из сил. Думали, утонем. Стали материться... В конце концов он включил фары. Когда мы выбрались на берег – были готовы убить этого подлеца.

– Ну и ну, я представляю...

– Знаешь, ночью вода нагревается, купаться не очень-то в кайф. Но так как нет людей – можно спокойно поплавать.

– ...

– Ты уже не пишешь? С чего это?

– Они всей семьей сели за стол. Уже девять. Через три часа Новый год...

– Да, что верно, то верно. Но я кое-что чувствую. Будто бы годы так стремительно мчатся. Спроси кого хочешь – станет жаловаться на быстротечность времени. Кажется, прошлый Новый год был еще вчера... Отец мой приехал из района... Привез мяса, сыра, яиц. Я попросил у соседа жаровню и приготовил на балконе шашлык. Дети так радовались... Мясо из нашего района очень вкусное. Мясо животного, которое питается свежей зеленой травой, отличается от мяса здешних, которых кормят сухим хлебом. Яйца в наших краях тоже отличные. Желток как шафран...

– Вы положили что-нибудь для детей под елку?

– В каком смысле?

– То есть, купили подарки? Кажется, вашему старшему сыну пять, младшему – три года.

– Нет, им по пять и четыре года.

– Купили им что-нибудь? Мой папа до сих пор делает мне подарки в новогоднюю ночь. В детстве мой подарок ставили под елку. Я так радовался. Машина, мяч, автомат...

– Да нет, у нас такого не было. В деревнях елки не ставят.

- И сейчас не ставите?
- Жена покупает и украшает маленькую, для детей.
- А подарки? Подарки им купили?
- Честно говоря, мысль о покупке машины у меня серьезна. Экономлю деньги.

Стараюсь попусту не тратить.

- Разве это попусту?! Ваши сыновья очень обрадовались бы подаркам.

– ...

– Представляете, папа не ограничивался одними подарками для меня и сестры, он одевался в костюм Деда Мороза, чтобы нас позабавить. Вместо посоха он брал в руку скалку, стучал ею по полу и читал стихи:

*Дед Мороз, Дед Мороз,
Я подарки вам привез.*

- Правда, что ли?
- Не понял. А что тут такого?! Конечно, правда.
- Профессор дурачится? Не обижайся, но это, пойми меня верно, неправильно. Я всегда видел своего отца серьезным, внушительным. Достаточно ему было прикрикнуть, как мы не знали, куда спрятаться.
- Папа всегда обращался со мной и сестрой как с ровесниками. Но это не означает, что мы его не уважаем...

«Фиат» медленно продвигался вперед вдоль берега по маршруту «Волчий овраг – сады Сарай – дачи Новханы». Всё было окутано мраком. Расположенные слева дачи Новханы должен был сменить Джорат, оттуда они должны были доехать до Сумгайыта... А справа шумело бескрайнее море, погруженное во тьму...

Ализаде крутанул руль, уводя машину от ямы, затем зевнул:

- Всё-таки надо было тогда остановиться и перекусить.

– ...

– Теперь придется голодать до тех пор, пока мы их, – указал он кивком на мужчину с женщиной за стеклом, отделяющим водительскую кабину от салона, – не сдадим...

– ...

– Что ты о них скажешь? Босая девушка, которую мы задержали, полная загадка, и эти тоже. Как ты думаешь, что потребовал тот мужчина-демагог от этой женщины, что, бедная, знай только плачет?

– ...

– К тому же она не похожа на распутную. Почему они ночью отправились на дачу, почему внезапно решили вернуться пешком? Очень интересно.

– ...

– Но мужчина тот еще демагог, не так ли? Говорит, разве комендантский час, чтобы носить при себе документы? Ему кажется, что сможет меня провести. Много таких я навидался.

– ...

- В чем, по-твоему, их проблема?

– ...

- Я с тобой говорю.

- Да.

– Ты ведь перестал писать сообщения. Почему тогда не отвечаешь? Может, обиделся на меня? Ради Бога, скажи правду. Обиделся?

– Нет.

– Обиделся, знаю. По-братски говорю, сам знаешь, как хорошо я к тебе отношусь. Но раз слово вертится у меня на языке, я должен его сказать.

– ...

На мобильный Ализаде пришел вызов. Он перезвонил:

– Да, слушаю... Скажи брату, чтоб он не нагнул. Карандаши я купил вам обоим, как это он не разрешает тебе рисовать?.. Скажи, папа придет и накажет тебя... Ладно, я на работе, пока.

Он дал отбой и положил телефон рядом с коробкой передач.

– Вот было бы хорошо, если б сменили наше название. ППС совсем мне не нравится. Пусть сделают ППП. Патрульно-постовая полиция. Видишь, как хорошо звучит?

– ...

– Правду скажи, Шахвердиев тебе нравился?

– Так себе.

– Может, ты не очень хорошо его знал. Он был далеко не хорошим. Всё делал с одолжением. Ничего приятного в нем не было. А сейчас видишь, как хорошо стало? Все заняты делом... Все ребята хорошие. Кроме одного Меишова.

– ...

– Ты обратил внимание: начальник наутро в курсе всех наших разговоров? Меишов стучачит начальнику. Но пусть это останется между нами, ладно?

– ...

– Не думай, что я его боюсь. Я не из робкого десятка. В одиночку, не пойми меня неверно, справлюсь с кучей таких, как он...

– ...

– В общем. Не обращай внимания.

– ...

– Снова приехали, да?

– Кто?

– Сопредседатели ОБСЕ. Вчера увидел по AzTV-1.

– Да.

– Я разобраться в их делах не могу. Уже двадцать лет... Приезжают, уезжают. Говорят, говорят, но ничего толком и нет.

– ...

– Кажется, они приходят лишь поправить мягкую подушку, которую подложили под нашу голову. Как никак, а из-за гарабахской войны мы потеряли двадцать процентов своих земель.

– ...

– Если б таким парням, как Мубариз Ибрагимов, дали б возможность – мы давно вернули бы свои земли... Ты только представь: в одиночку уничтожил целую роту. Они даже трупа его боялись. После того, как убили – связали руки...

– ...

– Что это за свет? Видишь?

– Свет?

– Смотри вперед, на берег... Кажется, свет фонаря...

– Да, вижу.

– Сто процентов – это рыбаки. Что в этот поздний час рыбаки здесь потеряли? Разве ночью ловят рыбу?!

Ализаде сошел с дороги и, включив дальние огни, повел автомобиль в направлении света. Показались силуэты. Их было трое... Двое на ногах, один – присевший на корточки...

– Держи оружие наготове. Тут что-то нечисто!

– Готово.

– Как только я приторможу – выходим вместе и подходим к ним. В целях осторожности не подходим ближе пяти метров. Есть?!

– Есть!

Ализаде остановил автомобиль. Они оба вышли. Трое мужчин в длинных резиновых сапогах и брезентовых плащах, обернувшись, смотрели на них. На земле лежал еще один мужчина, завернутый в одеяло.

– Сержант полиции Ализаде. Что вы тут делаете ночью?! Что с этим гражданином?!

– Начальник, мы его вытащили из моря. Он тонул, – медленно проговорил обросший бородой худощавый мужчина.

Ализаде подозрительно взглянул сначала на завернутого в одеяло человека, затем рыбака:

– Кто купается зимой, чтоб к тому же тонуть?! Что ты несешь?!

– Начальник, разве купаться обязательно?! – худощавый мужчина закурил.

– А что еще он мог делать в море?

– Этого я не знаю. Мы ловили рыбу чуть ниже, уже смеркалось. Закончили со своими делами. Вдруг увидели подбежавшего молодого парня, который кричал, что тонет человек. Вот мы и подоспели.

Ализаде неприязненно смерил взглядом костлявого мужчину:

– Слушай сюда! У тебя есть разрешение на ловлю осетрины?!

Мужчина выпустил дым из ноздрей и усмехнулся:

– Начальник, ты меня не смехи. Какая еще осетрина? Осетров здесь не осталось. Чтоб поймать осетра – надо плыть либо в сторону Астрахани, Красноводска, либо Ирана. На сумгайытском побережье, загаженном отбросами, осетрам делать нечего. Мы ловим воблу, судака, кутума... Ты б еще лосося приплел.

– Ладно, ладно! – вышел из себя Ализаде от неуступчивости мужчины. – Не спорь! Что вы вытворили с этим гражданином?!

– Начальник, аксакал ведь сказал, что этот человек тонул, а мы его спасли, – включился в разговор светловолосый, относительно молодой рыбак.

– Товарищ, во-первых, тебе слова не давали, – совсем разошелся Ализаде. – Во-вторых, что за чушь ты несешь? Тонуть?! Кто в это время купается в море?!

Молча наблюдавший за их разговором всё это время Гулиев шепнул на ухо Ализаде:

– Может, он хотел покончить с собой? Не обязательно ведь купаться...

– Знаю, сам их расспрашиваю, – сказал Ализаде товарищу и упрекнул себя за то, что всё это время не мог осознать эту простую истину. Затем, держа руку на кобуре, подошел к завернутому в одеяло человеку: – Гражданин, они вытащили вас из воды?

Мужчине было лет сорок-сорок пять. Его губы посинели от холода. Глаза были приоткрыты:

– Да, – простонал он.

– Что вы делали в воде? Хотели покончить с собой?

– ...

– Начальник, – сказал худощавый, обросший бородой рыбак, – мы вытащили его из моря и повернули головой вниз. Он наглотался воды. По виду похож на интеллигента. Был в костюме, галстук. Мы его раздели и одели в свою одежду, завернули в одеяло. Ему повезло: не очень холодно, нет мороза. Он только пришел в себя, мы напоили его горячим чаем... Добавили в чай немного спирта, чтоб бедняга согрелся. Сам знаешь, рыбак всё необходимое носит при себе. Потом он потерял сознание. Мы заново принялись приводить его в себя. Знал бы ты, сколько мы уже тут торчим... Своих дел у нас хватает.

Ализаде снова обратился к лежащему на земле человеку:

– Вы живете в Сумгайыте?

– Да.

– Почему вошли в воду?

– Не знаю.

– Как это не знаю?! А кто знает?!

– ...

– Документы есть?

– Нет.

– В таком случае мы отведем вас в полицейское отделение, как подозрительное лицо, там вы пробудете до установления вашей личности.

– Не хочу, – с трудом выговорил лежащий на земле.

– Хотеньем здесь не обойтись! – повысил голос Ализаде. – Закон – для всех закон.

Ализаде поручил Гулиеву посадить «подозрительное лицо» в автомобиль. А сам отвел худощавого рыбака в сторону и сказал:

– Уверен, ловля была удачной. Не угостите нас парочкой рыбешек?

Худощавый мужчина хотел что-то сказать, но потом исчез во мраке и вернулся с целлофановым свертком в руках...

– Начальник, – сказал мужчина, протянув сверток, – при нем я сказать не мог, но, по-моему, этот товарищ – псих. Мы спросили почему он вошел в воду, он ответил: «Там был зонтик, я хотел его достать»...

Потом худощавый мужчина уточнил, где завтра они могут забрать одежду, в которую облачили «психа», и одеяло, в которое они его завернули.

... Немного спустя в задней части «Фиата» сидели уже трое – двое мужчин и одна женщина.

Ализаде управлял автомобилем, а Гулиев смотрел на мрак через боковое окно...

РЖАВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗОНТ

Естественно, сегодня был обычный день, и он, привычно встав с постели, подогрел чайник в пахнущей морем квартире, выпил чаю со вчерашней заваркой и вышел из дома. Вот уже три дня как его супруга, поссорившись с ним, взяла с собой дочку, ученицу четвертого класса, и отправилась в дом своего отца... Больше всего его задело то, что перед уходом жена сорвала со стены все его почетные дипломы...

Сегодняшний день был особенным – последним днем уходящего года, всего через несколько часов наступит Новый год, но всё это ничего не меняло. Он снова, как и все последние месяцы, не знал, куда идти, но по многолетней привычке побрился, нацепил галстук в полоску, надел костюм и, также не изменяя привычке, вышел из дома... Сверху он надел легкий плащ.

Ноги снова привели его поначалу на приморский бульвар – к играющим в лото и нарды пенсионерам, а оттуда к морскому берегу...

... Вдруг он остановился.

По сути он не был так несчастен, как считал сам. Но знал также то, что не будет счастлив, насколько хочется.

Двое мужчин медленно прохаживались по кромке берега...

Бабушка с внуком чертили какие-то фигуры на песке...

На берегу стояла белая «Нива». Из открытых окон раздавался речитатив рэпа...

В двадцати-двадцати пяти метрах от берега три рыбака, выстроившись в ряд, осторожно извлекали брошенную в море сеть...

Ему стало интересно. Поймают ли золотую рыбку? Захотелось увидеть чудо и поверить в существование чуда. Но он тут же сменил мнение. Ему захотелось увидеть в сетях самую обычную, но большую рыбину.

Он стал грезить о большой рыбине, бьющейся в сетях и разбрызгивающей воду на рыбаков...

... Никто не понимает, что он всё потерял. От него снова и снова что-то требуют... Знай только повторяют: Гулам, ты должен! Что у него осталось? Чувства, эмоции, любовь, надежды, мечты... Он всё отдал...

Никто не хочет понимать и того, что в момент выбора он пошел не в ту сторону, где лаяла собака, а в ту, где горел свет. Просто собака залаяла на него в той стороне, где горел свет...

Он зашагал так же внезапно, как остановился. Не разбирал, почему здесь задержался... Рыбаки, их сети и большая рыбина исчезли в той стороне его жизни, которая разбилась вдребезги... В той стороне до этого момента много чего произошло. Впоследствии он и не пытался ничего извлечь из памяти...

Шел вдоль берега, отдалялся от города... Он родился в этом городе, был с ним чуть ли не ровесником. Осенью отметили шестидесятилетие города. В то время ему исполнилось сорок лет... С самых ранних лет он видел город и море вместе. Город за эти годы совсем изменился, но море было тем же. Во все эти годы, с самого детства до сего дня, приходя каждый раз к берегу, он устремлял свой взгляд в морскую даль, горел мечтой увидеть белый-белый корабль. Отчего-то ему всегда казалось, что тот самый белый корабль принесет ему счастье. Что выйдут его книги, во всем мире его узнают как писателя-философа, он прославится, разбогатеет... В студенческие годы он даже решил, что когда начнет работать и разбогатеет, то даст немалую сумму капитану какого-нибудь белого корабля в столичном порту, и корабль приплывет в его город, к горизонту видения...

К сожалению, по прошествии времени он понял: если белый корабль не приплывет по собственной воле, чтобы принести ему счастье, у него никогда не будет много денег, чтобы дать их капитану и привести корабль сюда насильно...

... И в этот раз он расстроился, не увидев белого корабля. Даже прослезился... На этом берегу он видел лишь один корабль. Много лет назад. По сути, его и кораблем то назвать было нельзя. В конце прошлого века, еще в советский период утра-

тивший срок эксплуатации корабль «Большевик Нариманов» привели сюда и привязали к строящемуся здесь мосту. Вроде старались создать видимость порта. Со временем корабль сгнил, вода забила его трюм, он превратился в развалину... До недавнего времени из-под воды выглядывали лишь его корма и мачта, так как задняя часть полностью ушла под воду... А теперь даже их не было видно...

Ну и дела: три дня назад он рассказал дочери сказку «Белый корабль»...

Рассказал, что жила одна бедная семья. Каждое утро глава семьи отправлялся на берег, ловил несколько рыб, половину их готовила жена, а половину они продавали, чтоб купить хлеб... Однажды мужчина увидел красивый белый корабль, причаливший к берегу. Матросы корабля махали ему рукой. А капитан, достав изо рта трубку, улыбался ему. В тот день в сети мужчины попалась золотая рыбка. Трепыхающаяся в сетях золотая рыбка сказала человеческим языком: «Скажи три желания...»

... Несколько каркающих ворон ринулись на прибор. Что-то там нашли и принялись клевать. Эти черные вороны совсем его разозлили. Наверно, он знал, что это место – угодье чаек. Полет чаек, их нырок в воду – сам по себе был произведением искусства, это всегда доставляло ему душевное наслаждение. А теперь вороны, вызывающие безнадегу, пессимизм... Он нагнулся в поисках камня, чтоб швырнуть в ворон. На расстоянии трех-четырех шагов лежал подходящий камень...

... Но почему?! Почему человек падает, а потом не встает, боится снова упасть?!

Ему стало интересно: почему все хотят возвыситься? Для возвышения самым главным условием является наличие возвышенности. При отсутствии же возвышенности более крупные люди встают на плечи мелким...

... Он выпрямился и продолжил свой путь. Забыл и о камне, и о воронах.

Стояла зима, но море выглядело спокойным. Катились мелкие волны. С шипением бились о берег, затем таяли и исчезали. Хазри донес до него неповторимый запах моря.

В каждый свой приход он несколько раз повторял свой маршрут: сто шагов наверх, от закопанных наполовину в песок и не годящихся к использованию автомобильных шин, а затем обратно.

Еще ему нравилось отгонять чаек от того места, где грязная канализационная вода выливалась в море. Ему не хотелось, чтобы чайки испачкались...

Он с удовольствием собирал мелкие, гладкие ракушки вокруг полуразрушенной спасательной станции, на том месте где однажды легендарная рок-группа «Юху» при нем снимала клип. Выкапывал четыре ямки, собирал в одну – черные, в другую – белые, в третью – серые, а в четвертую – разноцветные...

Время здесь летело так стремительно... Дома – среди пустых стен, казалось, что стрелки часов объявили ему войну и потому не двигались, наслаждались тем, что держали его в воронке печали, мучений и горести. А здесь тех часов, тюремных конвоиров, не было...

Он заметил, что чуть поодаль, среди кустов лохового дерева, виднелось что-то красное. Присмотрелся внимательнее. На двух соседних пнях сидели девушка с парнем. Парень гладил девушке волосы...

По жару, охватившему тело, он понял: давно покинувшие его чувства снова ожили. Биение сердец двух влюбленных, их пылкая страсть словно перешла и к нему.

Вот сейчас парень начнет целовать девушку... Он сглотнул. Всем своим существом начал ожидать предстоящий ход событий...

Вспомнил, как давным-давно целовался с краснощекой дочерью почтальона у забора здания почты. Они целовались долгими минутами, вздрагивая от каждого звука, робко, не смея даже вздохнуть. Порой ему даже казалось, что они задохнутся...

... Странно, если ты не хочешь, чтобы цветы в твоём саду завяли – обязательно должен убрать ограду... Убрать, чтобы кто-то мог ими завладеть...

Странно и то, что все люди рождаются сами себе учителями. Подавляющее их большинство хорошо справляются с ученичеством. А учителями становятся единицы...

Он ускорил шаг и пошел в сторону заката. Парень с девушкой были уже в таком состоянии, что...

Но он позабыл о существовании парня в черной куртке и девушки в красном пальто...

Он шел, закрыв глаза, открывая их время от времени.

Смеркалось, и сумерки провожали редких людей на берегу по домам...

Он, голодный и одинокий, снова провел весь свой день в этой «свободной зоне» – на этом родном берегу...

Скоро наступит новый летний сезон. Здесь яблоку негде будет упасть от обилия людей. Купающиеся, загорающие, игроки в мяч, продавцы семечек, мороженого и воды...

А сейчас был лишь он и бескрайнее море...

Оставаясь с морем наедине, он любил рассказывать ему свои воспоминания.

... Он учился на третьем курсе. Лекцию им приехал читать сам профессор Заслонский из Московского Государственного Университета. Темой лекции была «Основные нормы нравственности». Профессор должен был читать два сдвоенных часа подряд. Под конец первого часа он в первый раз вмешался в спокойную, неторопливую, связную речь профессора и сказал с места:

– Законом материального мира является равенство, духовного мира – доброта. К сожалению, социальное расслоение портит материальный, а эгоизм – духовный мир...

Тут же сделавший паузу профессор поправил очки: «Кто это сказал?».

Он, борясь со стеснением, поднялся со своего места...

Немного спустя он во второй раз вмешался в лекцию профессора:

– Материальное, будучи зримым, всегда считается выше духовного, которое незримо. Лишь слепцы, видящие материальное и духовное одинаково – в качестве тьмы, не ставят одно из них превыше другого...

Профессор снова поправил очки: «А это кто сказал?».

И он снова нерешительно поднялся с места...

Под конец второго часа он снова не удержался от того, чтобы озвучить свою мысль: «Близко то, к чему можно прикоснуться, а то, что можно лишь почувствовать, всегда вдали»...

Профессор и на этот раз удивленно смерил его взглядом. Наконец, его сказанные напоследок слова «Человек может обрести духовность лишь настолько, насколько ему позволяют его материальные обстоятельства», – заставили профессора подойти к нему. Профессор попросил его подняться и сказал, что крайне удивлен: «Вы понимаете духовность иначе, чем Ницше, Кант и Гольбах. Вы – талант!».

И настойчиво попросил его согласиться поехать с ним в Москву, продолжить учебу в МГУ...

... Он задыхался. Остановился. Перевел дух. Готов был опьянеть от раскинувшейся перед ним красоты. На небе светилась огромная луна. Он никогда прежде не видел такой огромной луны. Окрасившиеся в темные тона море и небо слились, казалось, воедино... Луна воткнула в эти темные цвета серебряный световой поток... Исчезли и мелкие волны. Он не мог разобрать: море окрасилось в цвет неба, или небо впитало цвет моря... Это был неповторимый пейзаж. Он глубоко вдохнул запах моря. И только сейчас ощутил: этот запах, проникая в его квартиру через окна и двери, становится тяжелой вонюю...

По правую сторону был виден полуостров и на нем силуэты постепенно погружающихся во тьму маленьких домиков. Он принялся считать разноцветные крыши, казавшиеся ему величиной чуть ли не с ноготь. Но ощутил: что-то терзает его дух...

Что-то перехватывало ему дыхание, сжимало сердце, давило на голову...

Обернувшись, он заметил прямо перед собой сгнивший ржавый зонт, наполовину торчавший из воды. Зонт портил всё великолепие...

Он выругался. Ругал железо, его ржавчину, коррозию, даже мастера, когда-то смастерившего этот зонт, и его предков. Решил вытащить этот зонт, торчащий на расстоянии пяти-шести шагов от берега, очистить естественную красоту от этого фальшивого пятна. Он пошел к воде...

... И самой большой неправдой было то, что его обманывали не ложью, а истиной. Новая же истина – дитя старой лжи...

Скинув плащ и обувь, засучив брюки, он по колено зашел в воду. Вода была ледяная, холод пробирал до костей. До железного зонта еще надо было добраться... Он шел медленно, чтобы не порезаться осколками стекол и железа...

... Сделать добро означало простить то зло, которое причинили тебе?

«Не имеющие будущего старики ищут счастье в прошлых воспоминаниях. Не имеющие прошлого молодые ищут счастье в грезах о будущем. В самом плохом положении находятся среднего возраста люди, такие же, как он, которые не относятся к двум этим группам и потому обречены искать свое счастье в настоящем. Потому что вчера и завтра далеко. А сегодня – совсем близко, в полушаге».

... В голову приходили мысли, но они не могли сбить его с пути, не хотели предать исчезновению ржавый зонт в разнесенной на части стороне его жизни. Он был в воде уже по пояс. Ледяная вода его исполосовала. Внутри шевелилась дикая боль. До железного зонта он еще не дошел...

... Нитей, отделяющих его от других, обязательно должно было быть больше нитей, соединяющих его с другими...

Всю осень и оставшийся позади первый месяц зимы он сидел безработным и ждал прихода предстоящей весны. Импровизация времени превратила его желание осветить миры в желание зажечь лампу в холодные и мрачные зимние дни и осветить свое жилище...

Он знай только писал: когда закончились чистые листы, он принялся за учебные тетради своей дочери, исписал их целиком, привел в негодное состояние, затем, горестно плача, сжег всё написанное...

Он мыслил и страдал, понимал и ущемлялся. Спасение было в неумении мыслить и понимать. Разве это возможно?

... Вода доходила уже до горла. Теперь он был настроен еще решительнее. Камни стерли в кровь его онемевшие ступни, но он ничего не чувствовал, шел к железному зонту, который всё только отодвигался дальше в море.

Он пришел к непоколебимому мнению: этот железный остов является носителем абсолютного Зла...

В голове совсем прояснилось. Здесь небольшое место занимали слова дочери, которая со слезинками в синеватых глазах сказала, втянув запах из соседней шашлычной: «Я тоже хочу». Слова «Дядя, лучше б ты писал о криминале или сексе», редактора-молокососа, швырнувшего его текст под названием «Падение человеческой духовности», занимали чуть большее место. Слова другого кабинетного хозяина: «Ты уже пожилой, нам не подходишь», – занимали место побольше... Огромное место занимало то, как жена в слезах швырнула ему в лицо мятые манаты, заработанные продажей мелочевки по дворам... Большое, огромное место...

Лишь голова до сих пор не превратилась в кусок льда. Но по тому, как начала замерзать и она, он понял, что вода уже выше горла...

Но почему, почему по совету свояка, владельца магазина во дворе, он пошел на прием к человеку по имени «Аликрам-муаллим», попросил у него помощи? Самый состоятельный человек во дворе, владелец платного туалета в каком-то из парков Баку Аликрам-муаллим оттолкнул его красный диплом краем пальца, будто брезговал:

– Ей-богу, эти дипломы – ерунда, – сказал он и добавил, что время корочек прошло.

Потом этот человек, которого называли Аликрам-муаллим, сказал, что ему его жалко, он поможет ему заработать на хлеб детям и потому обязательно что-то придумает. Ровно через неделю Аликрам-муаллим передал ему через свояка, чтобы тот пришел вечером в кафе «Баяты», где они лично с Нураддин-муаллимом будут сидеть за одним столом, пусть подойдет к ним, Аликрам попросит Нураддин-муаллима, а тот в свой черед даст Гуламу работу.

... Вода была ледяной...

Он никак не мог дойти до железного зонта... До дна он уже не доставал...

Когда Гулам открыл большую, очень легкую пластиковую дверь, зашел внутрь и увидел представительной наружности человека по имени Нураддин муаллим, его словно молния поразила. Это был тот Нураддин, с которым они вместе проучились с пятого класса по восьмой. Этот высокий чернявый человек, который был старше него, в ту пору остался на второй год и стал его одноклассником. А по окончании восьмого класса его отчислили из школы, чтобы он продолжил образование в профтехучище, так как в институте ему не место...

По дороге в институт и обратно Гулам несколько раз видел Нураддина в нижнем квартале, тот занимался тем, что запускал в небо голубей... Однажды Нураддин встретился ему в облике помощника слесаря со связкой ключей в испачканной мазутом руке...

Ну и дела, Нураддин тоже сразу его узнал, смерил взглядом:

– Эй, ты, отличник Гулам?

Так как он был отличником, в то время его так называли.

«Да, Гулам», – виновато произнес он и тут же понял, что вернется отсюда несолоно хлебавши. Кажется, они учились в седьмом, однажды он крепко пригрозил сидящему за ним Нураддину, который, вытянув шею как жираф, списывал у него. Они даже подрались...

Гулам упрекал, проклинал себя за недалечновидность: «К черту быть отличником». Он принял как должное слова Нураддин-муаллима: «Ради Аликрам-муаллима

я на всё пойду, но подходящей для тебя работы нет». Опустив голову, покинул кабину кафе. Последняя фраза Нураддин-муаллима, которую тот произнес перед тем, как Гулам собирался закрыть дверь, вонзились в его спину, будто нож:

– Свяжись со мной через Аликрам-муаллима в конце месяца, должен освободиться штат курьера. Наверно, ты справишься с этой работой: отнеси то, принеси это. Ты ведь был отличником...

... Рыбаки вытягивали сети. Черные вороны кидались в нечистоты в поисках пищи... Парень в черной куртке целовался с девушкой в красном пальто... Море словно срослось с небом...

Этот вид и полуостров вдаль дополняли друг друга, а ржавый железный зонт этот вид портил...

Погоди, погоди... Кажется, всё это он уже видел. В очень далеком прошлом... В те времена, когда отец, взяв его за руку, приводил сюда – на берег моря... В те счастливые дни он созерцал всё это с детским интересом, удивленно расширившись глазами...

Может, человек и вправду живет для того, чтобы избавиться от жизни?!

Всё неоднократно повторяется, и однажды всё повторится в последний раз.

Может, тот день настал?

... Он почувствовал, что задыхается. Раскрыл рот, ледяная соленая вода стремительно ворвалась ему в рот. Он мгновенно потяжелел, невольно закусил губу... Стал биться, сделал толчок, чтобы подняться на поверхность. Как только вышел из тьмы в полусвет – раскрыл глаза... Странно – сразу начал искать железный зонт.

Не было никакого зонта... Ни справа, ни слева. Ни спереди, ни сзади...

Еще раз ушел под воду. Сделал толчок и снова вышел на поверхность. Но ведь зонт был там. Ржавый, сгнивший зонт, наполовину погружившийся в воду... Куда же он делся?

Затем море снова его поглотило...

На этот раз вода была уже теплой...

... Первой его заметила влюбленная парочка. Они уже поостыли. Так как смерклось, они вышли из кустов и шли вдоль берега. Заметив кричащего и бьющегося в воде человека, парень побежал до прибора, но не нашел в себе смелости войти в воду. С другой стороны и девушка его отговорила. Вспомнив о рыбаках, которых он заметил, когда заходил в кусты, парень, не переставая кричать, побежал к ним...

Немного спустя рыбаки уже находились среди волн, пытаясь спасти утопающего...

ВТОРОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Развитие в материальной, духовной и социальной сфере произошло в результате перехода технического процесса из одной формы в другую. Стихийно возникшая на первой стадии технология превратилась в гомотехнологию, возникшую осознанно, целенаправленно.

В то же время древний человек, обладающий как физическим, так и ментальным миром, можно сказать, вовсе не отличался в физической жизни удовлетворением таких физических потребностей, как сон, отдых, еда, жажда, потребность в тепле, совокуплении, но он крайне отличался каждой вещью, формирующей мысль в ментальном

мире – передающимися по наследству особенностями, воспитанием, поведением, характером, образованием и начитанностью, влиянием общественной среды, наличествующим положением организма.

Со временем из-за уровня бытовых требований физического мира человека и эмпирических требований мира ментального сформировался астральный мир, состоящий из чувств и ощущений, дополняющих эти два мира.

С прошествием лет это дополнение еще более усовершенствовалось...»

III ЧАСТЬ

– Умираю с голоду. Ей-богу, в животе так и урчит. Надо было всё же остановиться возле дач и поесть...

– ...

– Снова строчишь свои СМС-ки? Твоя девушка уже поужинала?..

– ...

– Мои сейчас, наверно, тоже за столом. Я велел жене накрыть красивый стол. Сказал, чтобы и водку поставила в центр, хоть меня и нет, так, для фасона. После того, как завтра сдам дежурство, наемся и напьюсь по полной...

– ...

– Голубцы не очень жалую, а вот долму из виноградных листьев обожаю. Каждый раз, когда ее готовят, съедаю большую тарелку с мацони и чесноком, соленьями.

– ...

– Сейчас долму не только из виноградных листьев делают. Еще делают из айвовых листьев.

– ...

– ... Гостей у нас на этот раз выше крыши. Не шутки. Сначала отвели ту девушку. А теперь отвозим троих за раз...

– ...

– ... Чертовка красивой была...

– ...

– ... Я о той девушке. И эта женщина тоже привлекательна.

– ...

– ... Как ты думаешь, почему этот бедняга (кивнул он головой назад) хотел покончить с собой?

– ...

– Я с тобой!

– Что?!

– Почему этот гражданин хотел покончить с собой?

– Не знаю... Черт его знает...

– Разве так можно?! Ей-богу, это до меня не доходит. Живи своей жизнью...

Нет денег – найди приличную работу, обустройся. Если болен – покажись хорошему врачу. Жена не угодила – разведись... Если есть враг – убей его вместо себя... Поверь, это до меня не доходит...

– ...

– Сказал рыбакам, что хотел достать из воды какой-то зонтик. И что ему дался

этот чертов зонт? Ей-богу, разве так можно?

— ...

— Вот не знаю. Может, прав был рыбак, и он действительно сумасшедший...

— ...

— А теперь о чем переписывается? Все темы уже закончились. По какому кругу повторяете?

— ...

— Эй...

— ...

— Гулиев!!!

— Что?! Простите ради Бога, я не слышал.

— Нечего уже прощать. Ладно, слушай, вчера в «Новостях» передавали, что Ватикан выразил благодарность Азербайджану. Вроде, наши оказали им какую-то помощь. Не знаешь, что за дело?

— Такое вот дело. Значит, наша первая леди Мехрибан ханым Алиева содействовала реставрации редких рукописей Ватиканской Апостольской библиотеки, римских катакомб святого Марчеллинио и Пиетро. Это первый случай, когда мусульманская страна вносит свою лепту в духовные ценности центра христиан.

— Bravo! Как тебе удастся запомнить эти названия?

— Не знаю. Так получается.

— А у меня не получается. А если и запоминаю, то лишь те имена, которые ассоциируются у меня со знакомыми словами. Этот композитор, как его? — Чайковский. Так его я помню только потому, что начинается со слова «чай». Потом, ученый... Ломоносов. А здесь слово «лом».

— ...

— Ей богу, я поражаюсь твоей памяти.

— ...

— Я вижу ты умный человек. Тогда ответь мне на один вопрос.

— На какой?

— Как думаешь, Америка ударит по Ирану?

— Не знаю, ей-богу...

— Не забывай, здесь есть и русские, не посчитавшись с русскими, не получив их «добро», Америка ничего Ирану сделать не может...

— Может быть...

— А если ударят по Ирану, что станет с Южным Азербайджаном?

— ...

— Нас, азербайджанцев, там тридцать миллионов!

— ...

— Слава Богу, по этой дороге мы проехали, теперь поднимемся в город. Сдадим и этих в отделение, как ту девушку, поедим и снова выедем. Что скажешь?

— ...

— Так и удобно, и...

Мобильный Ализаде снова зазвонил. «Снова из дома», — сказал он, нажал на «отбой» и перезвонил сам.

— Да, слушаю. Чем занимаетесь, не деретесь?.. Очень хорошо. Ешьте, на здоровье... Что случилось?.. Да, можно, чокнитесь. Часто вы мне звоните. Так нельзя. Контуры кончаются же. Ладно, пока.

Он дал отбой и улыбнулся:

– Это младшенький. Говорит, папа, можно чокнуться стаканами? Я ведь купил им «Фанты». Они обожают «Фанту» и «Колу»...

– ...

– Когда их сдадим, напомни мне, чтоб я положил это, – он указал головой на сверток возле своих ног, – в холодильник нашего отделения. Испортится, жалко. Скажу, купил задешево вечером на базаре. Отнесу домой, жена пожарит. Я очень люблю жареную рыбу. Вкусно. К тому же жареную рыбу надо есть лежалую. Горячей она не так вкусна.

– ...

– Ради Бога, то, что я взял рыбу у рыбаков, пускай останется между нами!

– ...

– Ты любишь рыбу?

– ...

– Эй, гражданин. Я с тобой говорю!

– Что?! Что вы сказали?

– Рыбу любишь, говорю?

– Нет, не очень.

– Не знаешь от чего отказываешься. Рыба – это самое то.

«Фиат» свернул на асфальтированную дорогу, и теперь ехал по узкой улице, пересекающей широкую приморскую улицу города.

Гулиев вдруг оторвался от телефона и сказал:

– Я вас прошу, заверните на пару минут в наш двор, это ведь по пути, хочу быстренько поздравить папу с мамой.

– Почему не по телефону?

– Всё равно ведь рядом проезжаем. Это наш служебный участок. По телефону как-то неудобно. Я на пару минут. Захотите, потом завернем и к вам.

– Куда, в поселок? Да нет. Не надо. Поселок ведь не близко... К тому же это не наш служебный участок.

– ...

– Откуда свернуть?

– Вот спасибо. Видите впереди маркет? Оттуда направо.

– ...Отсюда?

– Ага... Прямо. Теперь налево... Ай, спасибо. Остановитесь перед вторым блоком. Хотите – поднимайтесь со мной. Мы ведь голодны.

– ...

– Что скажете, может зайдём и перекусим?

– Нет, нельзя. Мы на службе.

– Кто узнает?

– Даже у стен есть уши. Давай по быстрому.

Гулиев вышел из автомобиля и зашел в блок.

Ализаде проводил его взглядом, потом обернулся к задержанным лицам. Свет в заднем салоне они оставили включенным, чтобы следить за задержанными. Мужчина что-то говорил женщине, утешал ее. А завернутый в одеяло «сумасшедший», пытавшийся покончить с собой, молча уставился глазами в пол...

– Каждый по-своему несчастен, – сказал Ализаде, нагнувшись, поднял целлофановый сверток и положил его на коробку передач. Открыл и заглянул внутрь. Ка-

бинку тут же охватил резкий запах. Так как свет заднего салона поглощало отделяющее кабинки друг от друга стекло, он не смог хорошенько разглядеть содержимое свертка. Поэтому он включил свет в переднем салоне и стал рассматривать рыб.

– И что же это такое?! Кутум, что ли? Или... как их называл этот худышка? Лобла, вобла? – запустил палец в пакет и пощупал добычу. – Ну и скряга, отобрал одну мелкоту. Сколько здесь... Три... Четыре, пять... Шесть... Дам жене, обвалит в муке и поджарит на подсолнечном масле... Интересно, масло-то дома есть?

Отложил пакет, вытер палец тряпкой из бардачка, затем взял телефон, чтобы позвонить жене и узнать, есть ли дома подсолнечное масло. Но вдруг почему-то передумал и отложил телефон.

... Открылась боковая дверь, Гулиев с полной охапкой разноцветных коробок осторожно сел на место, чтобы ничего не уронить.

– А вот и я. Папа вас поздравляет.

– Большое спасибо. Что это у тебя?

– Вот в этой большой коробке вертолет с дистанционным управлением... В этой длинной – автомат... В этой пластмассовой упаковке – конструктор... А это – машина...

– Зачем всё это тебе?

– Поздравите завтра своих малышей. Пусть радуются. Скажете, от Деда Мороза.

– Ты ставишь меня в неловкое положение. Откуда всё это?

– Папа накупил для моего племянника. Моя сестра живет в Стамбуле. Приезжают раза два-три в год.

– Это всё для ребенка, не надо, верни на место.

– Они на Новый год не приехали. Приедут на Новруз-байрам. К тому времени мы купим новые.

– Неудобно ведь.

– Еще как удобно.

Ализаде принялся открывать коробки и разглядывать игрушки:

– Какая красота... Вот спасибо. В наши времена ничего такого не было...

– ...

– Этот вертолет, что, и правда летит?

– Да. Вот и пульт. С батарейками. В готовности.

– Как летит, действительно поднимается в воздух?

– Конечно. А как еще летят?!

Ализаде внезапно нагнулся и поднял целлофановый сверток:

– Ради Бога, отнеси от моего имени это домой, пусть мама поджарит. Пусть и я, пойми меня верно, сделаю вам приятно.

Гулиев улыбнулся:

– Ей-богу, не надо. Кто из наших будет есть рыбу?!

Ализаде долго упрасивал, а потом завел автомобиль.

– Значит, ты дядя... Сколько детей у твоей сестры?

– Пока один.

– Храни его Бог...

– И ваших тоже.

– Дай Бог и тебе детей, дети – это чудо. Но есть одна штука. Раньше в семьях было самое меньшее трое детей. Нас самих четверо. Но сейчас максимум двое. Отчего так?

– Не знаю. Видимо, идет европеизация.

– Разве это хорошо?

– ...

– Знаешь, еще что? В тот день я слышал, здесь хотят устроить гей-парад, как в Европе. Так и хочется взять оружие и застрелить этих подонков.

– ...

– Твой отец в какой области профессор?

– Физика полупроводников.

– Что это такое?

– Как вам сказать. Это очень широкая область. У папы инфракрасные лучи и плазменные случаи.

– Что-то чересчур сложное.

– Да, точно.

Они немного проехали, хотели выйти на улицу между двумя зданиями, как вдруг Ализаде заметил мужчину с бумагами в руках... Он стоял в луже под фонарем, в воде плавали бумажные листы, мужчина доставал бумаги из лужи...

– Посмотри-ка на него!

Ализаде нажал на тормоз и остановил автомобиль.

– Что случилось? – вздрогнул Гулиев.

– Посмотри на него! – указал Ализаде на мужчину.

– ...

– Не видишь?! Посмотри на бумаги в его руках. Наверно, оппозиционер, хочет собрать людей на митинг... А может быть, ваххабит. Сходи, осмотришься вокруг, может, он не один. А я к нему.

Ализаде потянулся рукой к кобуре, вышел из автомобиля и быстрыми шагами подошел к мужчине:

– Гражданин, чем вы заняты?! Что это за бумаги?!

Мужчина тридцати пяти-сорока лет, собирающий с асфальта бумаги, увидев полицейского, опешил:

– Да так... Тетрадь... Листы...

Ализаде не стал заходить в лужу, подошел максимально близко к мужчине и повысил голос:

– Предъявите документы.

– Какие документы?! – совсем сбился с толку мужчина. – Я здесь живу. Ребенок мою тетрадь... Эти листы...

Гулиев тоже подошел к ним и сказал:

– Вокруг никого подозрительного не видно.

– Гражданин, – сказал Ализаде, – вы отправитесь с нами в отделение для выяснения личности! – Затем добавил: – Пройдите в машину!

Мужчина долго их упрашивал, сказал Ализаде, не сводящему глаз с листов:

– Посмотрите, это тетради с моими воспоминаниями, сын без разрешения взял с собой во двор, и дети разорвали их на кораблики... Всё испортили...

Ализаде с трудом прочел на мокрой бумаге фразы «гнет и тирания», «чтобы достичь духовной свободы...», «достаточно этих угроз...», потом выразительно посмотрел на мужчину и сказал: – И это ты называешь воспоминаниями?!

Резко схватил его за руку, взял все листы в качестве вещественного доказательства. Сказал Гулиеву, чтобы тот открыл заднюю дверцу автомобиля...

ИСТОРИЯ ЖЕЛТОЙ ТЕТРАДИ

Ему подумалось, что в первой половине жизни они готовятся ко второй. А во второй – к следующей жизни. И не находят ни одного беззаботного, свободного дня, чтобы сесть, удобно вытянув ноги...

Он поднял ворот пальто, чтобы спастись от декабрьского мороза.

Гюльнар не переставала торопить их:

– Давайте побыстрей. Я должна скоро быть дома, заняться готовкой и уборкой...

А Имран знай всё шутил:

– Эйюб, ради Бога, сколько лет ты уже носишь это пальто? Настоящий антиквариат, жизнью клянусь. Продай историческому музею. Себе купишь новое, а зайцам – корм.

Они оставили позади и этот переулочек. Гюльнар вздохнула:

– Вот и этот год прошел...

До торгового центра они шли втроем. Здесь Имран сворачивал к своему дому. А они продолжали свой путь. (На самом деле у Имрана был автомобиль, кажется, «Мерседес». Но из-за ожирения печени он ходил пешком на работу и обратно.)

Где бы он ни был, что бы он ни делал, Эйюб всегда тосковал по этим пяти-десяти минутам, когда оставался наедине с Гюльнар...

Этот временной отрезок всегда заканчивался быстро, как безумно красивая музыка... И на протяжении пути Эйюб уподоблял себя пианисту, сидящему за черным блестящим инструментом и играющим ту музыку...

... Как только они оставили Имрана позади, Гюльнар прикоснулась к его руке:

– Что ты снова дуешься? Это ведь Имран, без шуток ему никак.

Как же не «дуться»?! Шутки Имрана порой выходят за все рамки... Лишь бы его печень побыстрее выздоровела...

Немного спустя Гюльнар спросила:

– Помнишь, как вы шутили в студенческие годы? На каждый праздник Новруз мы вспоминаем с Самедом ваши проделки и смеемся до слез. Да, до Новруза рукой подать.

Бесцветность серой улицы, серого воздуха, казалось, впиталась и в людей. Все спешащие куда-то прохожие казались серыми...

Снова Самед?

Он представил: на столе шекербура, разноцветные яйца, свечи, смяни. За столом Гюльнар и Самед... Нет, Гюльнар и он. А рядом дети. Их дети. Свет от свечи то увеличивает, то уменьшает тени на голубых стенах (Гюльнар как-то сама сказала, что их стены голубые). Гюльнар рассказывает детям, что ваш отец (то есть Эйюб) с сокурсниками на праздник Новруз бросал шапку к дверям однокурсниц. А затем они составляли список праздничных даров и всё оценивали. Шекербура – пятнадцать баллов, гогал – двенадцать, яйцо – десять, яблоко – семь, конфета – пять баллов... Так они определяли самую щедрую семью...

Дети слушают Гюльнар и смеются.

– Эйюб, ради Бога, почему я тогда должна была занять второе место? Правда, главное, я обогнала ту тварь. Но должна была обогнать и Валиду. Вы судили пристрастно. Бедная мама, кажется, та ушанка была Эльдара, помню, как она наполнила эту ушанку всякой снедью. В ту пору редко у кого дома имелись московские конфеты, а мама положила шоколад «Мишка косолапый»...

При этих словах в голосе Гюльнар слышалось некое сожаление. Столько воды с тех пор утекло. Но женская конкуренция все еще дает о себе знать. Гюльнар и Валида в ту пору были самыми близкими подругами, и в то же время самыми непримиримыми соперницами...

Теперь Гюльнар счастлива с Самедом. Интересно, как все сложилось у Валиды, создала ли она семью, есть ли у нее дети? Где она работает? Или занимается домашними делами?

Его размышления о Валиде прервал голос Гюльнар:

– Ты прочел вчера статью о Расуле? Там была и семейная их фотография. А сегодня по телевизору покажут Самендер. Оба очень знаменитые.

... Он вздрогнул. Будто на пальцы упала крышка пианино...

Статью он видел, но читать не стал... О передаче тоже был в курсе. Смотреть не собирался...

– Многие из ребят женились на любимых...

А на сей раз будто бы силой нажали на упавшую крышку пианино и раздробили пальцы...

... Впереди во всей мощи стояло девятиэтажное здание, в котором жила Гюльнар... Естественно, из восьмидесяти одной квартиры (это число тоже некогда озвучила сама Гюльнар) лишь одна принадлежала Гюльнар и ее семье. Но здание казалось ему привлекательным, нежным и милым в целом...

– Чего это ты воды в рот набрал?

Что ей сказать?! Часто так бывало. Гюльнар говорила, он тоже что-то хотел сказать, обдумывал предстоящую фразу. Решал заменить некоторые слова новыми, принимался их подбирать... А потом становилось поздно. Гюльнар уже переходила на другую тему...

– Ладно, пока, я пошла. Ой... чуть не забыла. Еще раз поздравляю тебя с праздником.

Она вручила ему какой-то сверток и быстрыми шагами пошла в сторону своего блока. После работы все таким образом спешат домой. А он даже не помнит, что когда-нибудь спешил вот так домой. Он наведывался по пути в магазины, заглядывал в киоски, читал афиши. Затем, оглядывая этот безграничный проспект, думал, что на жизненном пути никто не хочет дойти до последнего пристанища. Но что поделать? Ведь годы их гонят вперед.

Он поднял ворот пальто, тот снова упал...

Гюльнар не нарушает традицию, поздравляет его с каждым Новым годом. Отдарируется, поступает, как и он на Восьмое марта. Интересно, что на этот раз? Духи, ручка, галстук... Может, что-то другое? Он погладил сверток...

Впереди шли две женщины. Обе были закутаны в шали. Без теплой одежды. Наверно, беженцы из Гарабаха.

Он тяжело вздохнул. Если «сворачивающий горы» Самед (Гюльнар как-то сказала, что зарабатывает Самед очень прилично) увидит этих женщин, захочет ли купить каждой из них недорогое пальто или плащ?

Посмотрев им вслед, он продолжил свой путь. Снова поднял ворот пальто. Что-то зубы начали стучать от холода...

Нет, так нельзя, надо успокоиться. Неудачи и несчастья ждут, когда ты поднимешь руки и сдашься...

Он начал внушать себе, что все в порядке, все отлично...

Надо было купить кроликам корм. К счастью, зоомагазин был по пути. Он купал корм всего на два дня, чтобы заходить сюда почаще. Вдоволь смотрел на синезелено-желтых попугаев, чирикающих в клетках, ослепительно белых хомячков, красных, черных и золотистых рыб в аквариумах...

– Как по твоему, в чем разница между хомяком и крысой?

– В чем же?

– В том, что у хомяка реклама сильная.

Каждый раз очкастый продавец, улыбаясь, задавал ему какой-нибудь вопрос, и он неохотно отвечал. На этот раз задал этот вопрос.

... Ну и ну, как быстро он дошел до своего здания? Холод пробирал до костей, так как одет он был неважно. Он был сам не свой. Ворча что-то под нос, поднялся по ступенькам (будь проклят этот пятый этаж!) и постучался в свою дверь. Он часто думал: если хоть что-то в этом мире ему принадлежит, то эта дверь из этого числа.

Хоть бы сегодня Зейнаб изменилась. Как-никак ведь праздник... Нашла время дуться. Как-будто рухнул мир, и она осталась под завалами...

Попробуй после этого съесть что-нибудь. Он оттолкнул тарелку с макаронами, вышел на балкон и закурил сигарету. Оба кролика съезжились в углу. Он на них прикрикнул:

– Вы тоже хороши! Вечно сидите на одном месте. Не хотите шевелиться.

Один был белым, другой серым. Наверно, им было холодно, вот и съезжились. Ему очень нравилось наблюдать за ними. Особенное удовольствие он получал, когда они, прошмыгнув через открытую дверь балкона, взбирались на кресло...

Сразу после того, как выкурит сигарету, он пойдет листать тетради с воспоминаниями, заново проживет те редкие счастливые дни, что были в его жизни...

Порой он забывает настоящее и живет лишь прошлым: мечты и чаяния снова заполняют его сердце, как поток. Серый мир снова становится ярким. И в этой ослепительной пестроте красок его счастье радостно ему улыбается... Он видит: между ними лишь пядь расстояния...

Может, самая крохотная, всего на десять-пятнадцать домов деревня во всем мире, приютившаяся в лоне гор...

Родное дыхание матери доносится до его лица, грубые руки отца треплют его волосы. Он спускается к берегу реки по росистой тропинке, сплетает разноцветный венок из цветов, замороженно созерцает восход солнца. Становится гостем скал и туманных гор, ежевичных кустов и ореховых лесов, кричит изо всех сил, голос его слышит весь мир: – Как красиво!!!

И странно, что и дыхание матери, и руки отца, и эта росистая тропинка, и журчащая река с улыбающимся солнцем – всё, всё, всё принадлежит ему. Ему одному...

Возможно ли навеки остаться в своем прошлом, никогда не возвращаться в свое настоящее?

... Вдруг он вскочил, как ошалелый:

– Зейнаб, где одна из моих тетрадей?!

– Эльчин взял поиграть, – спокойно отреагировала жена на этот рёв.

Он окликнул с балкона сына, но ответа не получил. Когда увидел тетрадь с желтой обложкой в руках одного из соседских мальчишек, его будто ударило током. Он рванул во двор прямо в домашних тапочках.

Дети вырывали листы из тетради, мастерили из них «лодки» и запускали их в большую лужу на детской площадке, образовавшуюся после дождя. Один из них –

мальчишка, в чьих больших глазах играла хитреца, едва завидев Эйюба, бежавшего на них с ревом «Верните мою тетрадь!», закричал «Полундра!». И все кинулись врассыпную. Если б Эйюб не поскользнулся и не упал, кто знает, сколько еще он бегал бы за сорванцом.

– Ладно, придешь домой! – огрызнулся на сына, стоявшего на углу здания и не сводящего с отца глаз.

Прихрамывая, вернулся назад и прежде всего взял сильно поредевшую тетрадь, которую бросили дети, затем зашел в лужу и принялся собирать «лодки». Несколько «лодок», отплывших совсем далеко, остались в воде. Он совсем обессилел, не мог их взять. Сквозь мокрые носки в ступни будто бы вонзались иголки.

Не обращая внимания на смеющихся над ним соседей, он вернулся домой с целой грудой «лодок». Так же не обращая внимания на гневные слова жены («Боже, пошли мне смерть. У других мужья горы сворачивают, а мой в игры играет»), он разложил листы на полу, чтобы те подсохли. Написанное чернилами никуда не годилось. Буквы слились друг с другом.

Может, все условились сегодня ему насолить? Сначала Имран, затем Зейнаб, а теперь Эльчин...

Ничего-ничего, позвонил двоюродный брат Ариф и сказал, что в воскресенье едут на охоту. Пойдет на охоту, немного развеется... Интересно, в чем особенности зимней охоты? На кого будут охотиться? Наверное, на птиц. На куропатку или же на лысуху. И, может быть, на зайца. Нет, на зайца рука не поднимется.

«С возрастом всё, что мы любим в этой жизни, постепенно нас покидает. Вдруг видим, очнувшись – ни кола, ни двора. Придет время, эта любовь тоже исчезнет».

Заграничный одеколон, купленный Гюльнар, он отложил в сторону. «Да, да, исчезнет, вот и все дела. В таком случае во имя чего мы будем жить? Наверно, будем утешаться тем, что уже всё на исходе, мы в этом мире лишь гости».

Он уже вызубрил слова «Versace. Homme. Eau de Toilette», которые читал в который раз, и даже мелкий текст о составляющих одеколona...

... Взял свой подарок и, потирая колено, прошел на кухню, к Зейнаб, которая кормила Эльчина. Некоторое время назад Зейнаб не дала ему как следует отругать Эльчина: «Ты как ребенок, собирающий игрушки, копишь эти пыльные, все в микробах тетради... Для чего, для кого? Не пойму...»

Он ограничился на сей раз тем, что грозно взглянул на сына, а тот улыбнулся. Затем слегка приобнял жену за плечи:

– Ради Бога, хоть сегодня не дуйся. Это мне купила Гюльнар, – показал он ей свой подарок.

Зейнаб оттолкнула его:

– Одну ты уже осчастливил, осталась другая.

Нельзя разве было прожить тихо-спокойно несколько этих праздничных дней?

Ему захотелось смягчить жену:

– Налей мне чаю... В воскресенье еду на охоту с Арифом. Он сам позвонил и позвал... Принесу тебе куропатку.

– Я тоже хочу, – сказал Эльчин, но, увидев грозный взгляд отца, снова улыбнулся.

– Только этого не хватало, – повысила голос Зейнаб, наливая в большую кружку кипятка из чайника. – В воскресенье исполняется два года сыну Ирады, пригласила.

Проклятье! Она всегда находила какую-нибудь причину, чтобы нарушить его планы.

– Но ведь она не пришла на день рождения Эльчина.

– Мы с Ирадой как сестры. Она не пришла потому, что их здесь не было... Ты на себя посмотри. Все, кому ты нужен по делу, становятся с тобой друзьями, братьями. А потом – грош тебе цена.

Он ощутил, что совсем съезжился. Встал и прошел в свою комнату. Чай остался дымиться на столе.

Смотрел на тетради, а мысли витали где-то далеко. Взял телефон.

– Алло, это я, Эйюб. Знаешь... Прийти к вам? Нет, у нас тоже весело. Позвонил сказать, что на охоту съездить не смогу... Как это, какая еще охота? Ты ведь сам недавно приглашал... Ладно, ладно...

Положил трубку. Ох, как же болело колено. Нагнулся и собрал с пола высохшие листы. Было нетрудно написать новые слова поверх стертых. Потому что он помнил каждое слово чуть ли не наизусть.

«Сегодня Гюльнар обручили с Самедом, учащимся на два курса старше – сыном какого-то помощника прокурора. А я любил ее ровно три года. Три года тосковал по ней, не знал покоя. Почему же я побоялся раскрыть свое сердце, признаться?...»

... Вот тебе и Новый год.

Зейнаб уложила Эльчина спать и, кажется, легла и сама, было тихо...

Музыка, топот, смех, доносящиеся из соседних квартир, порой отзывались в приборах, собранных в их серванте.

От горечи стояли слезы в глазах. Он закурил сигарету. Впервые курил дома.

«... Моя жизнь прошла в общежитиях, тесных каморках, снятых в аренду. Я так тосковал, так тосковал по квартире, на двери которой было бы мое имя...»

«... Но, к сожалению, порой и квартиры не приносят человеку счастья. Четыре стены и потолок служат лишь для того, чтобы скрыть от соседей то, как ты несчастлив»...

... О Боже, что написано в тех листах, что остались в луже? Что там написано?..

... Пробило десять часов, и стрелки двинулись дальше. Он не стал бы оставлять свое любимое занятие, но телефонный звонок заставил его дрогнуть. Он нажал на кнопку и услышал пьяный голос Имрана:

– Чем занят, дорогой?

– Да так, ничего...

– Что ты там бубнишь? Ничего не понимаю.

– Говорю, что собираюсь спать...

– Ну и ну, разве в праздник спят? Я позвонил потребовать с тебя магарыч.

– Почему?

– Приходи к нам – увидишь. У нас шикарное застолье.

– Поздно ведь... В это время...

– Вовсе не поздно. Мы приготовили тебе сюрприз...

– Что за сюрприз?

– Она тоже у нас...

– Кто?

– Не прикидывайся незнайкой. Разве мы слепые? Не видим ваших отношений?

Я о Гюльнар. Давай быстро, ждем...

Он чуть ли не бежал по безлюдной улице. Его сопровождала огромная луна.

Ну и дела, Зейнаб проснется утром и увидит, что его нет. Вот будет скандал. Надо придумать приличную отговорку. А с какой стати Самед отпустил Гюльнар? Наверно, отправил с ней одного из детей. Он всегда так поступает, когда собирается компания. Но ведь компании всегда собираются днем, до вечера. А сейчас так поздно. Надо еще встретить Новый год... Во всяком случае, интересно, как Гюльнар уговорила Самеда... Вот и окно Имрана. Свет выключен. Наверно, шутники танцуют. Как им взбрело в голову отмечать Новый год вместе? Ведь по дороге домой об этом даже не заикнулись...

Да, вот и блок. Кажется, третий этаж. Вот и дверь. «Аскеров Имран Аскер оглу».

Нажал на звонок. Он тоже обязательно укажет золотыми буквами на своей двери: «Джафарли Эйюб Али оглу». Чем он хуже Имрана?

Еще раз нажал на звонок. Наверно, сердце Гюльнар тоже так яростно бьется. Да нет, ей может быть совсем безразлично: придет Эйюб или нет. Скорее всего, сейчас она шушукается с подружками – Мединой и Зибой...

Он долго звонил в звонок. Они что, не собирались открывать ему дверь? Каждый занят своим, кому есть дело до звонка?!

Принялся ждать, не убирая пальца с кнопки звонка.

Когда, наконец, послышался звук отпираемого затвора, на сердце полегчало. Решил упрекнуть хозяина за столь долгое ожидание. Но...

Увидев вышедшие из орбит глаза посиневшего Имрана, растерялся.

– Я... ты... – промямлил он.

Имран долго не сводил с него глаз и вдруг внезапно расхохотался. Затем быстро посерьезнел:

– Ты что, дурак, не соображаешь, что нельзя тревожить людей по ночам?!

– Ведь... Ты... Компания...

– Это была шутка. Какой же ты непонятливый!

... Дорога обратно казалась длиной в вечность. Шаги путались, сердце бешено колотилось. К тому же он плакал. Рыдал, как ребенок.

Не знал, почему в голове крутилась лишь одна мысль: дымящееся счастье роскошных дворцов никогда не согреет ледяное несчастье жалких лачуг... Роскошные дворцы... Жалкие лачуги... Дымящееся счастье... Ледяное несчастье... Не согреет... Ни за что не согреет...

... Еле-еле добрался до своего двора. Который час? Идти домой совсем не хотелось. Свет фонарного столба падал на одну, свет луны – на другую сторону лужи. В полосе этого ближнего и дальнего света медленно покачивались бумажные кораблики.

... Поднимаясь тяжелыми шагами по ступенькам, вспомнил вдруг, что на одном из листов в луже написаны именно те слова, которые только что по пути вертелись у него в голове.

Остановился. Надо было подобрать листы...

Бегом вернулся назад и вошел в лужу.

Подбирал бумажные «лодки», стряхивал воду...

... Роскошные дворцы... Жалкие лачуги... Дымящееся счастье... Ледяное несчастье...

* * *

Немного спустя он заметил подошедшего к нему полицейского...

ТРЕТЬЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«За весь период развития изменились не только мысли и мозг человека, но и его внутренний мир, чувства и эмоции. Эволюционные процессы и социологические законы послужили причиной возникновения в каждой личности определенных привычек, стремлений, умений, нравственного комплекса...»

Физическая субстанция вселенной и духовная субстанция человека в редких случаях находились в гармонии, они постоянно сталкивались, находились в противоречии. Научно-технические революции, а также кризисы и падения, большие открытия, развитие условий жизни в положительном ключе, кроме того разрушительные войны и природные катаклизмы непрерывно меняли образ человека. В этих изменениях значительную роль также сыграл новый подход к науке и культуре.

Мы любили, заботились, радушиничали, сострадали, жалели, спасали, строили и возводили именно благодаря дополнению нашего физического и ментального мира нашим астральным миром.

Когда же не было этого дополнения, или оно было частичным, мы забывали о сострадании, становились равнодушными, ненавидели, разрушали, убивали...»

IV ЧАСТЬ

– Да ну его к черту. В гробу я видал такой праздник. Прямо как назло. Посмотри на этих. Точно наркоманы или карманщики. Бабки друг другу передают.

Ализаде ткнул Кулиева под ребра. Двое молодых людей стояли у среднего подъезда крайней четырехэтажки на проспекте и, отсчитывая, передавали друг другу деньги.

Не отреагировав на вопрос Кулиева «А что здесь такого? Может обычный житейский случай?», Ализаде приказал:

– Мы на операции по задержанию. Держи пистолет наготове!

Они мигом налетели на парней. Один из них, прилично одетый, начал базарить, собирался кому-то позвонить, другой же стоял неподвижно.

Второй бесприкословно подчинился полицейским и тихо сел в «Fiat», первого пришлось затолкнуть в машину силком. Он грозился снять с них погоны, уволить с должности.

Ализаде тоже не молчал, говорил, что никого не боится, что еще не родился тот человек, кто посмел бы снять с него погоны. Дал тому понять, что имеет покровителя, где надо. Его мучала одышка. Машина набрала скорость. Бунтующий ругался, не обращая внимания на других пассажиров. Последние призывали его к спокойствию и вежливости, напоминая, что в машине находится женщина.

А его приятель забился в угол рядом с завернувшимся в одеяло Гуламом, обхватив голову обеими руками.

Руфат спросил, как его зовут. Он неохотно сказал и свое имя, и имя занятого телефоном друга.

– Я Яхья, а друг – Эльвин...

НЕЛЬЗЯ ДУШЕ ОТКАЗЫВАТЬ

Свет не горел...

Зажегся...

Распространяясь по комнатам, домам, дворам, а также улицам, световой поток образовал целое море света.

* * *

Ну что ты скажешь?.. Снова эта помятая карта. Червовый валет. Не знаю, как эти негодники умудряются тасовать, что эта проклятая карта все время ему попадает. Он занес руки под стол и выдал вторую карту. На открытом уголке заметил черную пометку, нервно открыл третью, и снова шваль. За три карты всего девять очков. Бубня себе под нос, он все швырнул на стол.

Несмотря на то, что в помещении было прохладно – работал кондиционер, с него лился пот. И диван, на котором он сидел, скрипел, как назло. Уставившись на скуластую физиономию хозяина дома по имени Гоша, который за десять манатов с каждого сдавал «секам» свою квартиру в качестве казино, поднял вверх указательный палец, что означало: «Неси еще одно пиво».

Манатную бутылку хырдаланского пива тот продавал своим постояльцам за три, что приносило ему дополнительный доход. Играли вчетвером. За ночь выпивали около шести бутылок на каждого.

Васиф, сидевший напротив, шухарился с Марданом.

– Открыть?

– Открывай!

– Марданчик, у меня трояк, двадцать семь очков всего.

– Эй, Васифчик, ты что деньги хапаешь? Осторожно, подавишься. У меня тридцать.

Опять Мардану повезло. Счастливчик. Уже который кон выигрывает. И в этом ему везет, и в университете, и в жизни. Не каждому чуваку пахан двести тысяч может загрузить на карту: «Иди, мол, сынок, на день рождения тачку себе купи». У него, думаете, отец меньше, чем у Мардана, зашибает? Однако посмотрите, какую машину купил сыну. Тьфу...

Он вздохнул.

Жизнь ему всегда казалась скучной. И в детстве, и подростком, и сейчас, когда молод. Он никогда не имел настоящего друга. Приятелей у него немало. Взять хотя бы этих троих сокурсников: Мардана, Турала и Васи́фа. Но никто не может показать ему невидимую сторону жизни, возбудить в нем интерес к ней.

В этом смысле Яхья чем-то отличается. Интересные вещи иногда рассказывает. Он имеет свои странности. И еще – старательный. Занимается. Зачеты и экзамены сдает самостоятельно.

В тот день домой они шли вместе. Дом Яхьи находится недалеко от его съемной квартиры. Он увидел, как в «Газели» везут зеленые в полоску арбузы и остановил машину, чтобы купить.

Яхья сперва не хотел покупать, так как сезон этих плодов еще не наступил. Но все же купили каждый по одному арбузу. Как пришел домой, разрезал свой арбуз.

Внутри он оказался белым. Ругая продавца, стал набирать номер Яхьи. Выяснилось, что арбуз у Яхьи тоже оказался неспелым. Он предложил пойти и купить новые: очень хочется полакомиться арбузом. А когда душа желает чего-то, нельзя ей отказывать. Яхья стал отнекиваться: «Это судьба. Неспелый, так неспелый. Не тратить же все деньги на арбузы...» Вот эта черта в характере Яхьи никуда не годится. Прижмистый на себя. Он же, в надежде: авось на этот раз спелый попадет, пошел и купил сразу три штуки. И действительно, арбузы оказались красные. Он положил их в холодильник, а потом со вкусом наслаждался красными и сладкими, как мед, арбузными дольками...

Он пасовал. Бросив на стол карты, стал наблюдать за игрой своих товарищей. Васиф не играл. С кем-то переписывался по мобильнику. Мардан с Туралом громко спорили между собой.

– Мардан, ты еще дышишь?

– А ты что думал?

– Сейчас я тебе кислород перекрою, будешь знать. Играем на пятьдесят манатов.

– На сколько?

– На пятьдесят манатов.

– Шутишь?

– Шутить будем в другом месте. В игре на деньги не шутят.

– Ладно, открывай.

– Ребята, а может, нам в Лас-Вегас смотаться?

– Больше ничего не хочешь? Скажи, что у тебя там?

– В Лас-Вегас, правда, нереально, а вот в Тбилиси могли бы поехать. Говорят, у них там отменные казино. Может, смотаться нам завтра? Ты что не раскрываешь?

– Слушай, через пару дней сессия начинается. Раскрываю, ты скажи, что у тебя?

– Что нам до сессии? Деньги есть, и все дела. У меня восемнадцать.

– Ха-ха. А у меня двадцать!

– На, подавись!

В серванте, который стоял в углу, была всякая стеклянная посуда. Среди неё стоял старинный металлический кувшин ручной работы. Он хорошо разбирался в таких вещах. У них в районе через один квартал от их дома находилась мастерская медника Джумшуда, куда он часто навещался. Какие только изделия не изготавливал мастер Джумшуд из меди: сковородки, казаны, подносы... Можно было замотаться... У него тоже зародилось желание обучиться этому ремеслу. Мастер догадывался об этом и пытался обучать мальчика секретам своей профессии. Однажды даже сказал: если всерьез возьмешься за это дело, то из тебя хороший медник получится. Но когда об этом узнал отец, отругал его, как следует, заявив: «Никакой медник нам не нужен. Я из тебя прокурора сделаю...»

Он первый раз выигрывал с начала игры. Все три карты у него были пиковые. Двадцать пять очков. Кажется, другие игроки догадались и объявили «пас». Ему осталось только забрать все деньги в банке. И то хлеб. Может, впредь ему повезет в картах. Хоть что-то выиграет. Лиха беда начало.

Проигравший Турал швырнул свои карты и демонстративно встал из-за стола, объявив: «не играю». Стали уговаривать его, чтобы продолжил играть. А Турал – малый не из робкого десятка. Как бы ни проигрывал, домой уходил с деньгами.

Мардан снова стал спорить с Васифом.

– Раздавай по три четверти, пусть карты хорошенько перемешаются.

– Ты всегда заставляешь меня трудиться. Ничего, когда я буду заказывать, то потребую, чтобы ты раздавал по пять карт. Тогда тебе придется перетрудиться.

– Так трудно считать по четыре карты? Я же не требую, чтобы ты объекты своего пахана считал.

– Объекты моего отца тебе глаза колят? Как будто у самих никаких объектов нету.

Из-за приоткрытой двери доносилась вонь. Там был туалет. Временами вонь становилась невыносимой. Он сморщил лицо. Этот Гоша – падло, с каждой игры столько денег сдирает с них, а приводить свою квартиру в божеский вид – сдыхает. Посмотри, какой кондиционер у него допотопный. А этот запыленный скрипучий диван... Этого подлеца надо один раз потащить в его квартиру, чтобы показать, какой должна быть нормальная хата... Хороший у него хозяин. За четыреста манатов ему не квартиру сдает, а, считай, музей.

Турал, рассевшись поудобнее, взял его бутылку. Это взбесило его. Очень многое себе позволяет этот наглец. Он вырвал пиво из рук Турала.

– Не трогай мое пиво. У тебя что, денег мало? Не можешь себе купить?

– Эльвин, что это с тобой? Я хотел только посмотреть, твое это или нет. Ты что взбесился? Крохобор.

Из ребят он больше всех не любил Турала. Через каждые два дня он соблазняет всех пойти по бабам. Это еще терпимо. А в прошлый раз вообще вздурел. После того, как хорошо покушали и выпили, взял и положил на стол марихуану. Распутник. Совсем с пути сбился. Отец у него уважаемый человек, а сын каков. И еще ему ничего не стоит унижить человека. Бывает, дразнит его, бросив в лицо «деревенщина». Не всем же быть бакинцами.

Ну ладно. Выдавит свои три четверти. Авось, повезет.

Он выдавил свои карты. Йес, вот это клево. Первая у него – туз трефовый. Сразу приободрился. «Ставлю один манат», – сказал он и сделал ход, не взглянув на другие карты. Те трое тоже сделали ход.

Ему пришлось выдать другие свои карты. Черт побери, продолжения не следовало. Бубновый король. Червовые восьмерка и семерка. Всего пятнадцать очков. Стал колебаться: пойти ему или нет? Сделал еще один ход на один манат. Турал увеличил ход до пяти манатов. Мардан объявил пас. «Десять манатов», – это сказал Васиф.

Он бросил свои карты на пол. Никак не везет.

Открыл бутылку с пивом и стал пить из горла.

Ему нужны деньги. У них сессия. Староста объявил, что каждый должен принести по пятьсот манатов. В маркете он где-то триста должен. У Лейлы, его девушки, день рождения. Ей какой-нибудь приличный подарок надо купить. Манатов хотя бы на триста. За квартиру должен восемьсот, уже два месяца, как не платит. А еще – машина на ремонте. Ударил ее в тот день. Надо буфер поменять.

Отец каждый месяц две тысячи манатов высылает. Все равно не хватает. Ему же за квартиру платить, на бензин, еду, контуры, сигареты сколько уходит. В последнее время пахан совсем скупится. Две тысячи манатов – это разве деньги?

...Он выдавил карту. Снова пусто.

Выпил пивка, потом зажег сигарету.

Отчего так? Почему ему не везет? На этот раз деньги со стола схапал Васи́ф. И Васи́фу везет больше, чем ему. Его отец имеет власть в своем районе, а у Васи́фа пахан всего-навсего дорожным строительством заведует...

Гоша пришел и встал рядом.

– Ну, как тут дела, кто выигрывает, – спросил, щерясь. – Может, кто-то сигарет или пивка желает?

Мардан заказал пачку сигарет. И еще потребовал, чтобы в следующий раз сигареты у него были «Marlboro», а пиво – «Muller», по крайней мере.

Гоша, с противной улыбкой на скуластом лице стал оправдываться:

– Я не могу дорогой товар брать. Вдруг не купите, и я останусь в накладе...

Он думал о том, что купить Лейле. На день влюбленных он подарил ей дорогой набор духов от «Vulgari», на восьмое марта набор от «Cristian Dior», а та, неблагодарная, вместо того, чтобы «спасибо» сказать, скривила губы...

Может, купить какое-нибудь ювелирное украшение от «Svarovski»...

Сестра Яхья, наверное, разбирается в таких делах. Надо попросить ее выбрать что-то красивое...

Выдавил карту. Черт, снова пусто...

* * *

Свет погас и снова зажегся.

Бесчисленные огоньки в виде мелких звездочек, слившись, прорвали тьму.

– Что случилось, почему ты сел?

– Ей-богу, сил уже нету, поясницу ломит...

– Только сто семьдесят два мешка натаскали, восемьдесят шесть на каждого.

А ты уже устал.

– Честно говоря, учеба в университете меня утомляет.

– Ну, если так, тогда не ходи.

– Как не ходить. Мне же деньги нужны.

– Слушай, всех денег не заработаешь. Все равно мы ничего не унесем с собой на тот свет. Не будь таким падким на деньги.

Он злобно взглянул на Батю, по лицу которого пот лился градом, и с трудом удержался, чтобы не нахамить ему.

Отряхнул руки о свои брюки, которые тоже были все в цементе. Открыл кран, вымыл руки. Затем подставил рот под струю холодной воды и напился.

– Ну что, Яхья, перекур так перекур, – сказал Батя.

И стал ждать, когда тот отойдет от крана, чтобы вымыть себе руки. После чего подошел к столу, которого не видно было из-за груды цементных мешков. Кажется, обедать собирается. Так и есть. Он достал из полиэтиленового пакета вареные яйца, котлеты с хлебом, помидоры, огурцы, бутылку с фантой, положил все на стол и не забыл пригласить его. Запах свежих огурцов, а также жареных котлет пробуждали аппетит. У него потекли слюни, но он пересилил себя и отказался. «Спасибо, я сыт», – сказал Яхья и снова принялся пить воду из крана, чтобы как-то притупить чувство голода.

И в эту ночь ему надо перетаскать четыреста мешков, как всегда. Каждому по двести приходится. Каждый мешок весит сорок килограммов.

Батя сильнее и здоровее его. Однако как выполнит свою норму, завалится дрыхать. Слово изверг какой-то, не поможет ему. Ни одного мешка не сгрузит за него.

Ох, страсть, как аппетитно пахнут огурцы...

Прислонившись к мешкам, он сел на пол. Как бы ни трудно было им, все же выкручивались. Отец работал каменщиком. Неплохо зарабатывал. Руки у него были золотые. Он и сестра учились в вузе. Беда пришла, откуда не ждали. У отца началась гангрена на левой руке. Пришлось ампутировать. На тот момент у них не было денег на операцию и пришлось брать кредит в банке. (Бедный отец, все говорит, что люди берут деньги в кредит, чтобы заработать на хлеб, а я взял, чтобы лишиться своего хлебного дерева). После этого начались тяжелые дни. Деньги в дом не приходили, плюс еще надо было выплачивать ежемесячный взнос в банк. Какое-то время кое-как перебивались на деньги, что мать зарабатывала, прислуживая у людей. Но когда поняли, что этим не покрыть им расходов, он тоже решил работать. Пристроился к Бате, соседу своему, и стал ночью грузить мешки здесь – на цементном заводе...

– Айда за работу. Некогда нам!

Услышав призыв подкрепившегося Бати, он нехотя поднялся с пола. Почувствовал покалывание в ногах и руках. Ему трудно было разогнуться...

Восемьдесят восемь...

Восемьдесят девять...

Девяносто...

Скоро сессия начинается. Только бы не срезаться ему... Учебу в университете он принимал за основу для построения своего счастливого будущего (сам-то он хотел иметь другую специальность, но по настоянию отца пришлось учиться в этой сфере). Думал заработает денег, вытащит родных из бедственного положения, купит сестре приданое, женится на своей любимой Рене...

Ее последняя смс-ка не выходила из памяти...

«Ты себе кайфуешь. Бог знает, где сейчас гуляешь со своим дружком Эльвином.

Даже на массаж мой не можешь ответить. Если я для тебя ничего не значу, так и скажи, чтобы знала и больше тебя не беспокоила».

Мог бы загрузить контуров в свой телефон на два маната?

Взнос за кредит ему надо внести послезавтра. Деньги за сегодняшний и завтрашний день – сорок манатов он целиком должен отнести домой. В месяц в банк платят триста шестьдесят манатов. Триста из них дома имеется...

Девяносто восемь...

Девяносто девять...

Сто...

Полнормы он выполнил. Как хорошо. Его охватила радость.

Ты только посмотри. Рена думает, что он с Эльвином кайфует. Ничего себе кайф. Он занимается здесь в новогоднюю ночь в тяжелым трудом. Рубашка его, потная и вся в пыли, прилипла к спине. Тело жгло и чесалось...

Эльвин – самый близкий ему из всех ребят в группе. Ему можно все рассказать, с ним можно делиться. Он может выслушать. Все же другие кичатся своим материальным положением. Но он скромнен. Не задирает носа. К тому же настойчив и упорен. Взять хотя бы тот случай, с арбузами.

Арбуз оказался белым, но он не поленился, пошел и купил другой...

Эх... Хорошо, однако, когда выпадает второй шанс человеку в жизни...

Сто пять...

Сто шесть...

Словно всех людей художник одной кистью и одними красками рисует. Требования родителей к детям одни и те же, да и ожидания детей от своих родителей не отличаются разнообразием. Те твердят: будьте разумны, учитесь. А эти говорят: дай столько-то денег, купи то-то... То же самое с ожиданиями девушек от парней и парней от девушек. Эти говорят: уделяй мне внимание и заботу. Те же нудят: не смотри на другую...

Интересно, что будет, если однажды взять и поменять кисть и краски у художника. Ну, чтобы на свет родились новые требования, желания и ожидания. Чтобы все изменилось. В корне...

– Перекур!

Голос Бати оторвал его от раздумий. Цементный мешок, от тяжести которого согнулся, кряхтя, он сбросил в кузов грузовика и присел там же, прислонившись на задние колеса машины...

Почувствовал в паху тупую боль, которая перешла затем в резь. В прошлый раз он спросил у Бати, что это может быть? Тот ответил, что это, наверное, грыжа.

Не дай бог, вдруг на самом деле заболит. Как быть тогда? Который час?

В просвет между крышами он посмотрел на ночное небо. Звезд было немного. В небе, чертя дугообразную траекторию, двигался мигающий красный огонек в виде треугольника. Сердце затрепетало. Самолеты – его больное место. Он с детства зачитывался любой информацией о гигантском небесном корабле в старых номерах журнала «Наука и жизнь», что были у них в доме. Он знал о всех деталях, моторе, а также панельных приборах его. Он даже изобрел симбиоз самолета, отличающегося неподвижными крыльями от вертолета, наличием мотора – от планера и мощностью аэродинамического взлета – от дирижабля и аэростата, а также обогащенного всевозможными преимуществами этих летательных аппаратов. Даже сконструировал из бумаги его модель.

Ему удалось встретиться в Академии Наук с одним ученым, которому он рассказал о своем желании создать мини-вариант такого аппарата. Тот же в свою очередь объяснил, где и по какой цене он может приобрести детали для реализации этого проекта. Но когда он сказал отцу о своей идее и попросил у него денег, тот заявил, опустив взгляд, что средств у них на такие вещи нет.

У ЧАСТЬ

Машина сильно трясла пассажиров внутри. Руфат стал стучать в окно, отделившее кабину шофера от салона пассажиров: «Товарищ, ты что, картошку везешь?».

Увлечшись смс-ками, Кулиев на стуки никак не отреагировал. Обернувшись назад, Ализаде очень грубо помахал рукой, как бы говоря: «Хорошо и делаю. Займись своим делом».

Молча смотревшая в одну точку Сара, завернувшийся в одеяло, но все еще дрожащий Гулам, нервно играющий пальцами Яхья проявляли безразличие к тому, как трясла их машина.

Но Эйюб, в поддержку Руфату, откашлявшись, громко высказался:

– Честно, беспредел. Мало того, что в праздничный день без причины тебя арестовывают, еще и грубо обращаются.

Эльвину, который был зол на полицейских, этот инцидент оказался кстати. Отставив в сторону мобильный телефон, с которого беспрерывно набирал один и тот же номер, он со злостью сказал:

– Вы меня еще не знаете. Я это дело так не оставляю. Если не сдеру с них погоны, то я не сын своего отца.

ОДНООБРАЗИЕ, БЕЗЖИЗНЕННОСТЬ

Свет снова погас, а потом зажегся. Что это такое? Уже в который раз так происходит...

Каждый раз меняют карты. Покупают новые, а к концу игры они становятся потрепанными. Многие можно узнать с обратной стороны. Но ведь не каждая запоминается так, как червовый валет. Как догадаться, какая карта с более потрепанным уголком, а какая – менее? Какая с горизонтальной линией посередине, а какая – с вертикальной? Как запомнить, какая карта смята в двух местах, а какая – в трех? Какая из них с желтым пятном, а какая – с черным? Одарил бы бог человека таким талантом, чтобы одним взглядом можно было бы запомнить все карты. Вот бы было клево. Все деньги выиграл бы у этих шакалов.

Он внимательно осмотрел всех своих товарищей. Мардан и Турал играли со всей бдительностью. Все их внимание было сосредоточено на игре.

А Васиф то и дело косился на телефон. Какой беспечный. Будто на кону не деньги, а фантики. И, проиграв, не расстраивается.

Он и в университете такой. Весь день ходит с телефоном в руке. Даже когда машину водит, одной рукой руль держит, другой – мобильник. Вечно с кем-то переписывается.

Сколько раз за время игры и он, и Мардан с Туралом просили его, чтобы отложил телефон и не сбивал ход игры, все бесполезно. Да еще грозит, что сфотографирует их за игрой в карты и выложит в «Instagram», «чтобы паханы ваши опозорились»...

Внезапно он почувствовал спазм в голове. В последнее время с ним часто происходит так: сознанием овладевает какая-то мысль, сжимает какое-то время голову, а потом отпускает.

Отчего это в жизни постоянно чередуются радость с печалью, так же, как день с ночью?

И почему одни и те же явления не приносят только радость или только печаль. То, что сегодня доставляет радость, завтра может доставить боль?

Однажды он столько думал, что чуть было ни лишился рассудка: отчего все в жизни так однообразно и скучно? Ничто не спасет человека: ни лихачество за рулем, ни любовные утехы, ни гульба в самых престижных ресторанах, ни покупка шмоток в дорогих бутиках...

В средней школе им преподавал учитель по имени Буньят. Пожилой человек был. И как-то он спросил учителя: почему это при наличии такого разнообразия красок в палитре рисунки у меня получаются серые? Учитель был мудрым человеком, подумав немного, ответил: избытие красок порой приводит к бесцветию, точно так же, как их отсутствие. Закрашиваешь всеми красками подряд, и у тебя получается бессмыслица какая-то...

Он взял карты, которые раздал Васиф. Обе были шваль. Ударил по столу от злости. Когда перечислял свои предстоящие расходы, про один забыл. Ему срочно надо поменять телефон. Уже «iPhon 7» вышел, а у него все еще «iPhon 6». Душа нового телефона желает. Нельзя душе отказывать.

Турал опять продемонстрировал развязность, предложив: «Давай вызовем Хаялю с подружками, чтобы нам стриптиз показали» (он имел в виду девушек легкого поведения, с которыми недавно познакомился).

А самый дурацкий поступок в своей жизни он совершил не по настоянию Турала, а по настоянию Мардана. Последний ведь имел еще одну машину – «Нива». Это чтобы автохулиганить. Однажды от безделья Мардан предложил: «Давайте для экстрима нажмем на газ и выпрыгнем из окна, а машина перевернется». Турал с Васифом, долго не думая, поддержали идею. Он же возразил, сказав: «Это дурачество». Но когда товарищи стали подтрунивать над ним, обозвав трусом, он сдался.

Вблизи местности Джанги есть ужасный поворот, поехали туда. Отметили места, где должны выпрыгнуть с машины на полной скорости, всадив в землю палки. Для смелости и виски выпили.

Один Мардан вышел целым и невредимым из этого трюка. Васиф сломал руку, Турал – ребро, а он разбил себе голову...

Да, и еще учитель Буньят сказал однажды такую фразу: «Цветок может завянуть как без воды, так и от ее избытка». Но он не понял смысла этого выражения.

Он взял карты, розданные Туралом. Мардан заказал две. Вышла сека. Игра стала более напряженной. Все четверо оказались в секе. Взял еще две карты. Выдавил. Первая была бубновая дама. Ну и дела. Когда он шел сюда, в кармане у него было пять стольников и тридцать по одному манату, чтобы сделать ход. А сейчас всего двадцать шесть манатов осталось.

У бубновой дамы была милая мордашка. Он почему-то решил, что и дальше ему повезет. Чуть-чуть отогнул уголок второй карты, увидел красный цвет и обрадовался. Выдавил. Снова бубны. Валет бубновый. Двадцать очков. Слава богу. Он почувствовал, как приятно заныло в голове, слегка затуманенной пивом. Он ждал этого момента. Ждал, когда настанет его час. И наконец он настал. Чтобы соперники не учуяли, он не стал увеличивать ставку, а прикинулся угрюмым и сделал ход на один манат. Мардан швырнул свою карту. Турал же с Васифом остались играть. Он поднял ставку до пяти манатов. Соперники продолжали играть. Он сделал ход на десять манатов, те тоже последовали его примеру. На кону было около шестисот манатов. Поскольку играли оба соперника, он не мог предложить открыть карты. Он также не рисковал предложить другим показать свои карты. Вдруг очки окажутся равные, и ему придется выйти из игры...

У него осталось всего одиннадцать манатов. Снова пошел на десять манатов. Турал переглянулся с Васифом. Последний дал понять товарищу жестом, мол «У фраера, наверное, очки, иначе не стал бы рисковать». И швырнул свои карты в пас. «Иду на триста манатов», – заявил вдруг Турал...

Ему стало не по себе. Только этого не хватало. А может, пугает. Не может же быть, чтобы у того тоже оказались большие очки.

«Будь мужчиной, я же не фашист какой-нибудь. Открой свои карты», – стал предлагать он, однако Турал стоял на своем.

Это же большие деньги. Он и проигранные может возместить, и плюс разбогатеет еще.

Он чуть ли ни умолял: «Давай раскроемся. У кого будет больше, тот и выиграет». Но это не подействовало на Турала. Тогда он предложил делить деньги пополам, но тот опять был неумолим. «Нет и все», – твердил подлец своим безразличным взглядом.

Он был в безвыходном положении. Когда предложил открыть за триста манатов, Турал стал требовать, чтобы он положил на стол эти триста манатов.

Его слова о том, что он внесет деньги завтра, не возымели действия. Турал отступать не собирался...

Просить в долг у других игроков по правилам игры тоже не допускалось...

* * *

Сто сорок четыре...

Сто сорок пять...

Сто сорок шесть...

Яхье тяжело было дышать. Под тяжестью огромных мешков он едва держался на ногах.

Батя выполнил свою норму и мылся под душем. Яхья пьянел от шуршания воды. Всего в одном шаге от него был комфорт, было счастье. Но тебе еще предстоит заслужить это...

Ничего, отдохнет на летних каникулах, выместит свою усталость... Днем будет отдыхать, а ночью работать. Хорошая эта работа, ее нельзя упускать. Дай бог здоровья Бате. На работу его устроил. Характер у него, правда, скверный, недобродушный, но он все же благодарен ему за эту работу...

До летних каникул целых семь месяцев...

Однако о каком отдыхе он может позмышлять? У отца Мардана в Бузовне ресторан имеется. Он никогда ни о чем не просил своих сокурсников, но на этот раз придется. Днем на каникулах будет работать там, а ночью – здесь. Ему еще много денег надо заработать. В доме все сыплется. Надо подремонтировать. Обстановка в квартире и домашняя утварь пришли в негодность. Следует обновить. Сколько денег на все это требуется.

Невысыпание, видать, судьба его.

Сестра-бедняжка пристала в тот день, мол, ты не высыпаясь, переутомляешься, веди меня тоже таскать мешки с тобой...

Дай бог ей счастья, хорошая она, сердобольная.

Если мог бы немного подзаработать, купил бы ей шмоток. А то бедняжка выделяется среди своих подружек одеждой.

Когда заметил человека, заходящего в амбар, удивился. Кто это мог быть в такое время?

Это был Эльвин. Когда он увидел почерневшее лицо своего товарища, удивление его удвоилось.

– Эльвин?! Что-нибудь случилось? – спросил он встревоженно.

То, что рассказал Эльвин, для него было как нож в сердце.

– Влип я. Мне нужно триста манатов.

Он не спеша отряхнул с себя цементную пыль, умылся под краном и сказал: «Пошли».

* * *

Свет снова погас.

Вытесняясь из комнат, домов, дворов, а также с улиц, огромный световой поток погрузился в черную бездну.

* * *

Эльвин стал ждать у подъезда, Яхья поднялся наверх и быстро вернулся с деньгами. А когда он передавал Эльвину купюры, полицейские их накрыли...

ЧЕТВЕРТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«В развитии человеческих технологий создание микроэлектронных схем в кристаллах, использование достижений микробиологии, жидких кристаллов и голографии сулит большие перспективы. Особенно большие достижения будут получены после дешифровки миссии генетических кодов живых органов и освоения клеточного синтеза.

Всё это будет достигнуто приблизительно к концу XXI века.

Параллельно также произойдет культурно-биотронная революция.

И, наконец, в XXV веке произойдет последняя метаморфоза, прогнозируемая в связи с технологиями. Будет освоена солнечная система и начнется полицивилизационная эра.

Ментальный мир постоянно мыслящего автоматизированного человека в полицивилизационную эру будет носить всё большую значимость и постепенно увеличит свой вес наряду с физическим миром до максимума.

В итоге астральному миру не останется места...»

VI ЧАСТЬ

Это была маленькая комната, 10-12 квадратных метров. Железная дверь и окно с железной решеткой находились друг против друга. Обогреватель под окном работал в полную мощь. Вдоль двух стен были выстроены стулья.

Руфат и Сара сидели рядом и тихо перешептывались.

Через стул от Сары молодая девушка со скрещенными руками, всхлипывая, потирала друг о друга босые ноги в засохшей грязи, чтобы те согрелись.

Эйюб с Гуламом сидели на противоположной стороне через стул друг от друга и молчали.

Яхья считал клетки на метлахе, Эльвин суетился с телефоном в руке.

– В жизни бы не подумала, что когда-нибудь могу попасть в полицейское отделение, – вздохнула Сара.

Руфат принялся ее успокаивать, сказал, что такое может случиться с каждым, здесь нет ничего страшного.

– Не стоило мне уходить с той проклятой дачи, – сказала Сара. – У меня и так не всё гладко, если прознают, что Сара попала в полицию, пересудов мне не миновать, – выразила Сара свой страх. Руфат стал ее уверять, что бояться не надо, через несколько минут их отпустят и никто ничего не прознает...

Сара отрешенно уставилась вдаль и задала Руфату следующий вопрос: «Интересно, ANS нас не снимет?». «Какие еще съемки в праздничную ночь?», – ответил Руфат и продолжил миссию по утешению.

Гулам время от времени плотнее натягивал на плечи шерстяное одеяло и смотрел в потолок застывшим взглядом.

Эйюбу словно хотелось что-то сказать, он будто искал момента, когда Руфат с Сарой перестанут говорить...

Наконец, улучив минутку, он сказал с извиняющейся улыбкой:

– Братец, есть ли у вас телефон? Можете дать, чтобы я позвонил?.. Ну и дела... Спустился во двор собрать свои бумаги – арестовали... Разве так можно?!

Руфат протянул ему свой телефон. Эйюб набрал два номера, но ни один из них не ответил. «Не отвечают», – грустно вздохнул он.

Забрав у него телефон, Руфат и сам набрал номер, номер Тофика. Вкратце рассказал ему о приключившейся с ними истории.

Тофик заявил, что тут же решит вопрос. У него был хороший круг друзей, наверно, были знакомые и в этой системе...

– Ради Бога, он испытал сожаление, когда услышал, что я сюда попала? – спросила Сара у Руфата сразу после телефонного разговора.

– Да, конечно, он так расстроился... – ответил Руфат, но этот ответ совсем не смог ее утешить.

– И что он сказал?

– Сказал, как это я не заметил вашего ухода. Если б знал, никуда бы не пустил.

– Как ему заметить? – вздохнула Сара. – Ведь все его внимание было на той стерве!

Когда в их разговоре наступила пауза, Эйюб, словно ожидая этого, снова сказал с извиняющейся улыбкой:

– Простите, что у вас за проблема? – и тут же чуть ли не на одном дыхании выложил приключившуюся с ним историю: – У меня есть тетрадки, годами записываю в них свою жизнь. Сегодня, вернувшись с работы, – я работаю в научно-исследовательском институте, у нас был рабочий день, – я заметил, что одной тетради нет на месте. У меня сын – сорванец, храни Бог и ваших детей. Супруга не проконтролировала, вот он и унес тетрадь во двор, повырывали с ребятами страницы и смастерили кораблики... Небольшую часть я собрал сразу же. Промочил ноги и вернулся домой, решил собрать остальное ночью, вот славная наша полиция меня и схватила. Сказали – «наверное, распространяешь листовки с призывом на митинг»...

История Эйюба вызвала улыбку у Руфата:

– Мы с ханым были на вечеринке у друга, почувствовали вдруг себя дискомфортно и решили уйти пешком, нас взяли на дороге... Полицейские сказали, что находиться в таких отдаленных местах в этот час очень подозрительно, «наверно, вы преступники»...

Наконец, Эльвину ответили на телефонные звонки. Он стал кричать: «Я из-за тебя влип, сейчас в полиции. Если узнаю, что ты перетасовал карты, тебе не жить на этом свете». Когда понял, что смотрят на него, перешел к окну и продолжил говорить

шепотом. Яхья вынужден был говорить, что с ними произошло и за себя, и за друга.

– Я таскал мешки с цементом, устал как собака. Другу нужны были деньги. Я пришел домой, чтобы взять деньги и дать ему. И в это время нас поймали.

Затем все вопросительно уставились на Гулама, который всё еще кутался в одеяло, а также на молодую девушку, не поднимающую головы.

Гулам молчал. На его застывшем лице появилось какое-то странное выражение...

А молодая девушка была словно в своем мире. Она не чувствовала, не видела окружающих...

Через некоторое время заговорил и Гулам. Сказал, что каждый в мире живет со своим горем. До тех пор, пока люди отталкивают других ради того, чтобы выйти на шаг вперед и выбить вперед своих близких, это так и будет продолжаться.

Он обратился к Эйюбу, сказал: если ваш сын портит самое ценное ваше имущество – тетрадь, а жена остается к этому безразличной, значит, вы несчастливы в той семье.

Затем обратился к Руфату с Сарой, сказал: если вы чувствуете себя дискомфортно на вечеринке друга, покидаете ее и отправляетесь пешком в дорогу, если печаль и горе ханым изливаются из ее глаз слезами, значит, вы тоже несчастливы.

Потом он взглянул на Яхью с Эльвином, хотел что-то сказать, но передумал.

Затем он посмотрел на босую девушку, которая всё еще всхлипывала, и тяжело вздохнул. Сказал: эта бедная моя дочь в нынешнем своем горестном состоянии самая несчастная на свете...

И в конце он сказал: «Я тоже несчастлив. Годами не могу занять отведенное мне в жизни место, с болью в сердце соглашаюсь на то, что это место захватывают другие. Меня постоянно, на каждом шагу, попирают, подавляют...»

Некоторое время все молчали.

Тишину нарушали шум и смех, изредка доносящиеся из соседней комнаты.

Затем послышался шепот Гулама:

– Мы все видим слой тумана, нависшего над городом. Но слой греха тысяч людей, к сожалению, не видим.

Он был уверен: они пытаются очистить души от греха молитвами, точно так же, как подметают дома веником. Но в то время как веник находится в их руках, ответ на молитву находится в руках Божьих...

... Сара время от времени бросала взгляд на эту босую молодую девушку, оставшуюся наедине со своим горем. На ней были джинсы и легкая кофточка. Что же с ней стряслось? Что заставило ее выйти на улицу в таком виде? Почему она сюда угодила?

Она прошла и села возле девушки. Тихо спросила: «Как тебя зовут, доченька?». Не получив ответа, задала еще один вопрос:

– Что с тобой случилось?

Девушка никак не отреагировала. Она осталась в прежней позе.

Сара осторожно прикоснулась пальцами к ее щекам и утерла слезы:

– Скажи, что случилось.

Сара сама была готова расплакаться. От вида девушки у нее защемило сердце. Она представила, что ее родная дочь в таком положении... Кто эта девушка, чем она занимается? Почему она тут очутилась, разве у нее никого не было? К тому же в таком виде: босая, легко одетая...

Она снова утерла слезы девушке и повторила вопрос:

*– Дочка, не скрывай от меня, скажи. Что с тобой? Может, помогу?
Девушка будто этого и ждала – стала рыдать, словно облако, пролившееся дождем.*

Сара встала и обняла ее за голову, постаралась утешить... Только сейчас обратила внимание, что девушка дрожит от холода и накинула свое пальто ей на плечи, сняла с шеи шарф, нагнулась и обернула им ее ледяные, грязные ноги.

Затем попыталась еще раз ее разговорить. «Всё против меня», – заплетающимся языком промолвила девушка и снова разрыдалась.

Теперь не только Сара, кроме Эльвина все, кто находились в комнате, пытались ее прибодрить. Каждый что-то говорил, пытался хоть как-то помочь.

НИ С ТОБОЙ, НИ БЕЗ ТЕБЯ

Вещи, о которых она не могла говорить, вещи, о которых она даже боялась задуматься, оставшись наедине с собой, снова не оставляли ее в покое.

Один благородный человек позвал ее к себе, чтобы помочь и тем самым дал надежду. Теперь она шла за своей надеждой. Но боялась задуматься о счастливой концовке. Так как она привыкла к плохому, хорошее казалось ей недостижимым...

В этот новогодний день она должна была отправиться в район, вместе с матерью и сестрой они должны были отметить Новый год в доме у деда. В эти два года, когда она была студенткой, в каждый праздник она отправлялась к родным, немного успокаивалась в их окружении, отдалялась от печали и грусти. А на этот раз отправиться не смогла...

Она находилась в очень трудном положении. Кое-как уговорив мать с сестрой, она убедилась отправиться без нее... Сказала, что у нее незачет в колледже, и за эти два-три дня она должна сходить к преподавателю и подготовиться, чтобы получить оценку. В противном случае с колледжем придется распрощаться...

Утром просыпаться не хотелось. Знала, что она дома одна. Одиночества она очень боялась. В этой однокомнатной хрущевке, которую они снимали, она бродила, как призрак...

Было пасмурно. Иногда накрапывал дождь. Всегда в таких случаях она думала, что дождь оплакивает ее участь. Небо – это голова, облака – глаза, а дождь – слезы.

Ей надо было отправиться пешком по тому адресу, что назвал благородный человек – на «Железный базар», о котором прежде она не слышала. Потому что не было даже лишней копейки, чтобы заплатить за проезд на маршрутке. Точнее, мать перед уходом оставила ей два маната. Но она не могла притронуться к этим деньгам. Требовалась сотня таких же манатов, чтобы выбраться из того трудного положения, в которое она попала.

О «Железном базаре» она лишь узнала, что это большая мусорка из железных отходов. Люди приносят сюда ненужные, старые железные трубы, обогреватели, различные автозапчасти и бытовое оборудование, железные баки, шифер и сдают за гроши. А здешние дельцы прямо здесь перепродают некоторые вещи, например, железные трубы, баки тем, кто не в состоянии купить новые, а остальное сдают и хорошо зарабатывают.

Ей сказали, что это место в юго-восточной части города. Возле Каменного базара. Но намного ниже, на дне оврага.

Дорога была дальняя, но надо было идти, и она шла...

Отчего-то в праздничные дни она особенно горевала по отцу. В такие дни она никак не могла забыть этого родного человека, который, оставшись один на один с горестями и бедами, всё равно не переставал улыбаться. Однажды она услышала, как после очередной шутки отец сказал матери: «У меня, кроме смеха, нет оружия против горя...».

Они очень бедствовали. В ту пору жили в районе. Когда она училась в 5-ом классе, дядя забрал ее в Сумгайыт – к себе, сказал: «Пусть Гюнель остается с нами». Ее называли «дядиной дочкой». Раньше она думала, что дядя забрал ее в свою семью оттого, что любил. Лишь много времени спустя она узнала, что мать уговорила состоятельного брата забрать старшую дочь к себе, так как она была не в силах прокормить обеих...

Было 17-е февраля – один из дней, когда она оставалась у дяди. Мороз пробирал до костей. Она вышла на балкон, смотрела вдаль. Дома дядя играл с детьми в лото. Затем ее позвала двоюродная сестра: «Иди обедать». Дядина жена дала ей бутерброд с колбасой. Дядина семья называла копченую колбасу «черной», вареную – «белой». Теперь они ели «черную колбасу»...

Она была готова заплакать. Больше всего из съестных продуктов ее отец любил «черную колбасу». Есть она не смогла, прошла в ванную и тайком выплакалась. Часто так бывало. Здесь вкусная еда в горло ей не лезла, перед глазами вставали не могущие прокормиться родные в районе...

В ту же минуту позвонили из района, сказали, что умер Ашраф. Она сразу же подумала, что это кузен матери, зовут Ашраф, наверно, это он умер. Она даже думать не хотела, что это мог быть ее отец. Когда дядины дети стали ее упрекать («Почему ты не плачешь? Твой отец умер») она провалилась под землю...

По дороге в район она умоляла Бога увидеть отца живым.

Соорудили большую палатку. Ее отца уложили посреди комнаты, накрыли красной шелковой тканью.

Она всегда прижималась щекой к его губам, чтобы он ее поцеловал. И сейчас поступила так же. Подумала, снова поцелует...

В ту ночь ее никак не смогли оттащить от тела отца, она до утра лежала с ним в обнимку, под утро так и заснула...

... Улицы были полны людьми. Повсюду продавались елки, разноцветные игрушки, серпантин, хлопушки. Дед Мороз и Снегурочка фотографировались с детьми на фоне искусственной елки...

Она была еще в центре города. До «Железного базара» было еще далеко.

Дождь время от времени усиливался, потом снова моросил. Во всех ее воспоминаниях в связи с праздником находился отец, а воспоминания, связанные с дождем, имели один адрес: Азер – ее сокурсник и первая любовь.

Воспоминания находились внутри старого сундука с тяжелой крышкой. Каждый раз ей приходилось с трудом, задыхаясь, поднимать и опускать эту крышку.

«Не стану смотреть ни на одного парня, нельзя допускать никакой любви. Только учеба!» – говорила себе девушка, поступившая в колледж, но однажды обнаружила, что влюблена.

Молния вероломна. Сверкает и тут же угасает. Мгновенный свет также краткосрочен, как мгновенная радость. Она увидела Азера в свете молнии и обманулась

в том, что будет радоваться вечно. Устремилась вслед за этим светом. Но в конце осталась одна. Одна со своим сердцем, одиночеством и слезами.

... Однажды была точно такая же погода – дождливый, холодный день. Азер ждал ее. Они вышли из колледжа и сели на автобус. Должны были сесть на тот, который едет вниз. Но сели на тот, который ехал вверх и затем поворачивал, чтобы растянуть совместный путь.

Ей было очень холодно. Азер взял ее за руки, увидел, что они ледяные. Затем расстегнул пуговицу на рукаве своей рубашки, просунул ее руки туда и застегнул пуговицу...

Для нее не было больше счастья, чем находиться возле Азера. Азер звонил ей каждый день, каждый час. Когда заканчивались контуры, переходил на телефоны друзей...

Она очень боялась потерять Азера. Имей такую возможность, она вселила бы Азера в свое сердце, опекала бы там...

Как так получается: и телесно, и душевно привязываешься к кому-то, дышишь им, сердца стучат вместе, он даже заменяет тебе хлеб и воду?

... Однажды Азер позвонил. Было воскресенье. Спросил, чем она занимается? «Я дома одна, скучаю», – ответила она. «Где твоя мама?», – спросил Азер. «Поехала в Баку», – сказала она.

И Азер пришел к ним. Обещал, что увидит ее на минуточку и уйдет. Но он зашел внутрь, улыбнулся:

– Мне очень интересно, где ты готовишь уроки, где спишь...

После знакомства с квартирой он внезапно схватил ее за талию, прижал к себе и стал целовать.

Ей было девятнадцать. Это был первый в ее жизни поцелуй. Хотелось расплакаться. Ей казалось, что отныне все об этом прознают. Она даже взглянула на себя в зеркало, подумалось, следы от поцелуев отчетливо видны... До того дня она думала, что, по сути, девушка теряет девственность с первым поцелуем...

И в дальнейшем, когда она была несколько раз дома одна, Азер приходил ее целовать... Она думала, что должна допустить эти поцелуи, чтобы крепче привязать к себе Азера... Не то Азер бы от нее отдалился, стал бы интересоваться другими...

... Можно было пройти до конца по этой улице, затем повернуть в сторону «Шерг базары». Можно было бы повернуть направо и выйти на проспект... Как сре�ать путь?

Она выбрала первое...

... Каждую минуту, каждую секунду она стремилась к Азеру. Будто бы она была кораблем, а Азер портом, где надо было бросить якорь... В ушах звенели слова Азера: «Скоро пошлю своих сватов», «Я тебя очень люблю», «Без тебя мне жизнь не жизнь». Жизнь была прекрасной. Она парила в небесах любви, неповторимых мгновений, чувств и ноток волнений, грез о счастливом будущем. Она была очень счастлива... Нашла принца на белом коне, о котором мечтала, чего же еще желать...

Она одевалась и вела себя так, как того хотел Азер. У него была одна любимая песня: «Если я тебя потеряю, мир повернется вспять...». Она тоже полюбила эту песню. Больше всех Азер любил своего трехлетнего племянника. Она тоже поместила на экране своего телефона фотографию того малыша...

Была зима прошлого года. Они должны были быть на практике. Но вышло так, что сперва надо было зайти в колледж за документами, а потом отправиться на практику. Тогда тоже шел дождь. Ей надо было спуститься во двор и позвать преподавателя. Когда она дошла до угла здания, то застыла на месте, как вкопанная. Азер был с девушкой из другой группы. Они обнимались...

Она и прежде пару раз их видела за разговором, на вопрос «Кто это?» Азер тогда ответил: «Родственница».

Она прошла рядом с ними, чтобы увидеть: сможет ли Азер посмотреть ей в глаза. Он смог...

Когда на следующий день она, рыдая, спросила у Азера причину такого его поведения, он сказал: «Плачешь из-за меня? Не будь дурочкой. Ей-богу, это не стоит твоих слез. Я обещал той девушке, поэтому не могу ее бросить. Ее брат тоже меня знает. Если б не это, я был бы с тобой до конца. Но будь уверена, я всегда рядом». Его ответ чуть ли не свел ее в могилу.

О Боже, как легко и спокойно Азер вышел сухим из воды... Воспользовался ее плачевным положением... Как он ее сломал, унизил. И самое ужасное: однажды потребовал, чтобы она пошла и поговорила с его любимой девушкой. Та девушка прознала об их отношениях. Пусть она пойдет к ней и поклянется, что между ними не было никакой любви, что они просто дружили...

И она на это пошла. Сделала это, вызывая жалость. Она так любила Азера, что даже брошенная им грязь не могла запачкать ее чувства...

... Это «Шерг базары». Более половины пути уже позади. Ей надо пройти до конца улицы, затем спуститься прямо по проспекту, где окажется «Каменный базар». Оттуда она спустится вниз и дойдет до «Железного базара».

Она привыкла ходить пешком. Не очень устает. Тот благородный человек сказал ей: «Приходи до 3-х пополудни, из-за праздника мы не будем работать после обеда». Который час? Она посмотрела на экран мобильного – 13:44. Прибавила шаг.

Что только не приключилось с ней за эти последние дни... Кроме удара, нанесенного Азером, остался незачет, надо было уплатить половину денег за обучение, но сделать этого она не смогла. Дядя, воспитавший ее, сказал: «У меня нет возможности» и тем самым снял с себя ответственность. Хотя в прежние годы плату за обучение вносил он...

Она попросила у руководства отсрочки, ей дали месяц времени...

Дома ситуация была крайне тяжелой. Денег у них не было. Откуда им было взяться?! После смерти отца они получали 100 манат в месяц в качестве пенсии. Половина этих денег уходила на съем квартиры. Коммунальные долги, еда, одежда, необходимые для дома вещи, деньги за проезд, школьные расходы...

Мать находила кое-какую работу и иногда что-то зарабатывала, но в последнее время работать, как прежде, не могла, болело сердце, мучило давление...

«Бессовестное существо», которую называли «старостой», каждый день загоняла ее в колледже в угол с требованием принести деньги.

Ей было жаль свою мать. Она не могла изложить ей свою проблему. Даже если б сказала, откуда матери достать деньги?

Дни сменяли друг друга, времени оставалось все меньше.

Наконец угроза исключения из колледжа стала вполне реальной. Настал последний день отсрочки. Она была в безвыходном положении. До самого рассвета умоляла Бога явить чудо. Очень боялась наступления утра...

Как только рассвело, собрав все остатки надежды, она отправилась к дяде. Со слезами на глазах изложила суть дела открывшей дверь дядиной жене. А та захлопнула дверь со словами: «Зарабатывать становится всё трудней. Своих детей еле кормим. Где твоему дяде взять деньги?».

Не переставая плакать, она вернулась домой и написала сообщение самой близкой своей подруге Назлы, попросила 50 манатов. Ответное сообщение пришло сразу же: «Денег у нас нет, сосед попросил в долг, мама отдала всё, что было на руках». Других близких людей у нее не было.

С трудом подавляя смущение, она попросила денег у Али, друга Азера. Тот сказал, что деньги нужны самому, предстоит экзамен.

Последним, кто пришел на ум, был другой друг Азера, Рамиль. Не надеясь на благополучный исход, она написала ему сообщение и тут же получила ответ: «Не проблема, приходи забирай».

Она чуть ли ни бегом бросилась к Рамилю, взяла деньги и отнесла их «старосте», сказала, что скоро доплатит и оставшуюся часть. Немного успокоилась.

У Рамиля она взяла деньги на пять дней, сказала, что возьмет у дяди и вернет, что дядя внезапно уехал в Россию, вернется дня через четыре...

Как только прошло пять дней, Рамиль потребовал свои деньги назад. Она была готова умереть от стыда. Когда она попросила у Рамиля отсрочку, то изумилась тому, как сменился его тон:

– Послушай-ка, я ничего знать не хочу! Даю тебе день! Не то...

Она снова проплакала до утра.

Утром еще раз собрала волю в кулак и отправилась к дяде. Дверь снова открыла дядина жена, на этот раз ее слова прозвучали гораздо жестче: «Больше сюда за деньгами не приходи!», – сказала она и хлопнула дверью. Последним, что она от нее услышала, стало слово: «Сиротка!».

Рыдая, она вернулась обратно...

Надеяться было не на что. Рамиль звонил и оскорблял, ругался. Она выпросила еще один день. Ночью вся в слезах она, не переставая, думала, что делать, как спастись. В первые дни учебы в колледже в нее влюбился парень по имени Субхан, преследовал ее как тень...

Оставшись в безвыходном положении, она набрала его номер. Ответа не последовало.

Она была дома одна. Мать с сестрой уехали в район. Она плакала, рыдала, чтобы облегчить свое горе...

Вдруг поздно ночью раздался звонок. Звонил незнакомый человек. По голосу можно было предположить, что это мужчина средних лет.

– С вашего номера поступил звонок, – сказал он дружелюбно.

Оказывается, номер Субхана она набрала ошибочно. Она извинилась и дала отбой. Ровно через полчаса снова раздался звонок:

– Ханым, у вас очень грустный голос. Кажется, вы плачете. Что-то случилось?

– Нет, ничего... – сказала она и тут же всхлипнула.

Звонящий не сдавался: «Я могу разделить ваше горе, скажите, что случилось».

Она снова дала отбой. Но тот человек отсупаться не хотел: «Слава Богу, возможности у меня хорошие, повсюду есть друзья», «Не бойтесь, скажите мне, в чем дело, поверьте, ваша проблема решится сразу же», «Все знают меня как доброго человека», «Такой девушке, как вы, не пристало плакать и горевать»...

Поневоле она рассказала всё этому незнакомому человеку. Тот рассмеялся: «И всё это из-за пятидесяти манатов? У меня на «Железном базаре» есть несколько объектов. Офис тоже в тех краях. Приходите завтра до трех и заберите деньги. Я дам не в долг, а просто так...»

... Она оставит позади еще один светофор и дойдет до «Каменного базара». Снова стал накрапывать дождь. Навстречу шли две разговаривающие и смеющиеся девушки под зонтом. Она всегда мечтала о таком зонтике. Темного цвета зонт с изящным узором. И всегда мечтала, чтобы и она могла улыбаться, как веселые и счастливые люди вокруг, вот как эти девушки...

Орхан... Конечно же, Орхан... Лишь он один готов был ее смешить. Он был соседом ее дяди. Целыми днями простаивал под их окном. Однажды двоюродный брат пожаловался ее дяде, что Орхан из-за Гюнель целыми днями смотрит на наше окно, мы уже опозорились. А дядя дал ей пощечину.

После того, как Гюнель стала студенткой и ее мать с сестрой переехали из района, они стали втроем снимать квартиру, Орхан чуть ли не каждый день приходил за ней. Он любил ее искренне и чисто. Матери Гюнель он тоже нравился. Он был студент, из хорошей семьи с неплохим достатком.

В пору встреч с Азером она всегда убегала от Орхана, ее раздражали его визиты, но, увидев его в прошлом месяце, она обрадовалась. Ей надоело быть одинокой, надоело мучиться.

Орхан вернулся из армии, прямоком пожаловал к ним, постучался в дверь и попросил разрешения у ее матери:

– Тетя, с вашего разрешения я украду Гюнель... Есть разговор...

По соседству жила одна женщина по имени Бести. В тот день она недобро посмотрела им вслед...

Они погуляли, покатались на карусели в Насиминском парке, выпили чаю... Орхан сказал, что уговорил родителей, что в конце недели они к вам придут...

Он был очень ревнив. «Что это за сообщение тебе пришло?», «Кто этот парень, который на тебя так посмотрел?», «Почему так вызывающе одеваешься?».

Она разбила свои грезы об Азере и возвела на их месте мечты о совместной жизни с Орханом...

Спустя два дня Орхан пришел за ней в колледж, он был очень зол: «Оказывается, ты приводишь домой парня? Как же я не знал до сих пор, что ты распутная... Хорошо, что твоя соседка мне об этом сказала...»

... Перед магазином электротоваров стояло несколько рабочих. Она подошла к одному из них, сравнительно пожилому, и спросила о местоположении «Железного базара». Рабочий указал пальцем вниз – на железные горки в долине...

Порой она упрекала себя за торопливость по обретению счастья. Думала, всему свое время. Торопиться – значит нарушать порядок...

А жизнь так и проходила в ожидании. Вот и очередной Новый год... Еще один год, полный надежд... Когда только наступал этот, уже старый год, ее самой большой мечтой было воссоединение с Азером. А чего теперь ей желать?

Она снова, задышавшись, открыла старый сундук с тяжелой крышкой, отпустила воспоминания на волю. Есть скамейка на углу, когда сворачиваешь от берега во второй квартал, они всегда сидели с Азером на этой скамейке и смотрели на море. Азер обнимал ее за плечи, и они вместе слушали песни на его телефоне:

*Если я тебя потеряю, мир повернется вспять,
Если я тебя потеряю, всё во мне умрет...*

Она слушала и всё больше убеждалась, что никогда не потеряет Азера, что будущая их жизнь пройдет совместно... Даже когда они состарятся и станут бабушкой с дедом, эта песня будет жить, как их общее воспоминание...

В те годы, пока был жив отец, на Новый год она всегда ждала больших нарядных кукол. Каждый раз отец расстроенно сообщал, что на сей раз не получилось, но на следующий Новый год он обязательно купит ей самую большую куклу. Самую-пре-самую большую...

Вокруг никого не было видно. Под ногами грязь доходила чуть ли не до колена. Как бы осторожно она ни передвигалась, всё-таки пачкала обувь в грязи, шла среди железных остовов, искала белый одноэтажный офис благородного человека, представившегося Османом.

Вот и офис...

Она постучалась в железную дверь. «Войдите!», – прозвучал голос изнутри, и она вошла. Осман оказался светловолосым, усатым, полным человеком средних лет. Он сидел за столом. Затем встал и подошел к ней, сказал: «Добро пожаловать» и тут же указал на расстеленный ковер: «Если можно, снимите обувь».

Внутри было очень жарко. Работал кондиционер. «Куртку тоже снимайте», – сказал человек по имени Осман. Увидев, что Гюнель колеблется, он сам снял с нее куртку, резким движением запер изнутри дверь и прижал девушку к себе.

Обомлевшая на секунду Гюнель в ужасе вырвалась из его объятий и заорала: – Что вы делаете?!

– Как это что делаю? Разве ты не за этим сюда пришла? – сказал так же невозмутимо человек по имени Осман.

– Что вы говорите?! – заикаясь от волнения выпалила Гюнель. – Я не из таких, вы ошибаетесь!

Человек по имени Осман расхохотался:

– Не старайся понапрасну, здесь тебя никто не услышит. Здесь только мы двое.

Он вновь ринулся на девушку. Гюнель плакала, умоляла. Осман же все твердил: «Раз пришла – раздевайся». «Ты ведь пришла сюда ради пятидесяти манатов. Будь со мной – дам твой полтинник. Сделаешь мне хорошо – получишь все шестьдесят...».

Гюнель, дрожа, припала к его ногам, стала умолять: «Ничего мне не надо, дайте мне уйти, у меня есть два маната, хотите – дам вам и это, только отпустите...».

Честно говоря, она не надеялась спастись. Но чудеса случаются. Внезапно в дверь постучались. Осман, не переставая ворчать, открыл дверь и принялся с кем-то беседовать.

Как только Гюнель увидела приоткрытую дверь – изо всех сил ринулась в эту щель и принялась бежать, не оглядываясь. Ей было уже не до скинутой обуви и куртки. Раздающиеся за спиной голоса оставались позади: «Стой!», «Кому говорят?!», «Куда бежишь, сука?!»

* * *

Немало пробежав, она увидела перед собой полицейский «Фиат»...

ПОСЛЕДНЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

От эмбриона – к младенцу, от младенца – к ребенку, от ребенка – к подростку, от подростка – к молодому, от молодого – к человеку средних лет, от человека средних лет – к старику...

От мрачного – к веселому, от пессимиста – к оптимисту, от жестокого – к сострадающему, от невежества – к знанию, от горестного – к радостному, от несчастного – к счастливому...

Изменение, смена, превращение, переход, перерождение, трансформация, МЕТАМОРФОЗА...

VII ЧАСТЬ

По сути, эта комната должна была выглядеть устрашающе. Ведь здесь временно содержались преступники либо подозрительные лица... Однако светло-голубые стены гармонировали с белоснежным потолком и обогревателями, темно-синей плиткой на полу, создавали спокойную и даже всееляющую надежду атмосферу. Даже блестящий кофейный цвет тяжелой железной двери и железной решетки на окне казался оптимистичным...

Дежурный пришел и сказал Эльвину, что он попал сюда случайно и поэтому свободен. В свою очередь Эльвин сказал Яхье:

– Не беспокойся, я постараюсь, чтобы ты тоже вышел отсюда.

Как только он ушел из отделения, Сара нарушила тишину:

– Который час? – обратилась она к Руфату.

– Без двадцати пять двенадцать.

– Значит, Новый год мы проведем здесь? – тут же спросила она.

Руфат еще раз набрал Тофика, еще раз получил подтверждение того, что их скоро отпустят.

Сара на сей раз сказала, что хочет пить: «Вот бы моя кухня сейчас оказалась здесь, я бы заварила отличный чай, и мы бы его отведали...». Эти слова (не «вот бы мне сейчас оказаться на своей кухне», а «вот бы моя кухня сейчас оказалась здесь») тут же привлекли внимание Руфата. Всё это время он мечтал о том, чтобы здесь оказался его коньяк семилетней выдержки, и чтоб они справили Новый год впятером...

Эйюб встал и осторожно постучал в дверь.

– Чего надо? – отозвался приоткрывший дверь полицейский.

– Братец, мы не воры, не разбойники, мы интеллигентные люди. Очень прошу, организуйте стакан чаю.

– Какой еще чай? Ты б еще кофе попросил! – захлопнул полицейский дверь.

На сей раз в дверь громко стал стучаться Руфат. Лицо полицейского, заглядывающее в дверную щель, было еще более сердитым и жестким:

– Гражданин, почему вы ломаете дверь?! Что за произвол?! Не хватает того, что вы нарушили общественный порядок, вы еще и чаю хотите?! Я вас сейчас...

– Во-первых, никакого порядка мы не нарушали, – прервал его Руфат. – В эту новогоднюю ночь вы испортили нам всё настроение и заперли тут. Во-вторых, допустим, нарушили. Ты нам разве враг, чтобы пожалеть чашки чая? Ты такой же человек, как и я...

– Рустамов, что там случилось?!

После этого вопроса сотрудник полиции встал смирно, а от его прежнего грубого тона не осталось и следа:

– Товарищ майор, задержанные просят чаю.

Из-за той стороны двери послышался доброжелательный голос:

– Простят – дай. Никто в этот праздничный вечер не хотел бы оказаться здесь по доброй воле. Дай и чаю, и конфет.

Им тут же были переданы наполненный водой электрический чайник, чай для заварки, шесть чашек и сахарница с карамелью.

Сара встала и с довольным выражением лица подключила чайник к розетке. Как только закипел чайник, она заварила чай, в светлого цвета чашки налила чаю себе и Гюнель, а в темного цвета – мужчинам и протянула каждому чашку.

Прекрасный аромат чая охватил всю комнату.

Руфат с Эйюбом сразу же ее поблагодарили. Потом поблагодарил ее Яхья. Гюнель обхватила чашку обеими руками и улыбнулась...

А Гулам сначала втянул в себя аромат чая: «Ох, как пахнет, – сказал он и отпил глоток. – Вот это да! Поверьте, я никогда в жизни не пил такого вкусного чая».

Они дождались наступления двенадцати по мобильному телефону Руфата и поздравили друг друга. В один голос выразили уверенность, что наступивший год каждому из них принесет счастье.

... Гулам допил свой чай позже всех и сказал со вздохом:

– Не знаю, примете ли меня всерьез?! В последние годы я испытываю в своей жизни большую пустоту, безвоздушность, невесомость. Считаю себя чужим среди людей. Эти чувства очень мешают мне нормально жить. Я ото всех бегу, постепенно отчуждаюсь... Это состояние несколько часов назад даже готово было лишиться меня жизни... Некоторое время назад горести, которые я испытал, встали мне поперек горла. Поверьте, мне было трудно дышать. Но сейчас...

Увидев, что все пять товарищей по комнате внимательно его слушают, Гулам воодушевился, продолжил свою речь:

– Но сейчас я не ощущаю этой тяжести, дышу совершенно легко... Я чувствую вашу положительную ауру, положительную энергетику, которую вы мне передаете, ваши добрые, чистые, незамутненные сердца. Я меняюсь, полностью меняюсь. Благодаря вам темная келья внутри меня освещается... Честно говоря, и сам не знаю, как выразить вам свою благодарность...

Эйюб с удивленным выражением лица встал с места:

– Ей-богу, мне тоже хотелось сказать что-то похожее. Я чувствую себя среди вас так беззаботно, так спокойно... Вспоминаю фразу, записанную в одной из моих тетрадей: «Люди одного сезона – носители горя...». Поверьте, только к ушедшему молодому человеку я не чувствовал доверия. Казалось, что он не такой, как мы. Видите, его уже нет среди нас.

Сара во второй раз налила всем чаю, раздала карамель. В эту минуту ей так хотелось накрыть для них прекрасный стол. Приготовить различные салаты и блюда, стать свидетельницей их удовлетворенности...

В глубине ее души возникла некая уверенность, что отношение с этими людьми не будет временным. Они сблизятся, подружатся, будут друг другу заступниками... Вот взять эту бедную девчущку – они на все сто процентов породнятся... Она и так одна.

Гулам встал с места и немного прошелся из угла в угол, затем встал посреди

комнаты и улыбнулся:

– И вправду, ну и дела. Судьба собрала вместе шестерых несчастных людей...

Эйюб его поддержал:

– Прямо как в том анекдоте. Однажды Азраил приходит к одному мужчине, чтобы увести его в свое царство. Мужчина умоляет его и выпрашивает неделю отсрочки, а в конце недели собирает весь свой скарб и убегает из страны, чтобы ангел смерти его не нашел... Вы, наверное, слышали этот анекдот?

– Да, слышал, история с кораблем? – сказал Руфат.

– Рассказывайте, рассказывайте, – тут же сказала Сара и с нетерпением стала ждать окончания истории.

– ... Мужчина начинает жить в другой стране. Через некоторое время ему приходится отправиться в морское путешествие. Корабль попадает в сильный шторм, и тут перед мужчиной появляется Азраил: «Теперь-то ты от меня не убежишь?!». Мужчина принимается его умолять и пытается заставить его передумать: «Ты что, ради меня одного умертвишь столько народу?». Тот хохочет: «Почему ради тебя одного?! Знал бы ты, сколько лет я ждал, чтобы собрать вас всех на этом корабле?!».

– Эх, бедняжки, – не стала смеяться Сара и грустно вздохнула.

Гулам сел на свое место и сказал с улыбкой: «Азраил собрал их на корабле, чтобы отправить на смерть, а полиция собрала нас в отделении, чтобы вернуть к жизни». На этот раз все рассмеялись.

Руфат полушутя-полусерьез сказал: «Давайте не терять контакты после того, как мы отсюда выйдем, давайте время от времени встречаться, можно даже создать партию и назвать ее партией «Горестных». Всё равно в этой стране каждый создает какую-нибудь партию. Пусть горестные, обидевшиеся на мир люди приходят к нам. Пусть всем будет так же хорошо, как нам сейчас...».

Они долго беседовали... Так как они уже считали себя близкими людьми, то каждый подробно рассказывал свою историю, то, как он сюда попал. На заданные вопросы отвечали радушно. Они говорили и облегчались, словно с их плеч падал тяжкий груз.

На лице Гюнель тоже появилась слабая улыбка. Она смотрела на окружающих своими большими глазами, получала от этих незнакомых людей теплоту и доброту, которых ждала, но не получила от близких. Все они – Азер, дядя, дядина жена, староста, самая близкая подруга Назлы, Рамиль, соседка Бести, Осман – взяли руку об руку и столкнули ее в бездну отчаяния. А те, кто сейчас здесь находился, вытаскивали ее из этой пропасти...

Они снова вернулись к предложению Руфата «объединиться». Почему бы и нет?! Если и не каждый день, то через каждые два-три дня могли бы собираться вместе.

Где? Руфат снова шутя сказал: «Давайте арендуем у полицейского отделения эту комнату, которая нас свела вместе». Все рассмеялись.

Эйюб сказал, что можно собираться в каком-нибудь кафе.

Яхья заметил, что лучше встретиться где-нибудь в офисе.

Гулам заявил, что это может быть и клуб.

А Сара заметила: «Чего долго думать? Моя квартира – самый подходящий вариант...».

Все улыбались, у всех сияли глаза...

Мир менялся, обновлялся...

... Сара чувствовала легкость в теле, свежесть на лице. Исчезали мелкие морщины под ее глазами и на лбу...

... Эйюб находился в одной квартире с Гюльнар, вокруг сидели дети. Всей семьей они смотрели телевизор...

... Гулам, уверенно бросив зарплату жене, взял на руки дочь и гладил ее по головке...

... Руфат удовлетворялся тем, что свояки и тесть ему кланялись, готовы были ему услужить...

... Яхья с радостью смотрел на обновку сестры, в ее светящиеся от счастья глаза...

... А Гюнель больше никому не была должна. Она сидела в свадебном платье рядом с Азером, а отец с улыбкой на лице их благословлял...

ДЕЖУРНЫЕ

– Я на сто процентов уверен, что после Шахвердиева всё исправится...

– ...

– По сути, я и Меишова особо не опасуюсь. Пусть роет яму...

– ...

– Вот было бы здорово, если б зарплату чуть подняли. Я настроен серьезно, обязательно должен купить машину, купить дачу...

– ...

– Но, между нами говоря, эти подарки – в самый раз. Дети обрадуются...

– ...

– Ради Бога, на сколько метров поднимется этот вертолет?

– ...

– Напрасно ты не взял рыбу. Свежая. Отнес бы домой, мама б поджарила.

– ...

– Вот уже год, как мы вышли из дому. Как пройдет этот год? Пусть он будет удачным для всех, включая и нас...

– ...

– Пусть в этом году решится и гарабахская проблема... Здесь подняли до предела цену на негодную землю, все дерутся за нее. А там наши хлебные земли остались без присмотра...

– ...

– Надо выбрать время и обязательно навеститься в район. И отец, и мать больны. У него радикулит, у нее давление.

– ...

– Ты сказал, твой отец профессор, да? Может, осмотрит наших стариков?

– ...

– Но нет. Кажется, ты сказал, что у него другой профиль.

– ...

– Какой профиль у отца?

– ...

– Хватит писать сообщения. Ей-богу, смотрю на тебя и диву даюсь. Откуда ты берешь столько слов?

– ...

– Не пойми меня неверно, но ты должен показать ей характер. Порой на что-то злись, что-то ей запрещай! Например, не разрешай одевать брюки. Наверно, она их одевает, да? Сейчас все женщины и девушки ходят в брюках, кроме моей. Ты тоже не пускай! По телефону долго говорить тоже не давай! Пусть видит, что перед ней не мямля какой-нибудь, а настоящий мужчина!

– ...

– Откуда они родом?

– ...

– Да, вспомнил, ты в тот день говорил...

– ...

– Ветер, кажется, перестал дуть. Завтра обещают четыре градуса.

– ...

– Но если б пошел снег, было бы здорово. Земля бы подышала.

– ...

– Послушай, что скажу. Ты обратил внимание на задержанных, кроме того ублюдка, сына шишки? У всех шестерых лица светились...

– ...

– По-моему, ни один из них ни в чем не виноват...

– ...

– Видимо, у каждого из них свое горе.

– ...

– Что это за тень?

– ...

– Ты меня слышишь?! Посмотри-ка туда!

– Что?! Что вы сказали?!

– Смотри туда. Видишь?

– Что?

– Человека видишь?!

– Да, увидел.

– Кажется, заметил нас и задержал шаг... Похож на подозрительного человека...

– ...

– Смотри, кажется, хочет убежать! Нет, обязательно надо задержать! Значит, так. Остановим машину и подойдем на пять метров. Приготовь оружие...

ЭПИЛОГ

Тысячи лет спустя наш континент полностью покроется ледниками. Не будет нынешней красоты, зелени, нынешнего тепла. Будет лишь бескрайняя белизна и холод...

ЛЯМАН БАГИРОВА

СВОБОДА БЫТЬ СОБОЙ

«Я выбираю свободу, | но не из боя, а в бой. Я выбираю свободу | быть просто самим собой» – эти слова Галича все чаще вспоминались мне при прочтении новой книги рассказов Н.Расул-заде «Псих».

Америки не открою, если скажу, что почти все герои Н.Расул-заде – люди особенные, существующие в окружающем мире и, тем не менее, исключенные из него. Это люди, испытывающие постоянный разлад с самими собой, словно глядящие на себя со стороны. Увы, их не всегда радует увиденное. Но, может быть, в умении посмотреть на себя со стороны, в отчаянном поиске собственного «я», стремлении отстоять право быть самим собой заключается своеобразное величие и мужество человека. Подвиги – они ведь не только в штурме Эвереста или бросках на амбразуру, они еще и в способности сохраниться как индивидуальность.

Герои книги рассказов – все мучающиеся, страдающие люди. Нет ни одного счастливого. Несчастна старуха Нушаба, на старости лет потерявшая рассудок и вынужденная доживать свои дни в сумасшедшем доме, несчастны ее дети, мечущиеся между долгом перед матерью и собственной жизнью. Несчастливы герои рассказа «Золотая монетка», в течение очень короткого времени преодолевающие рубеж от бедного, но беззаботного существования к призрачно богатому, но страшному. Несчастны герои рассказа «Ночная прогулка»: ведь, по сути, это один и тот же человек, увидевший свое второе, неприглядное «я». Несчастен герой рассказа «Псих», с воодушевлением Дон-Кихота вещающий ошарашенным односельчанам прописные истины о добре, о том, что детство – самая счастливая пора в жизни человека (словно пророк, говоривший: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное»). Но нет пророка в отечестве своем, поэтому лишен счастья и понимания герой рассказа. И, конечно, трагичен рассказ «Бартоломео», с его маленьким героем – мальчиком-дауном, видевшим мир и родных людей в ярких красках. Но никто, кроме деда, не интересуется духовным миром мальчика, по большому счету, никому, кроме деда, он не нужен.

Мыслей по поводу прочитанного много. Опущу некоторую жесткость или, как говорит Натик Расулович, «мускулистость» повествования – это не совсем мое. Но хочу непременно заметить справедливость его слов о том, что у писателей-мужчин неоспоримое преимущество перед писательницами. Женщины веками жили в намертво привитых им представлениях о морали и стыдливости. Не думаю, что это плохо. И все же у писателя-мужчины гораздо больше простора и свободы для творчества, хотя бы потому, что жизнь и природа, заключающая женщину в определенные рамки, открывает для мужчин массу перспектив, как в работе, так и путешествиях, а значит, в возможностях интересных встреч – источниках вдохновения. Все же не каждому дано быть Андерсеном, вдохновлявшемуся уже при одном взгляде на травинку или ласточку и выдумывавшему им истории. Большинство пишущих людей нуждаются во впечатлениях, как рыба в воде, а чтобы запастись этими впечатлениями, человек должен быть в достаточной степени свободен.

Не пытаюсь произвести скрупулезный анализ рассказов, тем не менее, хочу остановиться на некоторых особо.

Рассказ «Мы здесь всем надоели» повествует о потерявшей рассудок старухе, живущей в доме для умалишенных. Из Америки в родной город навсегда приезжает ее сын и на некоторое время забирает мать к себе, в свой большой дом. Есть у старухи дочь, живущая здесь же. Дочь замужем, у нее своя семья.

Старуха в прошлом была математиком, преподавала эту науку в вузе и была самозабвенно предана своей профессии. В конце концов математика поглотила ее ум, заслонила ей живых людей. Весь ее мир – цифры, формулы, она словно на старости лет присоединилась к вещам, которые любила всю жизнь, она и в сумасшедшем доме вычисляет, решает, составляет формулы.

Здесь хочу поразмыслить. Прозорливо, на мой взгляд, автор наделил героиню профессией математика.

Да, есть утверждение, что «Математика – царица всех наук, потому что она упорядочивает ум». Стоп!

Ключевое слово – порядок. В рассказе – порядок и стремление к нему становятся чуть ли не главными героями произведения. Пусть невидимыми, но постоянно ощущаемыми, угадываемыми. Старуха не просто выводила формулы, а старалась упорядочить жизнь, потому что порядок – основа всего. Но порядок в ее понимании – это необходимость, чтобы все было как должно, как принято в обществе, только так и никак иначе. Дважды два всегда должно быть только четыре – на этом стоит мир. Шаг влево, шаг вправо – расстрел, потому что – вдруг стыдно перед обществом, мало ли кто что подумает. Всю жизнь подчинить порядку, подстраиваться под ханжеские и устаревшие формулы общепринятой морали, влезать в ее прокрустово ложе – действительно тяжелая задача для живого, чувствующего и мыслящего человека. Но недаром автор подчеркивает, что порядок и хаос – суть две стороны одного и того же явления. Идеальный порядок предполагает в себе разрушение, точно так же, как в разрушении заложена тяга к порядку.

А жизнь невозможно подчинить идеальному порядку. Она всегда богаче всех математических выкладок и теорий. И пребывание старухи в конце жизни в сумасшедшем доме – закономерно. Она разрушила свой мозг стремлением к порядку, к железной рамке, в которой надежно, но из которой нет-нет, да хочется вырваться.

А то, что в конце рассказа она вновь остается одна в психушке...

Не спешите осуждать детей. Понимаю, это сделать легче всего, особенно в странах с определенной национальной ментальностью. Но давайте рассуждать здраво и честно, положи руку на сердце.

Принято считать, что старый человек подобен ребенку. Так, да не так. Честно говоря, вообще не так.

Решение родить ребенка человек принимает сознательно, в подавляющем большинстве случаев ребенок является желанным. Это первое.

Второе: ребенок появляется, когда родители молоды или хотя бы относительно молоды (следовательно, хватает энергии, сил и здоровья на преодоление трудностей). Третье: ребенок, в основном, несет с собой море позитива. Ну, а как же?! Каждому приятно потетёшкаться с пухленьким, сладеньким, гладеньким младенцем, который сам как открытая книга – что заложишь в него, то и взойдет, воспитывай, как хочешь, и молодой душой сам рядом с ним.

И совсем другое – получи, как ДАННОСТЬ (ребенок – подарок, родители – данность) пожилого или старого человека с набором болячек, капризов, почти всегда – с непростой судьбой и сложным характером, и, конечно же, со своей «кочкой» зрения на

все, не гибкого ни умом, ни телом (в силу возраста или амбиций), практически неспособного воспринимать что-то новое. Получи эту данность не в молодые годы, когда все проблемы даже не переступаются, а перепрыгиваются (молодость помогает!), а в зрелые, когда и своих проблем хватает, и здоровье уже не столь железное, и усталость копится, и больше тяготеешь уже и не к счастью даже, а просто к минимальному комфорту – душевному и физическому. И – самое главное и печальное: день изо дня дряхлей душой сам, потому что внутренний взор старого человека устремлен в прошлое, в то время, когда он сам был молод и полон сил. И винить его за воспоминания, за тяготение к ним ни в коем случае нельзя – в этом его отрада! Но – попробуй выслушивать день изо дня «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», и сам не заметишь, как постепенно тебя поглотит медленная река старости, поглотит гораздо быстрее, чем положено тебе по возрасту.

Неравноценный обмен. Жестко? Да. Жестоко? Пожалуй. Но – честно. Такова реальность (в большинстве случаев). Но это НАШИ старики, НАШИ дорогие родные, и свой сыновний и дочерний долг перед ними дети выполняют.

Выполняют, как могут, свой долг перед старухой Нушабой ее дети – сын Эмин и дочь Эльнура. Но не их вина, что мать уже неинтересна им, и конечно же, не ее. Это жизнь – жестокая, безжалостная штука. Поэтому старуха так горько плачет, когда уводят ее подругу по сумасшедшему дому, вспоминающую свою балетную карьеру. Им есть о чем поговорить, этим старухам, им хорошо вместе, у них одно время. Время – это очень важно! Любое несовпадение, выпадение из времени – чревато большими переживаниями в будущем. Невозможно совместить несовместимое, несопоставимое, можно только по необходимости притерпеться, смириться, но гармонии достичь не удастся. Поэтому неискренне звучат слова дочери Эльнуры, когда она поднимается, целуя мать, и говорит, что они одна семья. Нет. Это неправда. У нее уже давно собственная семья и собственные заботы, а у сына – свои. А старуха не может измениться: как же ей, всю жизнь выстраивающей один порядок, вдруг привыкнуть к другому?.. Для нее дети – по-прежнему только дети, и ей хочется видеть в них детей, а себя – старшей и мудрой. Хочется тепла и БЕЗОГОВОРОЧНОГО понимания, а это дети ей дать не в силах, просто не в состоянии, хотя бы потому, что они – люди уже совсем другого поколения. К сожалению, исход закономерен – старуху вновь помещают в психиатрическую лечебницу и там она тихо и мирно умирает от старости, как написано в рассказе... От краха придуманного порядка – добавила бы я про себя...

Замечательный, тонкий, психологический рассказ. О нем можно говорить долго, и всякий раз он побуждает к новым размышлениям.

Рассказ «Золотая монетка». Сюжет, в принципе, не нов. Яд золотого тельца быстро отравляет душу молодого и честного бедняка-работяги, и он, теряя голову, становится жадным, подозрительным, скупым, а, следовательно, и жестоким. И жестокость эта в первую очередь обрушивается на близких (естественно!), а точнее, на единственно близкого человека – беременную жену. Финал рассказа, выстроенного почти как притча, печален – молодой муж теряет все состояние, доставшееся просто так (недаром говорят: шальные деньги – дурные деньги, если потрачены не к добру), а женщина в результате несчастного случая теряет ребенка и сводит счеты с жизнью. Кара за духовное обнищание и душевное же предательство – неизбежна и ужасна. Но суть рассказа, как мне представляется – глубже. Есть такая поговорка, возможно, не слишком элегантная, но верная в данном случае: «Черного кобеля не отмоешь добела, а кто крепок в вере – того не собьешь». Не любил герой свою жену и свой дом. И свою жизнь с ее маленькими радостями не любил, а просто привык, потому как не знал ничего другого. Если бы любил – берёг, дорожил любовью, домом, уютом, ожиданием будущего.

Бережность – необходимое условие любви. А такая быстрая метаморфоза, случившаяся с героем – не просто проклятие золотого тельца, это и следствие своеобразной проверки на излом, на истинную суть человека. А суть-то оказалась слабой, зыбкой, и – пожалуйста, расплата закономерна. Читая рассказ – он и вправду преподнесен как своеобразная притча – лишний раз убеждалась в справедливости высказывания: «Пройти огонь и воду (тяжести, лишения), медные трубы (славу, богатство), чертовы зубы (болезни), Крым и рым – рабство и тюрьму (рымы – тяжелые кандалы в древности) – и остаться при этом человеком не каждому дано». Герой рассказа «Золотая монетка» с честью (а может, просто по молодости, ибо в молодости все дается легче) преодолел тяжести и лишения, но не смог справиться с богатством.

Рассказ «Бартоломео» – пожалуй, самый пронзительный из произведений сборника. Повествование о мальчике-дауне, которого дед назвал в честь своего итальянского военного друга – Бартоломео, по большому счету – противопоставление обыденного существования сельских жителей, существования, в котором ничего не меняется веками – особенному миру особенного человека. Он жизнь воспринимает через краски, для него любимые люди – ангелы с нежными узкими ступнями, он сам словно парит над землей, оставляя на ней только свою нелепую оболочку. И он не будет нужен этой жизни, и она выбросит его сразу же, как умрут любящие его люди – родители и, в особенности, дед, выбросит, как выдергивают из земли ущербный колосок. Но ничто не исчезает бесследно, и может быть, кто-то потом вспомнит о нем добрым словом, скажут: был, вот, такой – тихий, беззлобный, с чистой душой, любил рисовать и жизнь видел в ярких красках, потому что не ждал от нее ничего плохого. Самое удивительное, что имя у героя говорящее – Бартоломео или, вернее, Варфоломей, что означает – сын земли, или сын радости. Он и есть – дитя природы, дитя, радующееся жизни. И чем явственнее понимаешь, что радость эта не будет для него постоянной, а мир не всегда состоит из ярких красок, тем пронзительнее сжимается сердце...

Можно много говорить о новой книге Н.Расулзаде, но одно можно сказать определенно – она не оставит равнодушной вдумчивого и чувствующего читателя.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

ТАТЬЯНА ХАРИТОНОВА-АРАНОВИЧ

Из цикла «ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК»

Зеленый

Под кроны темные войду,
прохладой дыша.
Луч света кружево листвы
прорежет не спеша.
Пройду тропинкой меж кустов
до заводи лесной –
Зеленых вод зеленый глаз
открылся предо мной.
Любуюсь хрупкой стрекозы
зеленым перламутром
И мхом, проросшим на стволах,
я этим ранним утром.
В собора своды я войду –
величие храня,
Колонн зеленый малахит
надёжен, как броня.
Лучистый взгляд зеленых глаз –
в них не влюбиться трудно:
Прекрасной девушки портрет
в тюрбане изумрудном.

Лиловый

Лиловые ливни, лиловый туман...
Я гроздь сирени в хрустальный стакан
На стол свой поставлю –
на скатерти белой
Опавшие звездочки светят несмело.

Я утром тихонько пройду по росе –
Повсюду фиалки прижались к земле.
В корзине плетеной лиловое чудо –
Как горсть аметистов
среди изумрудов.

Изысканных ирисов стебли,
как стрелы –
Я пробую выписать их неумело...
Лиловая сказка, лиловый букет.
Лиловая краска. Бумага. Мольберт.

Оранжевый

Проказница-осень жонглирует метко
Оранжевым чудом –
хурмою на ветках.
Оранжевым солнцем плеснет сарафан,
Оранжевым соком наполнен стакан.
Гриб рыжую шапку несет на макушке,
Разбрызганы щедро на лицах веснушки.
Яркая ленточка в рыжей косичке,
Оранжевый хвостик
лисички-сестрички...

В оранжевой куртке в жару изнемог
Оранжевым летом укладчик дорог.

Синий

Белый по синему –
парусник в море.
Синий по белому –
прописи в школе.
Белое с синим –
форма «Динамо».
Синее с белым –
в матроске с панамой
мальчик кудрявый
с глазами, как море...
Чайки друг с дружкой
над пристанью спорят.

Иней синеющий,
синий рассвет,
синей звезды
ослепительный свет.
Синей эмалью –
узоры колец,
блещет сапфирами
царский венец.

В синей кастрюльке
варится кашка.
Золото с кобальтом –
мамина чашка.

Доброе утро

**В чистой кухне стол накрыт
Скатертью нарядной.
Воздух льется из окна –
Свежий, чуть прохладный.
Чашки вокруг стола стоят,
К завтраку готовы.
Бабушка оладушек
Напекла нам снова.
В целом мире для меня
Лучше места нет!..
На столе красуется
Ландышей букет.**

Добрый вечер

**Как люблю я этот час –
Воздух пахнет свежестью.
А в душе моей сейчас
Все согрето нежностью.
Хочется как птичке мне
Весело порхать,
Делать лишь приятное,
Мило щебетать.
Положу подснежники
Тихо на подушку,
Пожелаю добрых снов
Девочке на ушко.**

